

Хазрат Инайят Хан
(1882 — 1927)

Хазрат
Инайят Хан

**УЧЕНИЕ
СУФИЕВ**

«Сфера»
Москва, 2009

ББК 87.3

X19

Перевод с английского

Н.В. Кияченко

под редакцией С. Москалёва

Издательство благодарит
за помощь в подготовке перевода к печати:
Sufl Movement International and Esoteric School

Контактный адрес в России:

123001, Москва, а/я 102

E-mail: Новосибирск, ruan@yibmail.ru

Москва, suflmos@yandex.ru

Издание второе.

X19 *Хазрат Инайят Хан*
Учение суфиев. Сборник. — М.: Сфера, 2009.
— 352 с. — Серия «Суфийское Послание».

Настоящее издание работ Хазрата Инайят Хана впервые предоставляет российскому читателю возможность познакомиться с трудами этого виднейшего суфийского мастера и музыканта начала XX столетия, широко известными во всем мире.

В данном сборнике объединены лекции, излагающие теоретические основы и многие практические аспекты суфийского учения.

ISBN 978-5-91269-011-2

© Издательство «Сфера», 2007.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Часть I.....	8
ИСТОРИЯ СУФИЕВ.....	8
СУФИЗМ.....	10
ЦЕЛЬ СУФИЯ	13
РАЗЛИЧНЫЕ СТУПЕНИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ	15
ПРОРОЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ.....	16
ВИДЕНИЕ	20
САМОДИСЦИПЛИНА.....	22
ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ.....	24
ЗДОРОВЬЕ.....	27
ГАРМОНИЯ.....	28
РАВНОВЕСИЕ	30
БОРЬБА И СМИРЕНИЕ	34
САМООТРЕЧЕНИЕ.....	36
РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВОЛЕЙ, СТРЕМЛЕНИЕМ И ЖЕЛАНИЕМ.....	39
Часть II	44
ЗАКОН ПРИТЯЖЕНИЯ	44
ПАРЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ	47
НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ.....	50
ОСУЖДЕНИЕ.....	52
ПРИВИЛЕГИЯ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ	54
НАША БОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ И НАША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЧАСТЬ	57
ЧЕЛОВЕК – СЕМЯ БОГА.....	59
ЭВОЛЮЦИЯ	62
ДУХОВНАЯ ЦИРКУЛЯЦИЯ ПО ВЕНАМ ПРИРОДЫ.....	64
СУДЬБА И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.....	66
БОЖЕСТВЕННЫЙ ИМПУЛЬС	71
ЗАКОН ЖИЗНИ	73
ПРОЯВЛЕНИЕ, ПРИТЯЖЕНИЕ, УСВОЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВО	75
КАРМА И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ	80
Часть III.....	86
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	86
МИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВОСКРЕСЕНИЯ	89
СИМВОЛ КРЕСТА	90
ОРФЕЙ	94
ТАЙНА СНА	94
СОЗНАНИЕ	96
СОВЕСТЬ.....	97
ДАР КРАСНОРЕЧИЯ	99
СИЛА МОЛЧАНИЯ.....	100
СВЯТОСТЬ	103
ЭГО	104
ГЛУБИННАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ	105
ЖИЗНЕННЫЙ МЕХАНИЗМ.....	106
БЛАЖЕННОЕ ЧЕЛО	107
ЧАРЫ ЖИЗНИ	109

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ.....	110
ДУХ КОНСЕРВАТИЗМА.....	111
СОЗДАНИЕ ХАРАКТЕРА.....	112
УВАЖЕНИЕ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОСТЬ.....	113
МИЛОСЕРДИЕ.....	114
СПОСОБНОСТЬ НЕ ЗАМЕЧАТЬ.....	115
ПРИМИРЕНИЕ.....	116
ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ.....	117
СЧАСТЬЕ.....	118
ВАКЦИНАЦИЯ И ПРИВИВКИ.....	119
ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК.....	119
РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ.....	120
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ.....	122

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учение выдающегося индийского мистика-суфия Хазрата Инайят Хана (1882–1927), включающее широчайший круг проблем и конкретных вопросов, большей частью было изложено им в лекциях 1918–1926 годов. В соответствии с традицией, мастер не писал теоретических трудов, но щедро делился со всеми жаждавшими глубинного познания своей одухотворенной мыслью, облеченной в живое слово.

В силу специфики лекционной работы в различных аудиториях, изложения некоторых тем нередко пересекаются друг с другом; так, многие истории и примеры, которыми изобилует большинство текстов мастера, повторяются в различных вариациях по различным поводам; многое из того, чему он учил, неоднократно можно встретить в разных разделах. Это делалось им вполне сознательно, поскольку повторение входило в сам метод его преподавания и помогало изучающим усваивать тонкие различия в каждом новом контексте. Как по этой, так и по ряду других причин, при издании работ Хазрата Инайят Хана невозможно следовать жесткой системе; расположение его лекций в хронологическом порядке оказалось бы неудовлетворительным, а строгая классификация по темам – едва ли осуществимой.

Это издание представляет собой избранное собрание лекций, охватывающих широкий круг вопросов, относящихся к суфийскому учению как таковому. Несомненно, заинтересованный читатель найдет в этой книге массу необходимой информации по теории и практике исламского мистицизма из уст известного суфийского учителя. Кроме того, стенограммы непосредственного устного изложения позволяют соприкоснуться с живой мыслью мастера.

Это лекции и уроки медитации, данные Хазратом Инайятом Ханом в первые годы его работы в Европе. Они представляют собой подробное изложение идей суфизма. Суть этого учения проходит связующей нитью через все главы. А поскольку мастер старается рассматривать все вопросы на конкретных примерах, в книге ярко освещается огромное множество проблем человеческой жизни.

Зачастую изложение принимает вид рассмотрения ситуаций, в которых нередко оказывается каждый человек, и достойных способов поведения в них. Неизменно этот анализ завершается предложением способов решения проблем как отдельного человека, так и всего человечества.

Книгу можно читать как с соблюдением данной в ней последовательности глав, так и выбирая определенные темы по собственному желанию; тогда лучшими проводниками в ней станут внутреннее чутье и интуиция читателя.

В. Л.

Часть I

ИСТОРИЯ СУФИЕВ

У суфизма нет и никогда не было начала, и он никогда не возникал как историческое явление, он существовал всегда, потому что свет всегда был внутренней сущностью человека. В высших своих проявлениях этот свет может быть назван знанием Бога, божественной мудростью – суфизмом. Суфизм был практикуем всегда, а его провозвестниками были люди сердца; поэтому он принадлежит мастерам-основателям так же, как и всем остальным.

Предание утверждает, что первым пророком был Адам, а значит, уже первый человек на земле обладал мудростью. Среди человеческой расы всегда находились те, кто страстно стремился к мудрости. Они разыскивали удалившихся в уединение людей духа и, служа им с благоговейной преданностью, учились у них мудрости. Мало кто мог понять то, чему учили божественные избранники, но величие их личности привлекало многих. И люди говорили пророку: "Мы пойдем за тобой, мы будем служить тебе, мы будем верить в тебя и никогда не последуем за другим", – а святые отвечали им: "Дети мои, благословляем вас. Делайте так; поступайте эдак. Жить следует именно так, а не иначе". И давали людям заповеди и законы, которые могли бы воспитать в них кротость и человечность. Так рождались религии.

Но с течением времени истина была утрачена. Возросло стремление главенствовать, а следом за ним слишком ревностное отношение к своему сообществу и предубеждение по отношению к другим; так постепенно терялась мудрость. Религия утвердилась, хотя и не без труда, но мир в то время и в той стадии развития был таков, что не мог принять суфизма. Его последователей осмеивали, презирали и подвергали гонениям; им пришлось укрыться от мира в уединении и горных пещерах. Когда пришел Христос, суфии были в числе первых, прислушавшихся к его учению, а во времена Мухаммада суфии с горы Джафа первыми откликнулись на его призыв. Одно из толкований происхождения слова "суфизм" связывает его с названием горы Джафа. Именно Мухаммад открыл суфиям путь в Аравию, где у них появились многочисленные последователи, в том числе Садик и Али.

Оттуда суфизм проник в Персию. Однако, где бы суфии ни высказывали своих свободных взглядов, они неизменно страдали от нападков господствующей религии. Единственной отдушиной оставались поэзия и музыка. Именно великие суфийские поэты – Хафиз, Руми, Шамс Табризский, Саади, Омар Хайям, Низами, Фарид, Джами и другие – передали миру мудрость суфизма. Творения Руми настолько величественны, что прочитавший и понявший их получит знание всей мировой философии. На священных собраниях суфиев распевание его стихов служит частью богослужения. Судьбы суфиев восхищают благочестием и человечностью.

Искусство суфизма достигло совершенства в Индии, которая очень долгое время была страной высшей духовности. Для индусов мистицизм являлся наукой и главной целью жизни. Так было во времена Махадэвы и позднее, во времена Кришны. Попав в эту благодатную почву, зерно суфизма дало чудесный цвет, и многие великие таланты, например Хваджа Моинуд-дин Чишти, стали его последователями. Музыка была важной частью их жизни и духовной практики. Эти суфии довели до совершенства искусство преданного поклонения, идеализации, их сознание смогло освободиться от пут внешнего плана бытия.

Переводчики и почитатели персидских поэтов, превознося их, часто совершают одну и ту же ошибку – не воздают должное их предшественникам, и выходит, что эти поэты создали все на пустом месте и ничего не унаследовали от прошлого. Но Персия, окруженная Грецией и Египтом, Аравией и Индией, восприняла идеи Платона и Сократа, учения индуизма и буддизма, особенно их поэзию и философию. Все в мире так или иначе находится под влиянием разных явлений, поэтому было бы ошибкой утверждать, что суфизм зародился в Персии и никогда прежде не существовал; неоспоримо бытование суфизма во времена Мухаммада и даже ранее, как и тот факт, что пророк охотно беседовал с суфиями и советовался с ними. С течением

времени суфизм напитался от многих религий и сам, в свою очередь, повлиял на многие из них. Хотя уцелела лишь крохотная часть древнего письменного наследия и даже это малое почти целиком погублено ошибочными толкованиями, мы все-таки можем разглядеть следы древнего суфизма.

В древнейшие времена было основано Братство Чистоты – Сафа. Его главная установка была такова: познай себя, и познаешь Бога. Эти братья, познающие свою природу, и были суфиями, потому что суфизм есть учение о самопознании.

Суфии и йоги могут понимать друг друга, поскольку разница между ними лишь одна: йоги более стремятся к духовности, а суфии – к человечности. Йогин полагает, что лучше быть Богом; суфий думает, что следует быть человеком, потому что, если в ком-то остался один лишь дух, он всегда рискует пасть – нашему телу свойственно падать. Суфий полагает, что, раз уж у нашего тела есть потребности и желания, надо удовлетворить их; он полагает, что человеку можно получать от жизни все, что в его силах получить, но, если нечто выше его сил, не надо и расстраиваться. Никакого сущностного различия между йогиним и суфием нет. Нет различий в мудрости, а если таковые и видятся, то это всего лишь различия формы.

Радость – в единстве; не в отдельно взятой духовной либо материальной сфере, а в них обеих. Почему человек скрещивает руки? Потому что там, где есть пара, радость в соединении. У человека два глаза; когда они закрыты, приходит радость. Когда воздух при дыхании проходит через обе ноздри, мистик приходит в экстаз. Почему люди пожимают друг другу руки? Почему радуются объятию? Почему жаждут общения с ученым или мудрецом? Потому что одна душа притягивает другую и соединяется с ней. Радость не в одной только духовности, но в единстве духовного и материального.

Быть совсем животным нехорошо; и быть всецело ангелом тоже не плодотворно, потому что мы сотворены с телом животного, которому надо есть, пить и спать и у которого есть чувства и тысяча потребностей. Нам следует примириться с безобидными из наших животных качеств и отбросить опасные. Нет ничего плохого в том, чтобы есть, и в том, чтобы пить, но хватать еду с чужой тарелки, когда еда есть на нашей тарелке, – вот что плохо.

Центральная тема в жизни суфия – это свобода души. Великий персидский суфийский поэт Руми сказал однажды: "Душа на земле заключена в темницу и остается в ней до тех пор, пока живет на земле". Осознаваемая или не осознаваемая человеком, в каждом из нас живет острая тоска души, стремящейся вырваться из плена, разорвать сковавшие ее путы. Ответом на этот порыв должно стать обретение духовности.

Существует два типа суфиев: ринд и салик. Первый, ринд, прекрасно воплощен в переводе Фицджеральда из Омара Хайяма: "О моя возлюбленная, наполни чашу, которая очистит сегодняшний день от сожалений прошлого и страха перед будущим. Что ж, и завтра я могу быть собой, со вчерашними семьей тысячами лет!"¹. Он подразумевает следующее: бери лучшее от текущего момента; живя настоящим мгновением, ты яснее всего узришь вечность. Но если твой взгляд заслонен миром прошлого и миром будущего, ты живешь уже не в вечности, а в ограниченном мире. Иными словами, жить надо не прошлым и не будущим, а вечным. Именно здесь и сейчас мы можем попытаться постичь счастье, которое есть обретение свободы души.

Это главная тема творчества суфийских поэтов, которых можно назвать риндами. Их жизнь не скована так называемыми принципами в отличие от жизни ортодоксов. Они свободны от всякого фанатизма, всяческих догм и предписаний, довлеющих над человечеством. Но в то же время это люди высоких идеалов и совершенной нравственности, глубокого мышления и очень развитого сознания. Они ведут полную свободы жизнь в этом мире-плене, где каждый живущий – невольник.

Среди суфиев есть и салики, которые медитируют и размышляют о нормах этики, живя в соответствии с верными принципами. Жизнь учит их, направляет на правильную дорогу, и они пребывают в благочестии и самоотречении. Путь салика состоит в том, чтобы постичь суть религии – любой, какую бы ни исповедовал человек, – и следовать ей по-своему. Салик использует те же религиозные понятия, что и ортодокс, и участвует в тех же самых церемониях,

¹ От сотворения мира

но для него они имеют иное значение. Каждая строчка священного писания имеет особенный смысл для салика, потому что он видит ее в особом свете.

Все возвышенные и утонченные мысли о Боге, человеке и жизни могут быть поняты лишь в связи с эволюцией человека, вот почему те суфии, которых называют саликами, прежде всего принимают какую-либо религию и через нее приходят к гармонии с другими людьми, а потом находят в этой религии истинную мудрость и толкуют ее.

По большей части суфийская литература написана таким образом, что человек, незнакомый с ее внутренним, скрытым смыслом, может быть обескуражен. Если мы возьмем стихи Хафиза, то обратим внимание, что в них едва ли встречается упоминание о Боге. Если мы обратимся к поэзии Омара Хайяма, которую так высоко ценит западный мир, то увидим, что он пишет всегда об одном и том же: о вине, о возлюбленной, о кубке и уединении. Кто-то спросит: "Что за духовность во всем этом? Он говорит лишь о вине и кубке! Если это и есть духовность, мне жаль человечество!".

Да, в этих стихах выражено мало благочестия. А в поэзии Джами благочестия и набожности нет вовсе, как нет их в стихах сотен других суфийских поэтов – великих мудрецов и мистиков. Они полагали, что, некогда прославившись духовными людьми, они будут принуждены всегда являться как люди духовные, выглядеть как люди духовные, говорить как люди духовные, и опасались, что на этой тропе утратится их свобода, а сами они прославятся ханжами.

СУФИЗМ

На Востоке существуют три основные философские традиции: суфизм, веданта и буддизм. Учение суфизма излагали пророки Бенэ Израэля: Авраам, Моисей, Давид, Иона, Заратустра, Христос, Мухаммад; эти и другие пророки были родом из земель Сирии, Аравии, Персии, Египта и с территории нынешних Турции и юго-восточной России.

Суфизм – это древнее учение мудрости, смирения, давшее начало многим культурам мистического и философского характера. Его корни ведут к древней традиции, существовавшей в Египте и ставшей тем источником, из которого вышли все другие школы посвящения. Суфизм всегда представлял эту традицию и продолжил ее путь в царстве тишины и умиротворения.

Далее учение суфизма разделилось на четыре школы. Первая из них – Накшбанди, главную роль в которой играют символизм, ритуалы и обряды. Второй стала Кадири, учившая мудрости на основе исламской религии Востока. Третья, Сухрварди, учила таинству жизни, раскрывающемуся через метафизические знания и практики самоконтроля. Четвертой стала Чишти, представлявшая духовный идеал в области поэзии и музыки. Эти четыре ветви дали многочисленные ростки, проникшие в Аравию, Турцию, Палестину, татарские земли, русский Туркестан, Бухару, Афганистан, Индию, Сибирь и другие области Азии.

В каждой школе цель остается одной и той же, меняются лишь методы ее достижения. Высшей целью всякой суфийской школы было и остается достижение того совершенства, которому учил Иисус Христос и о котором в Библии сказано: "...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный".

Метод суфизма в основе своей всегда один – избавление от своего "я". Но какого "я"? Не настоящего, а ложного "я", от которого человек зависит и исходя из которого считает себя кем-то отличным от других. Отказавшись же от этого ложного "я", он дает возможность своему подлинному Я проявить себя в видимом мире. Суфийский метод позволяет раскрыться душе человека, истинному Я – вечному, которому принадлежат все силы и красота.

Суфизм понял, что образы Ахурамазды и Аримана олицетворяют собой принцип добра и принцип зла. Кто-то может обнаружить их в словах Христа или в Коране так же, как и в Зенд-Авесте. Он понял то, что стоит за представлениями об ангелах, пришел к идеализации Бога и Учителя как носителя божественного послания. Его можно назвать иудейским мистицизмом, если пренебречь тем влиянием, которое оказало на него христианство. Его можно назвать христианской мудростью, если пренебречь влиянием мудрости ислама. Его можно назвать

внутренней составляющей ислама, если пренебречь воздействием иных философских систем, таких, как веданта и буддизм.

Вот почему суфизм так всеобъемлющ, совершен и универсален.

Суфийское поклонение природе родилось под воздействием учения Заратустры. Склонность суфизма к жертвоприношению – это урок Авраама. Своим чудесным могуществом он обязан Моисею. Предупреждая о грядущих опасностях, суфизм представляет Ноя – величайшего дозорного прошлого. Его неприятие аскетизма восходит к Соломону, а священная музыка напоминает о песнях Давида. Стремление к самопожертвованию опирается на пример Христа, в человечности видно воздействие личности Мухаммада. Вот почему суфий является учеником всякого наставника, последователем любой религии, познающим мудрость во всех ее аспектах. Вот почему, несмотря на свои духовные достижения, он остается открытым миру.

Многие люди говорят: "Мы верим только в Моисея или в Христа". Другие утверждают, что верят лишь Ведам или другим древним священным писаниям. Но для суфия неважно, кто именно сказал то или это; важна суть того, что было сказано. Если он находит истину в словах Заратустры, он принимает ее; если он встречает истину в Каббале, то принимает и ее. Суфий признает слово Христа и Библию, он видит истину в Коране. Он принимает веданту – среди суфиев были более великие ученики веданты, чем многие индусы. Во всем он видит одно священное писание.

Дара, брат Аурангзеба, одним из первых среди иностранцев изучил Веды и помог распространению заключенного в них знания. В царствование Акбара в его землях строились христианские церкви, еврейские синагоги и мусульманские мечети – и он посещал их все. Это убедительное доказательство его суфийских воззрений. Когда умер великий поэт Кабир, индусы и мусульмане принялись оспаривать друг у друга право проводить его в последний путь. Индусы хотели кремировать тело, а мусульмане – предать земле. И те и другие заявляли, что он принадлежит к их вере. Суфий видит истину в каждой вере. Он никогда не скажет, что та или другая религия – не его. И индусы и мусульмане приходят к могилам великих суфийских святых например к могиле Хваджи Моин-уд-дина Чишти в Аджмире.

Суфий видит истину во всех ее формах. Если кто-нибудь предложит суфию пойти в христианскую церковь и вознести молитву, он сделает это с охотой. Если кто-то другой пригласит его в синагогу и попросит молиться так, как это делают евреи, он будет совершенно готов к этому; а находясь среди мусульман, он станет совершать намаз вместе с ними. В индуистском храме он видит настоящего Бога, живого Бога вместо идола; и буддийский храм вдохновляет его, а не ослепляет идолопоклонством. И все же истинная мечеть суфия – в его сердце, в котором живет Возлюбленный, тот, кому одинаково поклоняются как мусульмане, так кафиры.

В наши дни задачей Суфийского Движения является установление лучшего взаимопонимания между отдельными людьми, народами и расами, а также помощь тем, кто стремится найти истину. Его основное положение – утвердить осознание божественности человеческой души; для этого и дано суфийское учение.

Непонимание существует не только между Востоком и Западом или христианами и мусульманами, передавшими Западу опыт суфизма, но между самими христианами, равно как вообще между людьми. Суфизм как школа пришел с Востока на Запад, но суфизм как послание пришел на землю свыше. В этом смысле суфизм не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Суфийское эзотерическое учение опирается на традицию древней школы суфизма, существовавшей на протяжении разных исторических этапов, но Суфийское Послание имеет свою собственную традицию. Это больше чем школа: это сама жизнь; это ответ на мольбу всего человечества.

Суфизм есть религия, если кто-то хочет учиться по нему вере; он есть философия, если кто-то хочет учиться по нему мудрости; он есть мистицизм для того, кто стремится быть руководимым им в раскрытии своей души. И все же он выше этих вещей. Он есть свет, он есть жизнь, питающая каждую душу и возвышающая смертного до бессмертия. Он – послание любви, гармонии и красоты. Это божественное послание. Это послание эпохи, а послание эпохи

есть ответ на призыв каждой души. Это послание, однако, заключено не в словах, а в божественном свете и энергии, которые исцеляют души, даря им покой и мир Бога.

Суфизм не является ни деизмом, ни атеизмом, поскольку деизм означает веру в Бога, находящегося недостижимо далеко на небесах, а атеизм значит жить без веры в Бога. Суфий верит в Бога. В какого именно Бога? В Бога, от которого он сам произошел, Бога в себе и вокруг себя; как сказано в Библии, мы живем, движемся и имеем наше существование в Боге. Такое учение – учение суфизма.

Суфий верит в Бога как в идеальное Я внутри подлинной жизни, как в коллективное Сознание, а также как в Господа обоих миров, Владыку судного дня, Вдохновителя прямого пути, Того, от Которого все произошло и к Которому все вернется.

В действительности не может быть многочисленных религий; есть лишь одна. Не может быть двух истин и не может быть двух повелителей. Как есть только один Бог и одна религия, так существуют лишь один повелитель и одна истина. Уязвимое место человека всегда заключается в том, что он считает истиной лишь то, что привычно, а то, что он не приучен слышать или о чем думать, пугает его. Подобно путнику, затерянному в чужой стране вдали от дома, душа человека странствует среди явлений и вещей, непривычных ей. Но путь к совершенству означает возвышение над ограничениями, устремление на такую высоту, откуда глаз уже не может различить границ отдельных стран или континентов, а видит весь мир целиком. Чем выше поднимаешься, тем шире становится горизонт.

Суфий никому не предписывает принципов, но это не как в обычной жизни, где не иметь принципов значит быть очень плохим человеком. Некоторые удивляются: как же можно следовать учению суфизма, если у него нет определенных принципов. Ответ прост: то, что хорошо для одного человека, может быть плохо для другого. Для кого-то очень хорошо быть монахом и сидеть целый день в церкви или мечети, а кому-то это не годится, – ему, может быть, нужно идти в кафе и рестораны и понять смысл приобретаемого там опыта.

На Востоке в месте, где должно выражать уважение, люди покрывают голову шапкой или тюрбаном, тогда как на Западе в тех же самых случаях следует снимать шапку, то есть все делается точно наоборот. На Востоке прежде чем войти в индуистский храм, мечеть или другое священное здание, необходимо разуться; на Западе не дозволяется являться в церковь босиком. Если бы браминам пришлось носить тяжелую обувь – такую, как носят европейцы, им стало бы дурно, они бы постоянно страдали от усталости; их обувь должна быть легкой и простой, чтобы ее можно было снимать и надевать без проблем. Предписания каждой религии давались в соответствии с определенным временем и местом.

Люди без конца сражаются из-за принципов; они заявляют, что твердо стоят за такие-то принципы и что эти принципы делают их лучше тех людей, которые придерживаются иных норм. Однако для суфия здесь нет хорошего или плохого; его единственная мораль – быть добрым к другим. Вот чего мир никак не может понять, потому что человечество всегда желает принципов и хочет, чтобы кто-то сказал ему, что хорошо и что плохо. Но мы видим вещи хорошими или дурными в зависимости от нашей точки зрения, а это значит, что ее-то и следует воспитывать в первую очередь. Суфий наполняет духовностью все, к чему бы ни прикоснулся. Он видит только единство и гармонию. Религия суфия – только любовь, поэтому предписания прочих религий ничто для него. Борьбу за принципы он оставляет в удел тем, кто не способен видеть вне узких рамок своих собственных идей.

Когда произносится слово "философия", человек сразу вспоминает философию веданты, скажем, или Платона и Аристотеля. Эти и прочие философы изучали физическую вселенную, материю; они выяснили, как дух становится материей, и постигли метафизику. Но в их философских системах мы не найдем ни поклонения, ни идеализации, тогда как в суфизме мы находим идеализацию Бога.

Суфии верят в помощь любого поклонения; но даже идолопоклонство не заставит суфия стать кафиром, неверующим, поскольку кроме идола он в то же самое время поклоняется чему-то еще. Миру может показаться, что он поклоняется идолу, тогда как в действительности он поклоняется Богу во всем. Идолопоклонник тот, кто говорит: "Это – Бог, а то – не Бог; Бог есть в этом идоле, а в тебе нет Бога".

У суфия также есть свой идол, но это живой идол. Как-то на улице Хайдарабада я встретил факира. Он обратился ко мне: "Эй, муршид, как пройти туда-то?" Я в то время изучал философию и подумал: "Он назвал меня муршидом; должно быть, он увидел во мне какое-то величие!". Но тут я услышал, как он спрашивает полицейского: "Эй, муршид, это дорога к такому-то дому?" – и понял, что он говорит "муршид" каждому. Когда я попросил объяснений этому у своего муршида, он ответил, что факир находится на ступени фана-фи-шейх, когда ученик видит своего муршида во всем и в каждом. Тот, кто достиг этой ступени, учится у всего, у каждого существа, старого или молодого, глупого или мудрого, даже у кошки, у собаки, у дерева, у камня. А человек, способный видеть Бога только в одном-единственном предмете, а не во всех вещах и существах, – вот кто идолопоклонник. И только когда человек видит Бога во всем, он действительно видит Бога.

Суфизм – это философия среди религий и религия среди философий. В кругу религий он представляется философией благодаря характерной для суфизма свободе мысли; среди философских систем он кажется религией из-за идеализации суфиями Бога, посвящения себя ему и поклонения. Суфиями этих людей называли другие, сами они не давали себе никакого имени. Они были свободны и чисты от определений, от имен и ярлыков, от персональных различий, и поэтому мир назвал их суфиями, от корня саф, что по-арабски означает "чистый".

ЦЕЛЬ СУФИЯ

Цель суфия в жизни состоит в том, что он не отказывается ни от какой религии, не отвергает никакое общество. О чем бы ни шла речь – о христианстве, буддизме, иудаизме, индуизме или любом другом учении и сообществе, будь то Теософское Общество, Новая Мысль или Христианская Наука, – он не стремится увидеть слабые места и возможные недостатки, но он видит добро во всем; каждое существо в мире делает то, что считает самым лучшим, и если даже это не так, то во всяком случае оно думает, что поступает лучшим образом. Цель суфия та же, что и цель всего мира: знание; но в то же время он желает достичь гармонии и единства с другими и не ищет различий. Его цель видеть не двойственность, но единство, и эта цель, на самом-то деле, цель всех религий; разница лишь в том, что цель эта провозглашалась с большей или меньшей прямоотой на разных этапах мировой эволюции.

Бог существует как неактивное и совершенное Сознание, чье совершенство лежит в Его самодостаточности; Он проявляет активность в проявлении. Здесь суфий также видит единство Бога. Он всегда удерживает Бога перед своими глазами. Всякую доброту он принимает, исходит ли она от друзей или от отца и матери, он воспринимает это как полученное от Бога: Бог действует посредством друга, матери или отца. Любую обязанность, любую благодарность, которые он чувствует, он испытывает по отношению к Богу. Дружба, любовь к родителям, близким, друзьям, возлюбленной – все это он приписывает Богу.

В стихах суфийских поэтов часто воспеваются локоны возлюбленной. Поэт видит проявление Бога в образе любимой. Он признает Бога и в родителях, и в друге. С каждым вздохом он повторяет имя Бога и потому считает каждый вздох столь высокой ценностью, что ничто в мире не может сравниться с нею. Кто-то спросит: "Зачем повторять одно и то же миллион раз? Если бы было разнообразие в мыслях, так было бы лучше!". Но лишь посредством одной мысли, той самой мысли, которой человек может соединиться со своим истоком.

Возникает вопрос: является ли целью суфия стать целителем или ясновидцем, общаться с духами или исследовать феноменальный мир, а может, он желает найти себе какого-нибудь проповедника или учителя; ищет ли он присутствие Бога, или мечтает попасть на небеса, или же следует какой-нибудь определенной религии? Ответ прост: его целью не является ни одна из этих вещей.

Многие желали бы обрести мистические знания и стать целителями, чтобы лечить себя и близких, не оплачивая больничных счетов, и выздоравливать без помощи врачей. Эти способности могут появиться у суфия в его движении к более высокой цели. Он может

приобрести все эти чудесные свойства по пути, но остановиться и сосредоточиться лишь на них означало бы для него поступить так же опрометчиво, как для человека, который отправился на вокзал встретить друга, но по дороге заболтался со случайными знакомыми и опоздал.

Ищет ли суфий присутствия Бога? Зависит ли он от медитации, предписанной каким-либо пророком или учителем? Тоже нет. Он не ищет присутствия Бога, потому что там, где речь заходит о присутствии и отсутствии, появляется двойственность, а его цель – единство. В единстве может быть и не-присутствие. Он совершенно не стремится связать себя навсегда с каким-либо мастером. Он не желает идти на небеса, так как он видит небеса повсюду.

Едва только воображение поможет человеку представить Бога перед собой, как Бог пробуждается в его собственном сердце. Теперь, прежде чем он произнесет хотя бы слово, оно уже оказывается услышано Богом; когда он молится у себя в комнате, он не один, – он вместе с Богом. Для него Бог находится не где-то там на недостижимых небесах, а рядом с ним, перед ним, в нем; небеса оказываются на земле, а земля становится небесами. Теперь нет для него никого более живого, чем Бог, более понятного, чем Бог, и все имена и формы, проходящие перед его сознанием, все укрыты Им. Каждое слово в молитве такого человека – живое слово. Оно приносит благословение не только ему, но и всем окружающим. Такой способ молитвы – единственно истинный, и лишь так молитва достигает совершенного осуществления.

В чем же цель суфия? Он стремится постичь такое переживание, в котором нет ничего от "переживания" в обычном смысле этого слова. Существует две тенденции: устремление к проявлению, приведшее нас в этот мир разнообразия, и устремление к неактивности, которое возвращает нас к тому состоянию, из которого мы вышли. Совершенство же состоит не в отдельно взятой не-проявленности и не в отдельной проявленности, а в союзе обеих.

На пути к проявлению душа собрала вокруг себя всевозможные вибрации разных уровней, с которыми вступала во взаимодействие, – от тончайших до самых грубых физических. Но и в этом также совершенство Творца. Мы не могли бы радоваться высшему, если бы не было низшего; не могли бы радоваться сладкому, если бы не горькое. Если бы все было хорошо, мы не смогли бы наслаждаться хорошим. Если бы существовал лишь один цвет, мы бы вовсе не могли получать удовольствие от цвета. Я вспоминаю слова поэта: "Господь, позволь мне не жить в том мире, где камфара, хлопок и кость равно считаются белыми!". Чем больше цветов, чем более многочисленны оттенки, тем сильнее наша радость. Тысячи, сотни тысяч несовершенств существуют лишь для того, чтобы стало возможным одно великое совершенство. На ум приходит сравнение с художником, пишущим картину. У него есть краски и кисти; он создает изображение; и первым ли штрихом или десятым, сотым или тысячным, он сделает его правильным.

Задача суфия – снять покровы. Душа человека так плотно сокрыта всевозможными вибрациями, что сама себя не может под ними разглядеть. Посредством медитаций и особых практик суфий сперва убирает физическое тело и обозревает то, что он может увидеть без него. Затем он отстраняет себя от астрального плана, на котором человек живет в своих мыслях и чувствах, и он видит, что он осознает без этого плана. Сознание подобно занавесу, перед которым стоит некто с маленьким фонариком. Свет фонаря падает на занавес и выделяет или очерчивает ту его часть, которая получает впечатления.

Суфий стремится к самоосуществлению и достигает его с помощью своего божественного идеала, своего Бога. Посредством этого он прикасается к истине, которая есть конечная цель и предмет страстных устремлений каждой души. Это не только осуществление; это счастье, которое невозможно выразить словами. Это покой – тот покой, о котором тоскует каждая душа.

Как суфий достигает этого? Практикуя присутствие Бога; осознавая единство всего сущего; работая каждое мгновение, сознательно или подсознательно, удерживая перед своим видением истину, чтобы не давать волнам иллюзий, бесконечно набегаящим одна на другую, отвлекать его взгляд от абсолютной истины. И суть не в том, как называются какие-либо секты, культы или верования, а в том, что до тех пор, пока души рвутся к этой цели, для суфия все они будут суфиями. Отношение суфия ко всем иным религиям только одно – уважение. Его же религия есть служение человечеству, а его единственная цель – осуществление истины.

РАЗЛИЧНЫЕ СТУПЕНИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

В санскрите есть три особых понятия: Атма – Всеобщая душа, а также конкретная душа, индивидуальность, личность; Махатма – великая душа, просветленное существо, духовная личность; и Параматма – божественный человек, человек, себя осознавший, Богоосознающая душа. Как сказано в "Гайян": "Если вы только изучите человека, вы так много в нем найдете", – вот почему человек (и я имею в виду каждого человека) имеет широкую возможность развиваться в духовных сферах. Обычный ум не в состоянии даже вообразить себе широту доступных для человека духовных сфер.

Под выражением "божественный человек" с давних пор подразумевают главным образом человека, и лишь очень немногие сознают, что в действительности оно означает Богочеловека. Причина этого в том, что все верующие отделяют человека от Бога и ощущают между Богом и человеком столь глубокую пропасть, что возникает необходимость заполнить ее тем, что они называют религией. Вера стоит разделительной стеной между Богом и человеком, она приписывает все грехи человеку, а всю святость – Богу. Эта идея неплоха, но далека от истины.

При рассмотрении первого понятия – Атма – человечество можно разделить на три основные группы. В первую группу входят люди-животные, во вторую – люди-демоны, а в третью – человеческие существа. Индийский поэт говорит об этом: "В жизни так много трудностей, ведь даже человеку трудно быть человеком".

Человек-животное думает лишь о еде и питье, его поступки ничем не отличаются от действий животного, ограниченного удовлетворением естественных потребностей. Человек, наделенный демоническими качествами, тот, в ком "я", эго, стало настолько сильным и мощным – и поэтому столь слепым, что практически полностью вытеснило всякое чувство благородства, доброты, справедливости. Такое существо черпает удовольствие в страданиях другого, отвечает злом на добро, испытывает наслаждение от дурных поступков. Число принадлежащих к этой группе велико.

Затем есть разумный человек, это тот, в ком развиты чувства. Возможно, врачи имеют другое представление о том, кого считать нормальным человеком, но с точки зрения мистика лишь человек, в котором есть равновесие между разумом и чувством, лишь человек, пробужденный к чувствам других, и тот кто сознателен во всех своих поступках и учитывает возможные их последствия для окружающих, он становится разумным. Иначе говоря, даже человеку не так-то просто стать человеком. Иногда на это требуется вся жизнь.

Махатма есть просветленная душа. Он смотрит на жизнь с другой точки зрения. О других он думает больше, чем о себе; его жизнь посвящена благодеяниям; он не ждет признательности или награды за все, что делает для других, не ожидает благодарности или воздаяния за все то, что он делает для других, он не ищет хвалы и не боится хулы. Соединенный одной стороной своего существа с Богом, а другой – с миром, он живет так гармонично, как это возможно. Почему он избирает для себя путь благочестия и праведности? Почему проводит жизнь, уча человечество и проповедуя ему? Он так поступает потому, что это для него естественно; всякое любящее и просветленное сердце жаждет видеть других в лицезрении торжества.

Существуют три категории Махатм. Один сражается с самим собой и условиями вблизи и вокруг него. Почему он вынужден сражаться? Ответ таков: всегда есть противоборство между человеком, стремящимся ввысь, и встречным ветром, относящим его назад. Постоянное сопротивление этого ветра ощущается каждым, кто делает шаг на пути прогресса. Ветер – это конфликт с самим собой, конфликт с другими, конфликт с окружающими обстоятельствами; конфликт, возникающий из всего вокруг до тех пор, пока каждая часть Махатмы проверяется и пробуется, пока его терпение не будет почти полностью истощено, а его эго разрушено. Это твердая скала, превращающаяся в мягкую пасту. Солдат на войне может получить много ранений и еще больше тяжелых впечатлений, остающихся в сердце подобно ранам. Таково и положение воина, вступившего на путь духовности, потому что все против него: друзья, хотя они и не знают об этом, враги, обстоятельства, окружение, собственное "я". Но раны, которые

он получит в битве, и впечатления, которые из нее вынесет, сделают его духовной личностью, личностью, которой трудно противостоять, которая непобедима.

Другой тип Махатмы учит урок пассивности, смирения, жертвенности, любви, поклонения и благосклонности. Бывает любовь, похожая на пламя свечи: дунь – и она исчезнет. Все, на что она способна, – светить, пока ее не задули; она не может противостоять дуновению. Другая любовь напоминает солнце, что встает и достигает зенита, а потом опускается за горизонт и исчезает; она длится дольше. Но есть любовь, подобная божественному Разуму, который был, есть и будет всегда. Открывание или закрывание глаз не отбирает разума; солнце может вставать и садиться, но его движение по небу не повлияет на разум. Когда рождается такая любовь, что способна выдержать ветер и бурю и стать только прочнее от подъемов и падений, тогда человеческий язык становится другим, – мир не может понять его. Как только любовь достигает Властителя любви, она уподобляется водам океана, поднимающимся в виде пара, собирающимся в облака над землей и проливающимся вниз дождем. Постоянное изменение такого сердца непредставимо; не только люди, но и птицы, и звери не могут не чувствовать его воздействия. Это любовь, которую нельзя выразить словами и которая доказывает теплоту той атмосферы, что она создает. Смирренная душа Махатмы может показаться слабой тому, кто не способен его понять, потому что Махатма равно принимает и награду, и проклятие, и все, что ему дается: одобрение и неодобрение, радость и боль. Все, приходящее к нему, он принимает смиренно. Для третьей категории этих высокоразвитых душ есть борьба – с одной стороны, и смирение – с другой. И это наиболее сложный путь к развитию: один шаг вперед, другой – назад и так далее. В таком развитии нет подвижности, потому что всякий шаг уравнивается своей противоположностью. С одной стороны, душа руководствуется силой, с другой – любовью; с одной стороны – царственностью, с другой – рабской покорностью. В одной персидской поэме император Газнави говорит: "Как царь я имею тысячи рабов, готовых откликнуться на мой зов. Но с тех пор, как любовь зажгла мое сердце, я стал рабом моих рабов". С одной стороны активное начало, с другой – пассивное.

Первый тип Махатмы может быть назван мастером, второй – святым, третий – пророком.

Параматма – это наивысшая ступень пробуждения сознания. Обычный человек придает большее значение миру и меньшее Богу; просветленный – большее значение Богу и меньшее миру; Параматма же одновременно и придает и не придает значения Богу или миру. Он есть то, что он есть. Если некто скажет ему: "Это все правда", – он ответит: "Да, все это правда". Если некто скажет: "Это неправда", – он ответит: "Да, это неправда". Если некто скажет: "Все есть одновременно и правда и неправда", – он ответит: "Да, все есть одновременно правда и неправда". Его речь становится невнятной и головоломной. Ведь легче общаться с тем, кто говорит на нашем языке, а едва только смысл слов меняется, язык тоже претерпевает изменение; он становится чужим, иностранным языком в сравнении с обыкновенной речью. Слова ничего не значат для Параматмы, но значит только их внутренний смысл. Нельзя даже сказать, что он понимает смысл: он сам есть смысл; он становится тем, к чему другие стремятся.

ПРОРОЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Пророческая тенденция существует во всем проявлении. Она есть у джиннов и небесных существ, а также в каждой части природы, в минеральном и растительном царстве, среди животных так же, как и среди людей.

Если бы в алмазах не было блеска, в мире не было бы алмазных копеек. Один отблеск в алмазе может стать причиной для любого другого атома земли, который вступил с ним в контакт, стать алмазом, то же самое с рубином. Алмаз стремится превратить все остальное в алмаз, рубин стремится сделать всякий иной атом рубином.

Что касается растений, надо лишь войти в джунгли, – но не там, где человек растит и сеет, а в настоящие нетронутые джунгли, – чтобы заметить, что рядом с одним манговым деревом

непрерывно будут расти другие манговые деревья. Там, где есть хотя бы один душистый цветок, появится тысяча душистых цветов; где есть сладкий плод, будут сотни сладких плодов.

Среди животных тоже много примеров этого феномена. Так, в Индии часто бывает, что обезьяны выходят из леса и разрушают все крыши домов.

Среди этих обезьян всегда есть вождь. Когда он прыгает, все другие обезьяны прыгают за ним. Когда он хочет вернуться в лес, все они уходят в лес.

В северных районах возле Найнитала и Непала, у подножия Гималаев, в джунглях живут слоны. Местные жители придумали много способов ловли слонов, и одним из таких способов является выкапывание ямы и укрытие ее сверху сетью или ветками. Затем они развешивают свои гамаки на деревьях, где живут в течение нескольких дней, высматривая слонов. Им хорошо на деревьях, потому что климат благоприятен. Если стаду слонов случается идти этой дорогой, один из них наверняка наступит на сеть и упадет в яму, откуда не сможет выбраться. Когда он кричит, другие слоны будут смотреть издали, но побоятся подойти близко. К тому же, у людей есть хлопушки, которыми они отгонят слонов, если те все же осмелятся подойти.

В наши дни в группе слонов всегда есть один, идущий впереди. Он держит в хоботе крепкую ветку и ударяет ею по земле, прежде чем сделать следующий шаг, чтобы увидеть, нет ли здесь ямы. Если впереди нет ловушки, он шагает первым, а все остальные – за ним. Такой слон знает о тысяче других опасностей, и стадо испытывает к нему такое доверие, что, куда бы он ни шел, стадо следует за ним. Это показывает, что среди слонов существуют лидерские качества, а также склонность к самопожертвованию. Слон-лидер идет первым, осознавая, что, если впереди яма, он может упасть в нее, но другие слоны будут при этом в безопасности. Однако он осторожен, редко идет в опасное место, а если кто-нибудь из стада и попадает в ловушку, это, как правило, молодой слон, еще не понимающий необходимости следовать за вождом.

В Непале был магараджа, владевший таким слонем-вождем. Слон жил во дворце магараджи, магараджа приказывал, чтобы никто кроме него самого не смел ездить на этом слоне, поскольку он уважал слона, зная о его качествах. Я сам видел этого слона. Когда магараджа Бир Шамшер отправлялся в джунгли охотиться на слонов, он брал с собой этого слона. Магараджа звал его Биджили, что значит "сияющий". Слон был очень маленький, но, если охота не удавалась, он по приказу хозяина шел в джунгли и всегда приводил другого слона – таков был его магнетизм. Он не любил ловить слонов, потому что был одержим милосердием, и никогда бы не делал этого, если бы его не заставляли погонщики, а когда он видел других слонов, то сначала отворачивал голову. Это показывает, что даже среди животных существует пророческая тенденция.

Иногда мы видим эту пророческую тенденцию в родителях. Какой бы дорогой ни шли они сами, своих детей они стремятся направить на другой, лучший и более высокий путь. Иногда мы видим ее в друге: какой бы нежелательный опыт он ни испытал сам, он желает уберечь от этого своего друга. Но лишь избранные, благословенные души имеют эту склонность; ее найдешь не в каждом родителе и не в каждом друге. Иметь таких родителей и такого друга – величайшее благословение.

Что является целью пророческого служения? Эволюция человека протекала таким образом, что в древние времена он был гораздо ближе к животным, чем сейчас. Некогда он заботился лишь о пище и питье и его главной целью было отнять желаемое у других людей, не заботясь о результатах своих действий. Так было до тех пор, пока человек не был пробужден от животного существования.

Пророки были посланы для того, чтобы разбудить человека, подобно тому, как сейчас людей, неспособных утром проснуться самостоятельно, поднимает будильник. Пророки были таким сигналом. Время от времени, чтобы пробудить народ, требовалась власть, и тогда являлся пророк-царь, подобный Соломону. По временам людей призывала красота, и тогда приходил Иосиф, чей облик, чье лицо были так прекрасны, что все сердца плавилось под влиянием его магнетизма.

Божественная Сила всегда так поступала – посылая такого пророка, который был в то время необходим. Если требовалась почтенность, являлся Иаков, в котором почтенность приобретало

такую значимость, что все склонялись перед ним. В то время, когда воспринималась глубоко и вызывала восхищение музыка, приходил Давид; наделенный прекрасным голосом и даром игры на арфе, он давал свое послание в песнях. Таким образом, каждый пророк являлся в таком обличье, которое люди в то время могли бы понять. Однако, поскольку сперва разум человека был для этого недостаточно развит и "Я" полностью заслоняло глаза каждого, пророки прежде всего должны были обновить собственное "Я", и именно поэтому они были пророками. Когда "Я" заслоняет глаза души, душа слепнет.

Есть высказывание, что слова пророка подобны печатям на тайнах Бога. Это значит, что как печать защищает содержимое письма и, когда печать сломана, суть, которую мы хотим прочесть, открыта, так и со словами пророка. Печать не есть письмо; это просто печать; таковы и слова пророка. И опять-таки приходит момент в жизни человека, когда он способен сломать печать. Письмо может быть открыто через месяц, пять месяцев, через пять лет или больше, но такое время непременно наступит; а когда печати сняты, тогда все открыто так же, как в открытом письме.

Однажды я положил на музыку строфу одного вдохновенного персидского поэта и пел ее с большой радостью, потому что слова имели прекрасное значение; и в то же время я чувствовал, что эта строфа имела смысл, лежащий за пределами моего понимания. Я совершенно ясно чувствовал, что здесь нечто было запечатано и скрыто. И через пятнадцать лет, когда мой ум искал разгадку некоторого откровения, пришел голос, принеся разгадку в мой ум. Не было конца моей радости в раскрытии печати, которая была закрыта на пятнадцать лет! Всему есть назначенное время; и когда это время приходит, все открывается. Поэтому, хотя с одной стороны мы можем изо всех сил стремиться к откровению, с другой стороны нам должно хватить терпения ждать момента его прихода.

И хотя Глас Божий непрерывно говорит через все для того, чтобы говорить в глухие уши многих из нас, Ему приходится говорить устами человека. Он делает это на протяжении всей истории человечества, и всякий великий учитель прошлого является этим ведущим нас духом, живущим жизнью Бога в человеческом обличье. Иными словами, их человеческое обличье было различными одеяниями на одном и том же существе, которое лишь выглядело всякий раз иначе. Шива, Будда, Рама, Кришна, с одной стороны; Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммад – с другой и многие другие, известные или неизвестные истории пророки – все они, в действительности, являлись одним существом.

Те, кто узнают посланника, когда видят его, узнают его в любой форме или обличье; те же, кто способен видеть лишь покров, заблудятся. Вот почему для суфия существует только один учитель, какое бы имя он ни носил в разные периоды истории; он приходит снова и снова пробуждать человечество от сна этой иллюзорной жизни и вести его вперед под божественным покровительством. Когда суфий совершенствуется в этом взгляде на жизнь, он узнает своего Повелителя не только в святых, но и в мудрецах и глупцах, в благочестивых и грешниках, и никогда не позволит Повелителю, который есть единственный Повелитель и который один был и всегда будет, исчезнуть из его поля зрения.

Разве источник всех истин не скрыт в сердце каждого человека, будь он христианином, мусульманином, буддистом или иудеем? Разве все мы не являемся частью той жизни, которую зовем духовной или божественной? Быть только тем или этим означает не идти никуда дальше того или этого. Благословение, обретаемое в уединении, сокрыто в каждом человеке; он наследовал его от небесного Отца. В мистической терминологии это называется Всепроникающий Свет. Свет есть источник и основа всякой человеческой души и всякого разума.

Суфий смотрит на все жизни как на одну жизнь, на все религии как на свою религию: назовите его христианином, и он найдет что это так, назовите мусульманином, и он окажется им, назовите индуистом, и он ответит, что чувствует себя им; назовите его кем угодно, и он не станет спорить. Кто назвал его суфием? Только не он сам. Но если он не зовет себя кем-либо, кто-нибудь еще определенно найдет ему имя.

Человек – это цель творения, и он является высшим существом, потому что он человек. Он один знает цель, для которой он был проявлен, причину, почему он здесь. Кошки и собаки не

знают этого. Всякое другое существо в проявленном мире хотело бы стать человеком. Джины хотят стать людьми, так же, как и скалы, растения и животные.

Но не такого человека, каким он обычно является, стремилась создать божественная Сила; человек, которого хотел бы видеть Бог, не должен только есть, пить и спать как животное. Если человеку хочется знать, каким он должен быть, пусть сравнит себя с животными. Он ест, и они едят; он пьет, и они пьют; он спит, но и они тоже спят. Они знают страсти, ненависть и гнев, как и он. Если он не более чем все это, он не человек. Лишь в человеке обнаруживаем мы доброту, милосердие, дисциплину, способность к самопожертвованию, кротость и подобные качества; когда мы замечаем какие-то из них в животных, в собаках и кошках, лошадях и коровах – например преданность у собаки, храбрость и послушание у лошади – это только отражение человека в них, благодаря взаимодействию с ним. Если мы пойдем на берег реки собирать гальку, мы найдем множество камешков, имеющих сходство с человеческим лицом. Иногда не хватает носа, иногда губ, но почти всегда есть признаки, схожие с человеческим обликом. Какое чудесное наблюдение! Как чудесно! Это показывает нам, что все стремится уподобиться человеческому лицу, фактически стать человеком.

Известно также, что лишь человек обладает чувством ответственности. У животных его нет. Рассматривая это, Коран гласит: "Мы предложили свою ношу небесам, и земле, и горам, но они отказались нести ее и были напуганы ею; тогда мы предложили свою ношу человеку, и он принял ее". Это означает, что только человек принимает на себя ответственность за свои поступки. Дальше сура говорит: "Истинно, человек жесток и глуп".

Глуп, потому что считает своим то, что принадлежит Богу. Например, многие не хотят жениться, поскольку считают, что жена и дети – это ответственность. Они не понимают, что жена и дети – от Бога и что Он позаботится о Своем. Человек жесток, потому что использует во вред другим власть и силу, которые в действительности тоже принадлежат Богу. Наша воля, наша сила – все это принадлежит Богу, а мы все говорим "мое" и "моя"; мы приписываем их себе.

Сторож стоит на своем посту с вечера до утра. Днем не нужен будильник, потому что и так день. Пророков посылали во время ночи. Они приходили с одним и тем же посланием, но под разными именами; одна и та же божественная мудрость говорила в каждом из них. Но если спросить еврея: "Признаешь ли ты Кришну и Раму?", – он непременно ответит: "Я никогда не слышал о Кришне или Раме; я признаю Моисея, потому что так написано в моей книге". Если спросить индуса: "Ты признаешь Моисея или Христа?", – он скажет: "Нет, я признаю Раму, и Кришну, и Вишну, и Веды. Вы можете держаться Христа и Моисея, а я стану держаться Рамы, и Кришны, и Вишну". Есть такие, кто предпочитают Каббалу Библии и признают одну только Каббалу. Обратясь к католику, вы услышите: "Нет иной церкви, кроме моей". Все они признают имена, личности, но не признают истины. Они хотят запереть Кришну в храме, Христа в церкви, а Моисея затворить в синагоге. Вот почему сегодня так много тех, кто ищет истину.

В каждую эпоху послание открывалось все более и более ясно, в соответствии со способностью мира нести его; и так продолжалось до самого последнего и яснейшего откровения – послания Мухаммада, печати пророков. После этого пророков больше не требовалось; мир пробудился к восприятию истинной реальности. Сейчас не то время, когда надо ждать прихода нового пророка, сейчас время самим пробудить истину в себе. Если у вас есть друг, уже идущий по этому пути, настало время попросить у него совета.

Работа суфия состоит не в том, чтобы вмешиваться в чью-то религию или навязывать другому свою веру. Суфий никому не говорит, во что и как надо верить. Муршид – это друг и проводник. Он лишь советует, ни к чему не принуждая. Я родился не в христианской семье, но не было христианина, который был более меня тронут словами Христа. Если они правильно поняты, их уже достаточно, чтобы сделать из человека святого. Написано, что в конце концов он был распят, но с момента рождения и далее каждый миг его жизни был распятием. Мир слишком груб для душ пророков; их сердца слишком нежны для него.

Ни один брамин не изучал Веды с большим увлечением, чем я. Если человек знает Брахму, он знает Бога и он фактически – брамин, признают ли это брамины, это другой вопрос. Суфий говорит: "Ты хочешь познать откровение? Ты хочешь узнать об откровении? Ты хочешь узнать

о вдохновении? Вот путь для тебя: верь настолько, насколько твой разум позволит тебе верить, настолько, насколько ты можешь постичь; не верь в то, во что твой разум не позволяет тебе верить".

Суфий узнает одну божественную мудрость во всех пророческих посланиях. Он видит то же самое бесконечное Существо во всем, в различных формах во все времена. Это подобно тому, как если бы кто-то сделал фотографии одного возлюбленного в различные времена: в двенадцать лет, в двадцать, в тридцать, в сорок. Фотографии разные, но на всех них – он, тот же самый возлюбленный.

ВИДЕНИЕ

Можно смотреть, можно видеть и можно наблюдать. Все три слова означают одно и то же действие, и все же каждое слово говорит о чем-то различном. Наблюдая, мы понимаем то, что рассматриваем; видением получаем полное описание этого; но, глядя, мы лишь бросаем взгляд, без должного понимания или принятия этого в расчет. И таким образом здесь есть три состояния: смотрение на поверхность вещи, смотрение на вещь напрямую и смотрение на вещь с истинным обозреванием и пониманием ее в одно и то же время.

Каждый воспринимает вещи и явления одним из этих трех способов. То, что особенно интересует человека, изучается им наиболее внимательно; то, что просто привлекает его ум, он замечает и разглядывает; наконец, он смотрит на то, на что его взгляду случится упасть. Из-за этого все, что окружает человека и может быть им воспринято, действует на него тремя разными способами: то, что человек обозревает полностью, оказывает на него глубочайшее воздействие; то, что человек просто видел, оказывает на него ясное воздействие; наконец, то, что лишьхватило его взгляд, оказывает на него проходящее воздействие. Вот почему есть на свете провидцы, мыслители и те кто лишь имеет пару глаз.

Этот вопрос имеет еще один аспект: человек, идущий пешком, получает определенный род впечатлений от своего пути, едущий на машине имеет другой опыт, и опыт того, кто летит на аэроплане, отличается от предыдущих. Возможно, пешеход достигнет цели не так быстро, как едущий на автомобиле или летящий на аэроплане, но наблюдения, которые ему удастся сделать в это время, виды, которые он сможет рассмотреть, и опыт, извлеченный из всего воспринятого по пути, будут далеко превосходить наблюдения двух других. Наш ум действует точно так же. У одного человека ум работает со скоростью аэроплана, у другого ум работает подобно автомобилю, а у третьего ум работает со скоростью идущего человека. Тот человек, чей ум работает со скоростью пешехода, возможно, реагирует не так быстро, как другие, но все, о чем он размышляет, продумывается им тщательно, а все увиденное рассматривается основательно. Именно такой человек обладает способностью проникать в суть вещей, именно он замечает глубинные законы, скрытые под внешним обликом вещей, ибо его ум обладает нормальной активностью. Мышление не всегда зависит от одной только быстроты ума; нередко качество ума более важно.

Умный человек думает также быстро, но дело не только в этом. Между двумя камнями может быть громадная разница. Возьмем, к примеру, алмаз и гальку – и тот и другая камни, но первый драгоценен, а вторая – тусклая. Так же есть два различных качества ума: один быстр и разумен, другой тоже быстр, но очень часто ошибается. Он ошибается потому, что мыслит быстро, тогда как, с другой стороны, именно качество ума даже при быстром мышлении делает человека правильно мыслящим. Несмотря ни на что, ритм мышления играет большую роль в жизни. Когда те трое, что путешествовали пешком, на машине и на аэроплане, встретятся и обменяются впечатлениями, мы обнаружим большую разницу в том, что они говорят; это объясняет, почему люди, прожившие похожую жизнь, обитавшие под одним и тем же солнцем и рожденные на одной и той же земле, так разнятся своей ментальностью. Дело в том, что их умы путешествовали с разной скоростью. Их жизненные наблюдения отличны друг от друга, хотя они путешествовали по одному и тому же пути.

Провидец не только смотрит, но видит. А как он видит? Контролируя импульс идти быстрее, сопротивляясь искушению пойти направо или налево, он шагает прямо к той цели, которую хочет достичь. Все это помогает человеку стать провидцем.

Провидец видит больше, чем, например, астролог – много больше. Здесь нечего сравнивать. Но провидец не говорит о том, что видел; если он заговорит, то уподобится астрологу. Душа каждого человека для провидца подобна открытому письму, но, если он начнет разглашать доверенные ему тайны, его взгляд будет становиться все тусклее с каждым днем, потому что это доверие, данное ему Богом. Духовное доверие дается тем, кто умеет хранить его, и тем, кто способен хранить секреты.

Есть множество неверных интерпретаций слова "провидец". Иногда люди думают, что провидец – это ясновидящий или спирит, но это совсем другие люди, они не провидцы. Провидцу нет необходимости видеть незримый мир, ведь столь многое надо увидеть в видимом мире! В объективном мире существует так много всего, что может быть увидено человеком, но пребывает сокрытым от его глаз, и если бы он сконцентрировал всю свою жизнь на видении того, что видимо, то нашел бы более чем достаточно того, о чем следует поразмыслить. В людях, мечтающих стать свидетелями чего-то такого, чего никто прежде не видел, говорит обычное детское любопытство. Это также тщеславие – говорить другим, что они видят нечто невидимое другими. Но мир зримый и мир незримый есть одно и то же; и оба они здесь. Если же мы не в состоянии разглядеть незримый мир, то не потому, что он прячется от наших глаз, а потому, что мы закрываем наши глаза на него.

Кроме того, взгляд может быть дальним, может быть ближним и средним. Иной способен видеть очень далеко или задолго до событий, а другой видит лишь то, что происходит в данный момент и перед ним, не замечая ничего за своей спиной. Его влияние достигает только тех вещей, которые перед ним, и именно они влияют на него. Но есть другой человек, который размышляют о том, что видит; такой взгляд можно назвать средним. Его рассуждения достигают настолько далеко, насколько позволяет его рассудок. Он не может видеть за пределами своих рассуждений; он доходит лишь до них и ни шагом дальше. Естественно, если бы три таких человека встретились и заговорили между собой, то каждый высказывался бы на своем собственном языке. И неудивительно, если один не понимал бы точку зрения другого, потому что каждый имеет собственное видение, согласующееся с тем, как он смотрит на вещи. Никто не может передать свой взгляд другому человеку для того, чтобы тот видел иначе.

Если духовные люди всех времен и учили вере, то не потому, что они желали, чтобы все остальные не думали сами, а все принимали на веру, которой их учили. Имей они такое намерение, они не были бы духовными людьми. Однако, каким бы умным ни был человек, как бы ни был он предан и вдохновен, если у него нет веры, духовные люди не могут разделить с ним свое знание, поскольку не существует такой вещи, как духовное знание, в смысле обучения. Если и есть что-либо духовное, что может быть разделено с учеником, то это точка зрения, способ видеть жизнь. Но в действительности, если человек уже имеет такую точку зрения, он не нуждается в духовном руководстве, а если нет, то слова разъяснений ничего не скажут ему – ведь точка зрения не может быть объяснена словами.

Сколько бы человек ни старался описать свет, увиденный им с вершины горы, другому человеку, никогда не взбиравшемуся на гору, слушатель может отказаться верить во все, что ему рассказано. Но, возможно, если он доверяет, он начнет слушаться его водительства. Он может не видеть, но он будет слушать и получит пользу от опыта того, кто видел свет с вершины горы. Но тот, кто взойдет на вершину горы, сам получит подобный опыт.

У этой проблемы есть еще один аспект – то, с какой высоты человек смотрит на жизнь. Есть взгляд человека, который смотрит на жизнь, стоя на земле, другой – когда он восходит на гору, и третий – когда он достигает вершины. Что означают эти степени? Это степени сознания. Когда человек, глядя на жизнь, говорит: "Я и все прочее", – это одна точка зрения; когда он видит все остальное и забывает про "Я", – это другая точка зрения; наконец, когда человек видит все и отождествляет это с "Я", он обладает совсем другим видением. Разница этих точек зрения делает взгляды людей настолько различными, что их нельзя объяснить словами.

Взобраться на вершину горы означает достичь того, что называют нирваной, космическим сознанием; идея общения с Богом символизирует человека, прошедшего часть пути к вершине, и поэтому уже не так ясно определяющего идею "я" и "ты", "он", "она" или "оно", как тот, кто стоит на земле.

Духовный прогресс – расширение души. Не всегда желательно жить только на вершине горы, потому что земля также сделана для человека; а вот то, что желательно – это стоять ногами на земле, а головой доставать до вершины горы. Человек, способный обзирать жизнь со всех точек зрения, смотреть на нее под всеми возможными углами, получает новые впечатления вследствие этого. Каждая новая сторона будет давать ему новое знание, другое знание, которого он не имел прежде.

Наконец, есть вопрос видения или не-видения. Мистики понимают это как способность видеть по собственной воле, так и способность не замечать. Для человека это трудно не замечать, этому надо учиться. В мире много такого, что человек способен и должен увидеть, но много и такого, чего ему бы лучше не видеть, и так будет лучше для него, если он не увидит. Если мы не можем видеть, это ущербно – но это не ущербно, не видеть того, чего бы мы не хотели видеть. Существует так много вещей, которые мы можем видеть, что можно просто отказаться от видения нежелательного.

Человеку, которого держит то, что он видит, недостает мастерства. Даже если он и не хочет видеть что-то, он ничего не может поделаться, наблюдая это. А тот, кто умеет держать свой взгляд под контролем, видит то, что хочет, и не видит того, чего не хочет. В этом и состоит мастерство. Воистину, для глаз существует то, что мы видим перед собой, и мы не видим того, что за спиной; так же устроен и наш ум: то, что перед ним, он видит, а все, что сзади, – нет. Естественно поэтому, если предметный мир находится у человека перед глазами, то иной мир скрыт от его взгляда, потому что он видит лишь то, что перед ним, а не то, что сзади. Без сомнения, для того чтобы увидеть нечто у себя за спиной, мы должны повернуть свою голову. Также верно и то, что ум может увидеть незримое лишь тогда, когда изменит направление. То, что изучается в эзотерике и мистицизме, – это поворот ума с внешнего видения к внутреннему видению.

Возникает вопрос: какую пользу мы из этого извлекаем? Как после долгого трудового дня телу необходим ночной отдых, так и ум полезно поворачивать от этого мира разнообразия для того, чтобы отдохнуть и дать ему другое впечатление, которое является его собственным, принадлежит ему и в котором он нуждается. Этот опыт постигается в процессе медитации. Тот, кто умеет думать, но не умеет забывать, кто способен говорить, но неспособен хранить молчание, кто может двигаться, но не может пребывать в покое, кто всегда только плачет и неспособен смеяться, – такой человек ничего не знает о мастерстве. Это все равно что иметь лишь одну руку или стоять на одной ноге. Чтобы получить полное впечатление от жизни, надо уметь как двигаться, так и сохранять неподвижность, быть способным говорить и хранить молчание.

Есть много ценных вещей в природе и искусстве, вещей, которые выше любой цены, но нет в мире ничего более ценного, чем взгляд; и самый ценный из всех – внутренний взгляд, способность смотреть, способность понимать, способность учиться и знать. Это величайший подарок Бога, и все прочее в жизни несопоставимо с ним.

Если хочешь обогатиться знаниями, поднять душу в более высокие сферы, позволить сознанию достичь совершенства, надо делать одно – всеми силами и способами стараться раскрыть собственный взгляд, являющийся знаком Бога в человеке. Именно открытие такого взгляда называется разворачиванием души.

САМОДИСЦИПЛИНА

На пути к истине превыше всего ценится самодисциплина, потому что без нее никакие наши занятия и практики не дадут великих результатов. Эта самодисциплина имеет множество аспектов. Изучая жизнь аскетов, которые жили в горах, лесах и пустынях, мы узнаем, что те,

кто действительно искали истину, делали все возможное, чтобы практиковать самодисциплину. Без нее ни одна душа в мире никогда не сумеет достичь высочайшего осуществления. Несомненно, для людей, живущих в мире и привыкших к комфорту, даже страшно подумать о самодисциплине; а когда они думают о ней, они представляют ее только в крайних формах. Между тем, совсем необязательно скрываться в горных пещерах, или в лесах, или в пустынях для того, чтобы практиковать самодисциплину; это можно делать и в обычной жизни.

Есть четыре главных способа практиковать самодисциплину. Первый путь – физический. Он заключается в том, чтобы сохранять неподвижность, сидеть в одной и той же позе определенное время. Если попробовать, то обнаружится, что это не так просто, как кажется. Можно подолгу сидеть или стоять, не меняя позы, пока не осознаешь этого, но как только практикуешь это сознательно, то начинаешь испытывать серьезные трудности. Существуют разнообразные положения, в которых следует держать руки, ноги, глаза или голову; эти практики позволяют развивать силу самодисциплины.

Фантазия всего сотворенного, конечно, проявляется в направлении каждого движения; в соответствии с направлением движения каждая вещь принимает свою форму. Откуда возникли пары противоположностей – солнце и луна, мужчина и женщина, боль и радость, отрицательное и положительное? Поскольку источник и цель едины, почему существуют такие различия? Они принадлежат своим направлениям, ведь тайна всякого различия – направление. Активное начало, энергия, действуя в определенном направлении, создает конкретную форму. Вот почему способ, каким человек сидит, производит различия; так же производит различия то, на каком боку человек спит – на правом или на левом, стоит ли человек на ногах или на голове. Мистики упражнялись во всевозможных позах долгие-долгие годы и открыли многообразные способы сидения в то время, когда они делали различные дыхательные упражнения. Они превратили это в науку; есть поза воина, поза мыслителя, поза аристократа, поза влюбленного, поза врача – всякие позы для достижения разных целей. Они облегчают человеку понимание науки направлений; поза не обозначает ничего иного, кроме направления.

Еще один аспект самодисциплины связан с пищей и питьем: человек отказывается от определенных продуктов в своей каждодневной жизни и практикуется в умении обходиться без них, особенно если ему кажется, что именно без них-то он обойтись не может. Это еще одна причина, кроме психологической и физической, почему многие адепты питаются лишь овощами и фруктами – в течение многих дней или недель, а то и месяцев они обходятся без некоторых вещей, которые они привыкли есть и пить.

Пост – еще один способ, при помощи которого ослабляется плотность тела. Когда человек знает правильный способ поститься, когда он находится под руководством того, кто действительно знает, когда, зачем и как нужно поститься, так чтобы получить пользу от этого, тогда достигаются великие результаты. Хирурги держат своих пациентов без еды несколько часов или дней, зная, что это поможет им скорее поправиться. Так и духовные учителя могут предписать пост своим ученикам: иногда речь идет о том, чтобы обходиться без мяса или без хлеба, иногда – о том, чтобы питаться лишь молоком или фруктами, а иногда – ограниченное время обходиться без всего, в соответствии со способностями и выносливостью ученика. Но фактически сам я никому не предписываю поститься. Не припоминаю случая, чтобы я когда-нибудь делал это. Я лишь советую поститься тем ученикам, которые сами этого хотят. Знал я одного ученика, который пришел к муршиду, и муршид сказал ему, что для того, чтобы начать практики, тот должен поститься три дня; но после первого дня он почувствовал себя настолько голодным, что покинул город, да так, чтобы не видеть этого учителя никогда!

Если учитель предписывает пост, этому всегда есть причина. В Багдаде когда-то жил великий суфий, прославившийся своими удивительными достижениями. Однажды он велел молодому ученику придерживаться овощной диеты. Мать юноши прослышала, что с тех пор, как мальчик пошел к этому учителю, он ест одни лишь овощи, и пришла в дом учителя, чтобы высказать свое отношение к этому. Когда она вошла, учитель как раз сидел за столом, а перед ним стояло блюдо с курицей. Мать сказала: "Ученикам ты велишь питаться одними овощами, а сам наслаждаешься курочкой!" Тогда учитель снял с блюда крышку, курица выпорхнула и

улетела, а суфий сказал: "С того дня, как твой сын сумеет сделать так же, и ему можно будет есть курицу!".

Есть другой аспект самодисциплины – это способность думать и забывать. Имеется в виду, что подвижник, с одной стороны, должен уметь думать обо всем, о чем хочет, сколь угодно долго удерживая мысль, а с другой стороны, практиковать забывание, чтобы определенные мысли не могли завладеть его умом. Таким способом предотвращаются мысли возбуждения, злобы, угнетенности, предубеждения, ненависти. Это дает нравственную дисциплину, и, поступая так, человек становится властителем своего ума.

Пройдя через эти три уровня самовоспитания, можно приступать к освоению четвертой, наивысшей, практики; она является величайшей, потому что с ее помощью человек прибывает к духовным переживаниям. Эта практика состоит в освобождении сознания от его окружения. Это опыт адептов, и они затрачивают основную часть своей жизни, чтобы достичь этого. В старой школе суфизма был обычай, существующий и по сей день: когда суфии входили в помещение для медитации или покидали его, один из них произносил: "Уединение в толпе". Смысл этой фразы в том, что, даже находясь в центре шумной толпы, человек может сохранять уединенность покоя, которая не может быть потревожена никаким окружением. Вот почему можно жить в окружении мира и в то же время духовно развиваться; и теперь нет необходимости уединяться в пустыни, как это делали многие души в древние времена для того, чтобы духовно развиваться.

Несомненно, это нелегко, но в то же время это просто; в малой мере каждый из нас испытывает это, хотя неосознанно. Человек, захваченный чем-то чрезвычайно интересным, полностью заполняющим все его внимание, часто не осознает своего окружения. Поэт, писатель, композитор, мыслитель, когда он полностью поглощен тем, что он делает, не осознает своего окружения. И очень часто случается, что человек, поглощенный тем, что он делает, или тем, что он думает, не осознает собственного тела и себя самого. Иногда для человека даже не существует он сам, а существует лишь то, о чем он думает. Эту ступень суфии называют фана. Исходя из этого, проще понять слово "нирвана", о котором так часто говорят. Это просто опыт сознания; иными словами, это свобода души, достижение такой ступени, на которой человек не думает ни о себе самом, ни о том, что его окружает.

Кто-нибудь может спросить, не причинят ли эти практики вред. Все в мире опасно. Если бы мы думали, что опасность находится в пище и питье, в выходе из дома или возвращении домой, то каждое мгновение было бы опасно. Опасно входить в воду, но умение плавать значительно уменьшает риск. Опасно даже находиться на улице, но ходьба и бег помогут избежать многих бед. Именно в способности медитировать и возвышать свое сознание над окружающим лежит секрет духовного развития.

С того момента, когда человек привыкает практиковать самодисциплину, он замечает, что, хотя сначала любая практика кажется трудной, постепенно она становится проще. На то, чтобы испытать ее удивительные результаты, не потребуется много времени. Почти каждый сталкивался с тем, что самый близкий человек его не слушает. Он постоянно говорит, что другие не слушают его! Но с помощью самодисциплины человек поднимается над этой жалобой, потому что начинает сознавать, что это он сам не слушает никого. Итак, преступник найден: это не кто-то другой, это ты сам. Как только человек начинает овладевать своим "я", он начинает чувствовать великую власть. Это власть над собственным королевством, это царственное ощущение. Естественно, как только человек начинает испытывать этот феномен, для него все становится проще и проще.

ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

Жизнь имеет два аспекта, один из которых известен всем, а другой известен лишь немногим. Этот неизвестный аспект жизни может быть назван бессмертной жизнью, вечной жизнью, тогда как известный может быть назван смертной жизнью – это тот жизненный опыт, получаемый нами во время физического существования, который дает нам ощущение жизни.

Бессмертная жизнь существует, и, хотя мало кто из нас знает о ней, причина этого лишь в незнании, а не в отсутствии бессмертия. Все, что может быть у нас в земной жизни, будь то предмет, живое существо, мысль, состояние, действия или опыт, разбивается и умирает. Каждая из этих вещей имеет свое рождение и смерть; раньше или позже, но все, что было создано, должно распасться, все сделанное – сломаться, построенное – разрушиться, а зримое – исчезнуть.

Это показывает нам, что есть борьба между тем, что мы называем жизнью, и той жизнью, что за ней скрыта. В суфийских терминах мы называем эти два аспекта жизни Каза и Кадр: Каза – это неограниченный аспект жизни, а Кадр – ограниченный аспект. Кадр отделяет от Казы кусочек жизни для своего существования, а Каза ждет, ее рот открыт для того, чтобы сжевать все, что туда попадет. Поэтому адепты и мудрецы, те, кто называются мистиками, или суфиями, открыли науку, позволяющую уберечь опыт жизни от пасти Казы, всепоглощающего аспекта жизни. Все, что мы по незнанию не сможем удержать, упадет в рот Казы, ведь ее рот всегда открыт, она всегда наготове, словно болезнь, ожидающая мгновения, когда человек потеряет энергию. Также во всех различных формах Каза ждет, чтобы поглотить все, что придет к ней, и это затем растворится в ней.

Возникает вопрос: как мы можем удержать это, как можем сохранить что-либо от падения в пасть Казы? Ответ таков: только посредством контроля над нашим телом и умом. На Востоке мне как-то случилось видеть человека, поднимающего тяжелый камень одним пальцем. Это может показаться невозможным, но камень удерживался одной лишь силой мысли; палец был просто предлогом. Я видел тех, кто экспериментировали на полях духа и материи, прыгающих в бушующее пламя и выходящих из него невредимыми, резавших мышцы своего тела и тотчас заживлявших их. Это не сказка, что мистики могут левитировать; примеры этому в Индии могли видеть тысячи людей. Я не хочу сказать, что обладание подобными способностями и есть та цель, к которой следует стремиться, я лишь хочу указать на то, что может быть выполнено посредством силы воли.

Чтобы утвердить власть силы воли над физическим телом, прежде всего необходимо научиться физическому контролю. Писания гласят, что тело есть храм Бога, но под этим подразумевается, что тело было создано для того, чтобы быть храмом Бога; храм нельзя назвать храмом Бога, если он пуст, если Бога нет в нем. Естественно, что, когда душа угнетена, есть что-то неисправное в повозке. Когда писатель садится работать, испорченная ручка раздражает его, но причина этому не в писателе, с ним все в порядке, – это ручка неисправна. Сама по себе душа не порождает дискомфорта; душа счастлива по природе; душа и есть счастье. Она становится несчастной, лишь если что-то случилось с повозкой, которая есть инструмент, тот инструмент, посредством которого она познает жизнь. Вот почему забота о теле – первый и самый главный принцип религии. Благочестие без осмысления этого имеет мало значения. Душа приходит в этот мир для того, чтобы испытать различные фазы проявления и в то же время не потерять собственного пути, но, сохранив изначальную свободу, обогатиться новыми знаниями, почерпнутыми из жизни в мире.

Среди множества типов физической культуры, известных современному миру, нет ни одного, который бы учил методу или секрету поддержания действия, например, сидеть неподвижно в определенной позе, смотреть на какую-либо точку, не двигая глазами, слушать что-либо, не отвлекаясь ни на что другое, быть способным испытывать мягкость или твердость, тепло или холод, удерживая в то же самое время свои вибрации, или удерживать вкус соли, сладкого или кислого. Обычно все эти ощущения приходят и уходят, и человек никак не контролирует продолжительность своей радости и удовольствия; он не может испытывать радость посредством любого из своих органов чувств так долго, как сам пожелает. Он зависим от внешних вещей и не знает, как продлить желаемое ощущение; он не осознает, что единственный способ поддержания переживаний состоит в контроле.

Существует другая сторона этого вопроса. Бессознательная готовность к тому, что любое приятное и радостное переживание рано или поздно пройдет, заставляет человека тревожиться сверх всякой меры; вместо того чтобы пытаться удержать этот опыт, он торопит его и поэтому теряет. Например, привычка поспешно есть или смеяться до того, как забавная фраза будет

закончена, существует из-за того, что человек боится ухода удовольствия или радости. Какой бы опыт ни получал человек, он неизменно тратит силы на то, чтобы удержать его, потому что заранее боится его потерять. Приведем еще один пример: от просмотра в театре трагической пьесы можно получить огромное удовольствие, если полностью переживать ее, однако люди нередко оказываются до того перевозбуждены, что принимают лить слезы уже в начале представления, так что на окончание слез уже не остается. После того как достигнута высшая точка, уже нельзя получить никакого опыта; так человек, вместо того чтобы спасти свой опыт от пережевывания ртом вечной жизни, швыряет его в прошедшую жизнь, даже не открыв секрета этого опыта.

Вот почему мистики сидением или стоянием в особых позах обретают контроль над своими мышцами и нервной системой, что оказывает воздействие и на ум. Человек, не имеющий контроля над своей нервной и мышечной системами, не умеет управлять и умом; он постоянно теряет его. Имея контроль над мышечной и нервной системами, человек также получает контроль над умом.

Средство, которым жизнь получает энергию – это дыхание. С каждым вздохом живое существо черпает энергию и разум из невидимой и неведомой жизни. А когда человек, овладевший тайнами поз, черпает из невидимого мира энергию и вдохновение, он обретает способность удерживать мысль, слово, опыт, удовольствие и радость. Если задаться вопросом, в чем причина всех трагедий в жизни, ответ будет один: в ограничении. Все несчастья приходят из этой вещи. Поэтому мистики стараются с помощью упражнений, практик и учения преодолеть настолько, насколько это возможно, ограничение. У человека нет большего врага, чем беспомощность. Если кто-то чувствует себя беспомощным, это означает конец его радости и счастья.

В дальнейшем для того, чтобы обрести над собой физический контроль, человеку нужна сила мысли, так же, как позы и дыхание. Надо уметь подняться выше предпочтений и антипатий, поскольку они являются причиной слабости в жизни. Когда человек говорит: "Я не в силах этого вынести", "Я не могу это есть", "Я не могу этого пить", "Я не могу это нести", "Я не могу это допустить", "Я не смогу это выдержать", – все это показывает на слабость человека. Чем больше сила воли, тем в большей степени ее обладатель способен перенести то, что выпадает на его долю. Из этого не следует, что у человека нет выбора; выбор всегда найдется, но если пойти на поводу у своего эго, тогда жизнь станет трудной. В человеке есть ложное эго, которое суфии называют нафс и которое питается слабостью. Это эго чувствует тщеславие, когда человек говорит: "Я не могу этого вынести. Мне это не нравится", – именно тщеславие питает эго. Эго думает: "Я лучше других", – и потому усиливается. Но тот, кто способен различать, распознавать, выбирать, в то же время сохранять полный самоконтроль, и кто может, любя сладкое, все-таки выпить чашу горького напитка, достиг мастерства.

Порывы тоже ослабляют человека, беспомощно отдающегося им. Например, человек ощутил желание пойти в парк, и вместо того, чтобы дождаться правильного времени для прогулки, он быстро надевает шляпу и выходит из дома. Немедленно следуя своему порыву, он потерял власть над собой. Но тот, кто подчиняет себе порывы, контролирует их, использует их для лучшего применения, достигает мастерства. Подчинение склонности к удобствам, к постоянному комфорту, к тому, чтобы всегда избирать путь наименьшего сопротивления, тоже приносит слабость. Какой бы маленькой ни была работа, человек достигнет намного большей власти над собой, если возьмется за нее серьезно и терпеливо закончит ее.

Терпение – одна из определяющих сторон жизни, хотя порой оно бывает горьким, мучительным и невыносимым, как сама смерть. Иногда человек предпочел бы скорее умереть, чем терпеть. Но для человечества нет ничего важнее, чем развивать терпение во всех обстоятельствах жизни, во всех ее сторонах. Будь мы богаты или бедны, высоки или низки, это качество непременно должно развиваться. Именно терпение дает выносливость, оно всемогуще, и тот, кому недостает терпения, много теряет. Как часто бывает, что в тот момент, когда ответ на мольбу уже достигим и рука Провидения близко, человек теряет терпение, а вместе с ним счастливую возможность. Вот почему надо избегать нетерпения во всех его формах. Оно лишает нас равновесия, и тогда ничто не может быть выполнено. Из нетерпения нельзя извлечь

никакой выгоды; кроме этого, нетерпение не обязательно означает лень, небрежность или безделье.

И в заключение: физический контроль создает основу характера и личности, ту основу, на которой может возводиться здание духовных достижений.

ЗДОРОВЬЕ

Здоровье находится в порядке в результате регулярной работы механизма физического тела. Нормальная работа физического тела зависит от погоды, питания, равновесия между активностью и отдыхом и состояния ума.

Многие полагают, что это какая-либо деформация тела – искривление позвоночника или впадина в мозгу – действует на ум; но мало кто сознает, что как раз ум часто вызывает сбои в деятельности позвоночника или мозга, делая их больными. Расхожая точка зрения состоит в том, что болезнь – это физическое нарушение и вылечить ее можно с помощью материальных средств. Существует обратная позиция, которой придерживаются те, кто мыслит глубже и кто говорит, что, если не обращать внимания на болезнь, если убедить больного в том, что он здоров, тот может поправиться. Конечно, эта точка зрения является преувеличением, когда некоторые люди уверяют, что болезнь – не более чем иллюзия, не имеющая собственного существования; но и общепринятую позицию можно также преувеличить, полагая, что единственным средством лечения являются лекарства и что ум не оказывает никакого влияния на болезнь.

Оба эти человека – и тот, кто смотрит на это с обычной точки зрения и тот, кто делает это более глубоко, найдут аргументы как "за", так и "против" этих идей. Иные заявляют даже, что людям верующим не следует прикасаться к лекарствам, а другие настаивают на том, что болезнь столь же реальна, как и здоровье. Не будь болезни, нетрудно было бы и боль объявить иллюзией, но, когда человек страдает, ему очень трудно назвать это иллюзией.

Если меня спросят, кто более подвержен болезни – духовный или материальный человек – отвечу, что духовный человек, пренебрегающий физическими законами, так же подвержен болезни, как и материальный человек, делающий те же самые вещи. Без сомнения, человек духовной направленности в меньшей степени рискует заболеть, так как его дух стал гармоничным посредством духовности; он создает гармонию и излучает ее. Такой человек держится в царстве природы, будучи сонастроен с Бесконечным. Однако жизнь одухотворенной личности среди мирской круговерти подобна жизни рыбы на суше. Рыба – порождение воды; ее пропитание, ее радость, ее счастье – в воде. Душа духовного человека создана для уединения; ее радость и счастье – в уединении. Духовный человек, заброшенный судьбой в центр мира, чувствует себя не на своем месте, а непрерывное раздражающее воздействие окружения и постоянное воздействие впечатлений, которые беспокоят его тонкие чувства, делает его более подверженным болезни, в отличие от тех, кто прокладывает себе дорогу через мирскую толпу и уже не замечает толчков и ударов внешней среды.

Душа духовного человека согласно восточным воззрениям – душа древняя. Даже в юном, духовно одаренном человеке проявляется природа зрелости; но в то же самое время духовность вечно молода. Духовный человек способен радоваться всему, понимать все, наслаждаться всеми вещами в их полноте. Поэтому, если кто-то скажет, что духовный человек подобен старцу – это правда, и если он скажет, что духовный человек подобен юноше – это также правда.

В наши дни люди утратили всякое представление о настоящем здоровье, ибо современный стандарт здоровья ниже здоровья подлинного. Быть здоровым не значит быть только мускулистым, быть по-настоящему здоровым означает уметь радоваться жизни и ценить жизнь. Быть здоровым означает быть глубокомысленным человеком. Тот, кто может глубоко чувствовать, являет знак здоровья. Нет ничего удивительного в болезни материального человека и ничего особенного в неважном самочувствии человека духовного. Первый заболевает от того, что потерял свой ритм, а второй – потому, что не смог приспособиться к

чуждому для него ритму жизни. Человек, будь он духовным или материальным, вынужден жить в гуще мира и, поневоле разделяя состояния каждого, близкого или далекого, он подвергается влияниям всего вокруг, как желательным, так и нежелательным. Невозможно закрыть глаза, невозможно закрыть сердце от впечатлений, которые непрерывно падают на человека. Лучшее, что тут можно сделать, это остерегаться всего, что причиняет нерегулярность, дисгармонию, беспорядок, смиряясь с тем, через что приходится идти; иметь отвагу преодолеть все, что мешает на пути к здоровью и совершенству.

Суфий полагает, что совершенство жизни лежит в совершенствовании себя не только духовно, но и во всех различных аспектах жизни. Человек, не способный заниматься своими жизненными нуждами, определенно несведущ в настоящей жизненной свободе.

Как против каждой болезни есть средство, так и всякое бедствие сменяется периодом восстановления. Всякое усилие по восстановлению или созиданию гармоничных условий – выраженное в любой форме и даже совсем маленькое – многого стоит. Но самое главное, что нам следует постичь, это религию всех религий и философию всех философий, которая есть самопознание. Мы не могли бы понимать внешнюю жизнь, если бы не понимали самих себя. Именно познание своего "Я" дает нам знание о мире.

Что есть здоровье? Здоровье – это порядок. А что такое порядок? Порядок – это музыка. Где есть ритм, упорядоченность, согласованность, там – гармония и симпатия; поэтому здоровье ума и здоровье тела зависят от сохранения той гармонии и удержания той симпатии, которые существуют в уме и теле. Жизнь в мире, особенно если жить среди толпы, испытывает наше терпение каждое мгновение дня; в таких условиях особенно трудно сохранить гармонию и мир, являющиеся корнем всякого счастья. Жизнь означает борьбу с друзьями и сражения с врагами, она все время дает и отнимает, и уберечь от разрушения симпатию и гармонию, которые дарят нам здоровье и счастье, очень трудно.

Все учение и знания приобретаются; но умение жить – это божественное искусство, которое человек унаследовал. Хотя, поглощенный внешним обучением, он забыл его, все же это искусство известно его душе. Это его существо, глубочайшее знание его сердца. Никакой прогресс, в любом направлении, не даст человеку удовлетворения, которого жаждет его душа, за исключением божественного искусства – искусства бытия, путешествия его души. Для того чтобы помочь переустройству мира, необходима и возможна одна вещь – это изучение искусства бытия, чтобы стать примером, прежде чем пытаться служить человечеству.

ГАРМОНИЯ

Гармония – вот что создает красоту, красота сама по себе не имеет смысла. Вещь, кажущаяся красивой в данное время и в данном месте, может оказаться некрасивой при других обстоятельствах. Это также относится и к мыслям, словам, поступкам. То, что мы называем прекрасным, является таковым лишь в определенное время и в определенных условиях, которые делают это прекрасным; так что единственный способ дать истинное определение красоте – это гармония. Гармония сочетания цветов, гармония очертаний и линий составляет то, что мы зовем красотой; а слово, мысль, чувство или действие, которые творят гармонию, являются производными красоты.

Откуда рождается стремление к гармонии и откуда рождается стремление к дисгармонии? Естественна склонность каждой души к гармонии, а склонность к дисгармонии есть неестественное состояние ума или дел; фактически то, что неестественно, лишает душу красоты. Психология человека такова, что он реагирует как на гармонию, так и на дисгармонию. Он не может этому помочь, потому что он естественно создан так; ментально и физически он отвечает всему, что приходит к нему, будь оно гармоничным или негармоничным.

Поучение Христа: "Не противьтесь злу" – это совет не откликаться на дисгармонию. Например, слова добра или симпатии, действия любви или вдохновения должны находить отклик, но если слова оскорбления и действия, продиктованные отвращением или ненавистью,

тоже встречают отклик, то это создает еще большую дисгармонию в мире. Давая дорогу дисгармонии, мы позволяем ей расти и множиться. Откуда взялись великие разногласия, волнения и раздоры, которые мы сейчас видим преобладающими в мире? Похоже, из пренебрежения тем фактом, что дисгармония создает дисгармонию и она будет множиться. Если человека оскорбляют, в нем возникает естественная потребность ответить еще большим оскорблением. В результате он получает кратковременное удовлетворение, что хорошо ответил. Но та энергия, что исходила от обидчика, повлияла на него, и эти две силы, будучи негативной и позитивной, создали большую дисгармонию.

"Непротивление злу" не означает, что надо носить зло в себе. Это означает не возвращать дисгармонию, пришедшую к вам, не уподобляться человеку, играющему в теннис и отбивающему мячик своей ракеткой. Но, с другой стороны, это не предполагает, что нужно принимать мяч голыми руками.

Стремление к гармонии можно сравнить со скалой в море: в ветер и бурю она твердо стоит; волны яростно набрасываются на нее, но скала выдерживает их натиск, позволяя им биться о себя. Борясь с дисгармонией, мы увеличиваем ее; отказываясь от борьбы с ней, мы отстраняемся от подливания масла в огонь, который в противном случае увеличился бы и повлек за собой разрушения. Несомненно, что чем мудрее мы становимся, тем с большими трудностями мы сталкиваемся в жизни, потому что любая дисгармония направляется на нас именно в силу того, что мы не сопротивляемся ей. Однако мы должны понять, что все эти трудности помогают разрушить дисгармонию, которая в противном случае множилась бы. В этом положении есть свои преимущества, ведь всякий раз, когда мы выдерживаем напор дисгармонии, это увеличивает наши силы – так что в любом случае мы увеличиваем свои силы, хотя внешне это кажется поражением. Но тот, кто осознает увеличение своей силы, никогда больше не сочтет себя побежденным; а в свое время наступит день, когда человек, от которого исходила дисгармония, поймет, что именно его победили.

Суфий избегает любых негармоничных действий; он удерживает ритм речи под контролем терпения, так что никогда не скажет слова преждевременно и не начнет отвечать, не дослушав вопрос. Слово несогласия, пусть и сказанное во время спора, он воспринимает как диссонанс и сам спор стремится превратить в гармонический аккорд. Стремление противоречить в конце концов разовьется в человеке в страсть так, что он начнет противоречить даже собственным идеям, если их выскажет другой. Чтобы сохранить гармонию, суфий легко и плавно модулирует свою речь из одного ключа в другой; иначе говоря, взглянув на проблему с позиции другого человека, он воспринимает его точку зрения, вместо того чтобы настаивать на своей. Она создает основание для каждого разговора при помощи вступления, подготавливая уши слушателя таким образом, чтобы получить совершенный отклик. Он внимательно наблюдает за каждым своим движением и выражением, также, как и за другими людьми, пытаясь сформировать созвучный аккорд гармонии между собой и другими.

Достижение гармонии в жизни достигается тем же путем, что и умение музицировать, хотя требует еще более продолжительного и серьезного изучения, чем развитие музыкального слуха и голоса. Для слуха суфия каждое произносимое слово звучит как нота – правдивая, если слово гармонично, и фальшивая, если слово негармонично. Он делает гамму своей речи то мажорной, то минорной или хроматической, соотносясь с ситуацией; его слово, будь оно диезным, бемольным или чистым тоном, вливается в аккорд по законам гармонии.

Жизнь в мире имеет постоянный раздражающий эффект, и чем тоньше мы становимся, тем тяжелее это становится для нас. Приходит время, когда чем более смиренным, исполненным доброй воли, более добрым и благосклонным становится человек, тем хуже для него становится жизнь. Обескураженный, он покатится вниз; но если он сохранит свою храбрость, то в конце концов обнаружит, что это не проигрыш, поскольку его силы настолько возросли и достигли такого уровня, такой степени, что теперь его присутствие, слово, действие будут управлять мыслями, чувствами и действиями других. Его собственный ритм станет могущественным и будет задавать ритм для каждого, кто за ним последует. Это свойство на Востоке называют качеством ума повелителя. Но чтобы устоять под напором рассогласованности, идущей извне, мы должны сперва практиковать устойчивость против всего того, что приходит изнутри, из

нашего собственного "я". Своим "я" управлять сложнее, чем чужими, но если человек не способен контролировать сам себя, он потерпит неудачу, труднее всего твердо стоять против дисгармонии извне.

Что же создает дисгармонию в нас самих? Слабость. Физическая слабость или психическая, но это всегда слабость. Очень часто поэтому можно увидеть, что телесная болезнь порождает дисгармонию и склонность к негармоничности. Кроме того, существует множество болезней ума, еще не открытых современными учеными. Иногда люди считают нормой то, что в действительности является болезнью ума. Врожденным дефектам разума не уделяют достаточного внимания, а сам больной не имеет шансов заметить их в себе. Он постоянно находит ошибки у других; будь то работа в офисе, на высокой должности, дома, или где-то еще, он создает негармоничность. Никто не осознает этого; для того чтобы его лечить, сперва его нужно признать больным.

Причиной всякого дискомфорта и всякой неудачи является негармоничность; наиболее важная вещь, которую нужно сообщать сейчас при обучении, – это чувство гармонии. Развивать в детях чувство гармонии и обращать их внимание на это не так трудно, как может показаться; надо просто показывать ребенку различные проявления гармонии в самых разных жизненных делах.

РАВНОВЕСИЕ

I

Взглянув на мир глазами провидца, мы обнаружим, что люди, которых зовут мудрыми, и те, кого зовут глупцами, гораздо ближе друг к другу, чем принято считать; их занятия гораздо более похожи, чем это кажется в неуравновешенных жизненных обстоятельствах.

Равновесие – это нечто такое, что встречается очень редко и у мистиков, и у других людей. Когда мы заинтересовываемся чем-то, наша природа желает этого все больше и больше, не различая, духовное это или материальное. Если мы становимся слишком духовными, мы теряем мир; но, если бы мы не были призваны жить в этом мире, нас бы сюда не послали.

Тот, кто видит в других хорошее, будет видеть все больше и больше хорошего. Тот, кто стремится выискивать недостатки, найдет в конце концов так много недостатков, что наконец даже хорошее покажется ему плохим. Тогда его глаза станут плохими. Человек, который бежит, куда сильнее рискует упасть, чем тот, кто идет шагом; избыток активности приводит к падениям.

Порой человек не знает меры в произнесении правды. Он заявляет: "Я говорю правду", – невзирая на то, находится ли эта правда в гармонии с окружением и готовы ли люди слушать ее. Он заявляет: "Я говорю правду и без колебания схвачусь с каждым, потому что говорю правду!" Поэтому в данном случае более важен урок покая.

Сама философия, достигающая высшей точки в знании Бога (величественнее и возвышеннее которой нет ничего на свете), часто терялась из-за недостатка равновесия. Вот почему в Библии, Ведах, Коране даже самые простые истины излагаются в завуалированной форме. Если бы пророки и учителя передавали истину обычными словами, мир пошел бы в неправильном направлении. Я часто замечал, что, когда философию объясняют прямо, ее понимают совершенно не так, как следовало бы.

Активность стремится расти, и расти непрерывно, а из-за этого равновесие утрачивается. Если мы говорим, мы стремимся говорить еще и еще и становимся такими любителями поговорить, что желаем говорить независимо от того, хотят нас слушать или нет. Мы говорим то, что в действительности не хотели сказать; потом мы удивляемся, зачем оскорбили того-то и того-то или для чего выдали ему свою тайну. Саади, великий персидский поэт, написал: "О умный человек, на что твой ум, когда так много сожалений после?" То, что мы делаем, будь оно хорошим или плохим, вырастает в нас все больше и больше. Если однажды человек подумает о поэзии или музыке пять минут, то на следующий день он уделит мыслям о них уже полчаса.

Если у него в голове есть маленькая мысль о чем-то горьком, она неосознанно разрастется настолько, что ум будет полон горечи. Любой грех приходит таким образом. Заратустра различал три вида грехов: грех мысли, грех речи и грех действия. Подумать о чем-то с горечью, подумать со злостью равносильно тому, чтобы совершить зло; говорить злое тоже все равно что делать зло. Когда человек совершил дурной поступок, все это становится очень конкретным.

Мы обретаем равновесие в мыслях, когда можем видеть вещи не только с собственной точки зрения, с теми идеями и чувствами, к которым были приучены, но всесторонне. Однобокий человек не имеет равновесия. Представьте, что некто настроенный патриотически и все видящий с точки зрения патриотизма, приходит в магазин и просит владельца продать ему что-то (для патриотических нужд) по очень низкой цене. Но владелец может быть человеком небогатым, и даже для патриотических целей он не может продавать товар по этой цене. К тому же он владелец магазина и думает о своей торговле; от него нельзя ожидать, чтобы он взглянул на ситуацию патриотическими глазами. Один думает только о патриотизме, второй – лишь о торговле. А кто-нибудь третий – например музыкант – скажет: "Они оба сумасшедшие; одна музыка имеет значение!" А поэт скажет: "В мире нет ничего, кроме поэзии". Каждый думает лишь о том, чем он сам занимается. Так, набожный человек может настолько увлечься собственной набожностью, что в нем не останется ничего другого, кроме набожности, которое в конце концов превратится в лицемерие.

Каким образом, спросите вы, можно достичь уравниваемости? Во-первых, существует равновесие между активностью и отдыхом, сном и бодрствованием. Если человек поверит, что если он будет очень много спать, то станет великим, и приучит себя к этому, он станет чудищем, а не человеком, потому что тело, данное ему для познания мира, не будет использоваться. А если кто-то не будет спать вовсе, то за считанные дни получит нервное расстройство. Если кто-то слишком много постится, он, конечно, станет бесплотным; он сможет заглянуть в иной мир, иные планы. Если кто-то постигнет путь вдохновения, то вдохновение придет. Но это тело, эти чувства ослабнут так, что не смогут познавать этот мир, то есть выполнять то, для чего они и были нам даны.

В Индии есть мистики, называемые мадзубами, достигшие предельной духовности. Их внешнее "я" настолько забыто ими, что они вообще ушли от переживания этого мира. Но крайность нежелательна во всем, будь то хорошее или дурное. Спать и бодрствовать, есть и поститься, действовать и отдыхать, говорить и молчать – вот что значит находиться в равновесии.

Однажды Мухаммад предписал своему ученику практику, с помощью которой тот пережил экстаз. Через несколько дней ученик пришел с фруктами и цветами, которые предложил в дар пророку, горячо благодаря его и говоря: "Урок, который ты мне дал, оказался таким ценным; он доставил мне столько радости! Мои молитвы, которые раньше длились лишь несколько минут, теперь продолжаются целый день". Мухаммад сказал: "Я рад, что тебе понравился урок, но прошу тебя, с сегодняшнего дня не практикуй его больше!"

Суфий учит равновесию с помощью поз и движений, что включает в себя контроль над действиями и деятельностью тела; практикуя намаз, вазифу и зикр, он учит равновесию ума с помощью концентрации. Сидеть дома с закрытыми глазами – это не концентрация; хотя глаза закрыты, мысли продолжают течь. Важно выбрать правильный объект для концентрации. В концентрации и медитации человек переживает экстаз; контролируя свое "я", он переживает высший мир, или план, в котором все является одним. Для этого необходимо руководство муршида, наставника, иначе равновесие будет утрачено, так как никто не может добиться этого в одиночку. А если кто-то и сможет, он будет до того захвачен испытанным там, что станет отсутствующим в этом мире, и результатом будут рассеянность, безумие и многие другие недобрые последствия.

Нет большего счастья и блаженства, чем экстаз. Человек привык думать: "Я есть то, что я вижу; этот сгусток плоти, крови и кожи и есть я", – но в экстазе сознание освобождается от тела, этой ограничивающей оболочки, и постигает свое подлинное существование, возвышенное над всеми печалью, болями и тревогами. Это величайшая радость. Познать это и

сохранить контроль над нашим телом и чувствами, посредством которых мы познаем всю жизнь этого мира, значит обрести равновесие – высочайшее состояние.

II

Не только сила или нервная энергия помогают человеку стоять на земле. Помимо мышечной силы и нервной энергии есть еще и чувство равновесия; именно равновесие позволяет человеку стоять и ходить не падая. Некто может иметь и мышечную силу и нервную энергию, но при отсутствии равновесия он не сможет ни стоять, ни передвигаться. А в области ума разве способность рассуждать или дар воображения делают человека глубокомысленным? Нет, это делает равновесие. У многих воображение такое буйное, что они могут часами парить в облаках, а есть другие, рассудок которых так силен, что их мысли все ходят и ходят по кругу без конца. Если что и делает человека действительно глубокомысленным, то не великая способность рассуждать и не далеко идущее воображение, а равновесие.

Ни глубокая чувствительность сердца, ни переживание духовного экстаза не сделают человека просветленным. Можно переживать экстаз, иметь видения, феномены и в то же время не быть духовным. Можно обладать религиозными взглядами, жить набожной жизнью, иметь возвышенные идеалы и в то же время не быть просветленной душой. Это показывает нам что, для того чтобы тело стало таким, каким оно призвано быть, а ум сохранял настрой на должную высоту, необходимо равновесие. Изучая природу, мы обнаруживаем, что рост растений и жизнь деревьев зависят от равновесия; когда мы думаем о космосе и исследуем звезды и планеты, главная вещь, которую мы должны понять, – одно небесное тело удерживает другое. Все природные катаклизмы – извержения вулканов, наводнения, землетрясения – происходят из-за нарушения равновесия. Пока природа сохраняет равновесие, бездна в сердце земли остается стабильной и люди без вреда и опасности могут ходить по земле.

Бури, голод, даже чума и все прочие беды, посещающие человечество, причиняются нарушением равновесия, которое обеспечивает благополучное существование человечества. Это учит нас тому, что тайна бытия индивида, как и всего космоса коренится в равновесии. Можно без преувеличения сказать, что причиной всех успехов и всех неудач является присутствие равновесия или его недостаток. Прогресс или отсутствие прогресса могут быть объяснены наличием равновесия или его нарушением.

С идеей равновесия связана еще одна мысль. Жизнь есть движение, а равновесие – это нечто, что держит движение под контролем; но совершенное равновесие слишком сильно контролирует движение, вызывая в нем состояние инерции. Например, если бы сила правой руки была точно равна силе левой руки, если бы правая нога ничем не отличалась от левой ноги, человек не мог бы работать или ходить. Если бы оба глаза обладали одной и той же силой взгляда, человек не видел бы вовсе. Все контролируется равновесием, но избыток равновесия разрушителен; слишком много равновесия приносит неподвижность. Именно обычное равновесие, которое не полно – вот что приводит к цели. Искусство тоже рождается из равновесия между чувством линии и цвета, а гений в науке – из равновесия между восприятием и пониманием.

Главная проблема состоит в том, как достичь равновесия и как поддерживать его. Относительно первого скажу, что равновесие естественно, так что достигать его не приходится; вопрос лишь в том, как поддерживать его, а не как достичь его. Воздействие жизни в этом мире активности постоянно выводит человека из равновесия. Неважно, каким путем кто-то идет в жизни, чем он занимается, кем работает, – всегда есть сложность в поддержании равновесия. Суфии нашли ключ к этому, и этот ключ – стать обособленным внутри себя и таким образом достичь полного равновесия с самим собой². Выше я сказал, что совершенное равновесие означает разрушение действия; но тот, кто полагает, что с утра до ночи его жизнь ничем иным кроме движения не является, естественно, не сможет сохранять такое равновесие. Посвятив

² Речь идет о том, что этот вид изоляции достигается уходом внутрь себя. Отрекаясь от внешних влияний, человек приобретает возможность успокоить свои внутренние волны

несколько минут медитации, тишине, человек сумеет прикоснуться хотя бы на миг к полному равновесию; а потом, в активной жизни, оно поддерживается естественным образом.

Часто люди ошибочно полагают, что при помощи медитации или тишины они могут достичь успеха в своей деятельности. Если успех все-таки приходит, то лишь потому, что равновесие в медитации наделяет человека способностью сохранять и то равновесие, что необходимо для деятельности. Внешняя жизнь зависит от внутреннего состояния индивида. Каким бы ни было жизненное положение, – успех или поражение, продвижение или упадок, – все исходит от внутреннего состояния, переживаемого человеком внутри себя. Человек здравомыслящий скажет: "По этой причине или по той причине вы встречаетесь с успехом или поражением". Ясновидец скажет, что дух или призрак поведали, что обстоятельства будут лучше или хуже. Астролог скажет, что мы переживаем такие-то и такие-то состояния, потому что эта звезда находится в своем или не в своем доме. Но согласно суфиям обстоятельства жизни человека целиком и полностью зависят от состояния его внутреннего "я", таким образом, необходимо изменить обстоятельства во внешней жизни или настроить самого себя, чтобы работа над внутренним "я" принесла необходимое равновесие. Равновесие, будучи потерянным, возвращается с великими трудностями. Во-первых, очень трудно сохранить равновесие в повседневной жизни, а когда оно потеряно, остается мало надежды на успех, счастье или прогресс. Это подобно настенным часам, которые сбились, они не смогут идти до тех пор, пока не будет установлено должное равновесие.

То же самое с состоянием души. Если человек утратил здоровье, стал расточителен, безрассуден, – это знак утраты равновесия. Чрезмерное уныние, чрезмерная занятость, чрезмерная лень – все это указывает на нехватку равновесия. Все, что можно назвать чрезмерным, выпадает из равновесия.

Равновесие есть состояние индивидуального развития и внимания к другим. Односторонность – это нехватка равновесия. Когда мы не способны принять идею другого человека – нам недостает равновесия. В то же время трудно с точностью указать, когда и где начинается равновесие. Так, внешний облик китайцев естествен для Китая; облик древних греков или римлян был естествен для того времени и тех людей. Мы называем нормальным то, что является всеобщим, присутствует у всех. Поэтому можно сказать, что в сезон насморка и кашля нормальны даже насморк и кашель.

Спору нет, жизнь нелегка для многих из нас, но сплошь и рядом мы сами еще больше усложняем ее. Если мы не понимаем подлинной природы и характера жизни, мы создаем себе трудности. Лишь пять процентов всех трудностей вызваны жизненными обстоятельствами, а остальные девяносто пять – нами самими. Но каким образом, спросят меня, мы создаем себе трудности? А тем, что мы не желаем бороться в жизни, мы не любим схватку, а хотим лишь гармонии и мира. Но необходимо понять, что, прежде чем мы сумеем создать мир, нужна война – война с самим собой. Наш злейший враг – собственное "я", наши ошибки, наши слабости и наши ограничения. А ум наш – изменник. Он скрывает наши ошибки даже от наших глаз и указывает на других людей как на причину всех наших сложностей. Он постоянно обманывает нас, утаивает истинного врага и настраивает против окружающих, заставляя считать их врагами и схлестываться с ними.

Кроме того, для сохранения равновесия необходимо обратиться к Богу. Чем выше мы поднимаемся, тем более возвышенной становится точка зрения, тем дальше проникает взгляд. Человек развивается все больше и больше, его кругозор становится все шире и шире; и во всем, что делает, он выявляет божественную ноту, которая врачует все души и дарит им мир и покой.

Равновесие защищает жизнь, и не только нашу жизнь; оно помогает удержать все вокруг от распада, собрать все вещи вокруг одной. Люди на Востоке всегда считали, что равновесие должно быть главной вещью, поддерживаемой в жизни; различные упражнения, которые они предписывали, в виде ли религии или в форме поклонения, будь то в философском или психическом царстве, – все они направлены на поддержание равновесия.

БОРЬБА И СМИРЕНИЕ

К духовной цели ведут два особых пути, и один полностью противоположен другому. Первый – это путь смирения, а второй – путь борьбы. Несомненно, на пути борьбы есть и смирение, так же, как на пути смирения есть и борьба, но в основном тот, кто избрал путь смирения, думает лишь о том, чтобы быть смиренным, тогда как для того, кто идет по пути борьбы, основной целью является борьба. Оба пути существенны; невозможно игнорировать один из них или принять только другой. Люди часто думают, что суфизм означает пассивность, но это не так; он одновременно и активен, и пассивен. Он являет собой знание тайн человеческой жизни на земле, знание того, в чем человек действительно нуждается в соответствии со своим характером и положением.

Размышляя об указанных двух принципах, мы заметим, что в некоторых жизненных обстоятельствах мы просто вынуждены быть смиренными. Легко сохранить смирение в отношении того, что нельзя изменить, но, если есть силы для борьбы, смириться очень трудно. Тот, кто смиряется в простых обстоятельствах, может посчитать это нетрудным, но он не знает, что такое настоящее смирение. Представим человека, имеющего бедных родственников, которые хотят получить часть его капитала, будучи в великой нужде, но, несмотря ни на что, он не может смириться, чтобы позволить им иметь часть этого капитала; однако, когда ночью в его дом вламываются воры и уходят, прихватив все добро, он довольно легко примирится с этой потерей. Этот вид смирения не является добродетелью. Смириться себя означает поступать таким образом даже тогда, когда есть сила сопротивляться. Все великие люди признавали ценность смирения и учили ему. Христос говорил, что, если кто-то хочет пройти с ним определенное расстояние, мы должны быть готовы пройти с ним еще дальше. Чему это учит нас? Смирению. Можно подумать, что смирение непрактично и что этот эгоистичный мир всегда возьмет верх. Это правда, но потеря, если сердце сможет вынести ее, ничтожна в сравнении с выигрышем. Если же человек не получает удовлетворения от того, что делает, лучше не смиряться.

Если человек способен на смирение или отказ – это прекрасно, но он не должен насиловать свою природу. Например, кто-то попросил другого одолжить ему плащ. Плащ был немедленно дан, но в то же самое время дающий был очень сильно раздражен тем, что другой человек попросил об этом. И когда он сам вынужден был выйти под дождь, то вымок и почувствовал досаду. Для него было бы гораздо лучше сразу отказать просителю, объяснив, что он, к сожалению, не может одолжить ему плащ. Однажды дав что-то, человек не должен сожалеть об этом, но ему лучше быть довольным тем, что он намок, помогая другому. Если уж давать что либо, то от всего сердца.

По-настоящему смиренный человек не показывает этого. Это непросто. Как много людей в этом мире пытаются изучить чудесные духовные вещи! Но такая простая вещь, как смирение, все же чудеснее; эта добродетель не только прекрасна, она чудо. Смирение заключается во множестве мелочей; мы не всегда замечаем его, но оно в них есть. Окружающие могут попросить нас сделать что-нибудь, что нам не нравится. Они говорят нам нечто такое, что мы не желаем принять молча, мы хотим ответить. И тогда все в повседневной жизни приносит нам маленькие уколы. Если бы мы не смирились, мы бы все время чувствовали раздражение. Поэтому быть смиренным – это не слабость, это великая сила. Если пойти дальше, мы найдем, что можно смириться даже с холодом и жарой, с подобающими и неподобающими местами, и все это смирение имеет смысл и приносит нам пользу. Можно сформировать в себе привычку к смирению; не смирившись перед доставшимся нам в удел опытом, мы упускаем возможности.

В мире действуют две силы: коллективная и индивидуальная. В суфийских терминах одна называется Каза, а вторая – Кадр. Зачастую индивидуальная сила не желает сдаться и как следствие она разрушается. Например, человека призывают в армию защищать Родину; он не хочет идти воевать, но, каким бы тонким ни был бы его идеализм, он беспомощен перед мощью всей нации. Он должен смириться перед обстоятельствами, в которых есть конфликт между меньшей и большей силами; смирение здесь – единственный выход.

Конечно, все надо понимать правильно. Смирение, которое глупо проповедуется, – бесполезно. Как-то раз один мюрид, учившийся смирению у муршида, шел по улице, погруженный в мысли о смирении, как вдруг откуда-то выскочил взбесившийся слон и понесся на него. Какой-то умный человек крикнул, чтобы тот отошел в сторону, но он не сделал этого, потому что пытался смирить себя перед слоном, и слон грубо отшвырнул его. Люди принесли ученика к муршиду, который спросил, как тот был ранен. Ученик ответил, что практиковал смирение. Муршид спросил: "Разве никто не советовал тебе отойти?" – "Да, – ответил ученик, – но я не послушался". – "Но, – произнес муршид, – почему же ты не смирил себя перед этим человеком?" Часто тонкие принципы могут практиковаться с большой невыгодой. Но, несмотря ни на что, смирение уже доказало, что оно является путем святых, потому что воспитывает в человеке терпение. А что такое терпение? Это драгоценность. Нет ничего более ценного, ничего более благословенного, чем терпение.

Вот рассказ о пророке, который однажды серьезно заболел. Он страдал уже много лет. Это испытание обострило его проницательность, но его страдания были так велики, близкие не могли больше выносить это, и пророку пришлось искать убежища и уединения с Богом в лесу, чтобы избавить родных от созерцания его боли. Так как его взгляд был пристален и уши сердца открыты, он услышал голос из деревьев: "Я – лекарство от твоей болезни". Пророк спросил: "Пришло ли время мне исцелиться?" Голос ответил: "Нет". Пророк спросил: "Тогда зачем мне принимать тебя?" Позже он имел то же самое переживание. Снова он услышал голос. Но на вопрос пророка, пришло ли время излечения, голос теперь ответил утвердительно. Но пророк и на этот раз сказал: "Зачем я стану принимать тебя?" – потому что он не считал себя достигшим смирения.

Когда мы думаем о высшем идеале, у нас могут возникнуть сомнения, насколько он практичен, особенно в наше время, когда есть так много лекарств и так много механических приспособлений. Но разумный человек считает, что многие люди разрушили свою жизнь, переходя от одного лечения к другому, не имея ни терпения, ни смирения, в которых и заключалось их полное исцеление. Лекарство не всегда является решением проблемы; часто решением оказывается терпение. Кажется, человек с каждым днем становится все менее терпеливым, захваченный этой поверхностной жизнью. Едва ли мы хоть когда-нибудь проявляем смирение в мелочах, хотя насколько лучше было бы смириться, чем нервничать.

Когда мы проливаем мистический свет на эту тему, то находим, что, будучи смиренными, мы образуем гармоническое соединение с Бесконечным. Как мы можем научиться этому? Может быть, будучи смиренными перед Богом? Нет, нам предстоит усвоить еще более великий урок. Во-первых, научиться смиряться перед мелкими каждодневными трудностями, не вскипать по поводу каждого противоречия. Если бы мы были способны освоить это, нам не нужно было бы культивировать великую силу, даже уже одно присутствие подобного человека было бы исцеляющим. Такой человек ценнее розового цветка, потому что на розе колючек больше, чем цветов.

Смирение – это итог развития души, результат или любви, или мудрости. Эту истину можно увидеть в жизни ребенка и подростка. Если младенцу что-нибудь понравилось, он знает лишь одно: ему этого хочется; если желаемый предмет недоступен, младенец разочарован. И все же по мере того как ребенок растет и развивается в жизни, он учится смирению. Разница между незрелой душой и развитой душой на пути мудрости состоит в том, что зрелая душа проявляет в своей природе развитие силы смирения. Конечно, человек обладает свободной волей, но его силы слишком малы по сравнению с абсолютным могуществом воли Бога, который проявляет себя в виде более сильных людей, обстоятельств, которые нельзя изменить, и во многих других формах. Смирение – не означает просто сдаваться кому-то, смирение означает быть довольным, сдаваясь. Быть смиренным означает найти удовлетворение в самоотречении.

Самоотречение не может быть добродетелью, если оно является результатом беспомощности и развивается в неудовлетворенность. Природа неразвитого эго – негодовать по поводу всего в жизни, что мешает достижению определенного объекта; но если человек смиряется перед лицом трудностей и в то же самое время испытывает удовлетворение, то даже

не получив желаемого, он возвышается над ним. Поэтому истинно смиренная душа даже поражение воспринимает как успех.

Смирение – качество святых душ. Оно горько на вкус, но в результате сладко. Какое бы положение человек ни занимал в жизни, какой бы властью ни обладал, всегда найдется более могущественная воля, явленная в той или иной форме. Поистине, это божественная воля. Сопrotивляясь божественной воле, человек может разрушить сам себя; но смирение перед божественной волей раскрывает перед ним путь. Смирение имеет природу воды: если что-то преграждает дорогу, она берет другое направление и все равно течет, продолжая свой путь, пока не встретится с океаном. Вот почему святые души шли по пути смирения и все же сохраняли свою волю живой. Эта воля имеет силу прокладывать свой путь. Смиранный по природе человек становится в конце концов утешением для себя самого и счастьем для других.

Не надо считать смирение проявлением слабости, лени, малодушия или недостатком энтузиазма. Смирение в действительности – выражение владычества над своим собственным "я". Стремление подчиниться чужой воле или определенным обстоятельствам не всегда приносит смиренному человеку ущерб. Порой это может казаться невыгодным, но впоследствии польза от этой добродетели осознается. Недостаток выносливости и стойкости является причиной, по которой души оказываются неспособными смириться, потому что они не в силах выдержать боль или примириться с потерей.

Способные к смирению практикуют его даже в незначительных обстоятельствах обыденной жизни. Они избегают использовать свою силу воли беспричинно, в любой мелочи. Смирение – это пассивность, иногда оно представляется невыгодным в жизни активного человека, стремящегося к цели. Но постоянная активность, в которой растрачиваются силы и энергия, часто приводит к поражению. Всякая активность должна уравниваться пассивностью. Надо быть активным, когда пришло время быть активным, и становиться пассивным, когда обстоятельства требуют пассивности. Именно таким образом достигается успех в жизни и то счастье, которого взыскует каждая душа.

Символический смысл вьезда Иисуса Христа в Иерусалим верхом на ослице в Вербное воскресенье состоит в том, что ослица с крестом на спине, несущая все тяготы, показывает смирение в покорности воле своего господина. Это привилегия того, кто служит: как бы скромно ни был тот, кто служит, он награжден привилегией служить Богу.

САМООТРЕЧЕНИЕ

Самоотречение и аскетизм – это две разные вещи. Суфийская мораль в самоотречении и во многом отличается от морали аскета. Аскет не женится, не ест хорошей пищи, не носит хорошей одежды и не делает ничего, что доставляет человеку удовольствие; суфий полагает, что все в мире создано для него и поэтому нет никакой необходимости покидать этот мир, унося с собой несбывшиеся желания. Но он не зависит ни от вещей, ни от желаний; он хранит себя свободным от них. Он не идет в горы в поисках уединения; он живет в мире. Он может пойти в горы, если захочет, однако ничто в горах не сумеет удержать его навеки. Насколько проще быть религиозным и духовным в горной пещере, чем в мире! Но суфию нет нужды бежать от мира, потому что он видит и узнает облик своего Возлюбленного, облик Бога везде и во всем.

Если какой-нибудь религиозный наставник скажет: "Нет, вы не должны слушать музыку, не должны смотреть спектакли, смотреть на танцы или танцевать самим", – возможно, среди тысячи учеников найдется один, который подчинится его словам и удалится в пустыню. Без сомнения, этот ученик найдет там куда больше помощи в поисках духовности, но зато он не сумеет познать покинутый им мир, из-за чего навсегда останется подверженным искушению.

Гораздо важнее и труднее жить в мире и в то же время быть духовным; нести ответственность за жизнь, уделять внимание друзьям и родственникам, служить врагам и друзьям и все-таки оставаться духовным. Переносить постоянное давление окружения, быть загруженным ответственностью, страдать от враждебности, – это намного тяжелее и

величественнее, чем быть аскетом в джунглях. Оба эти пути имеют опасность. Если человек живет в мире, врожденная тяга к удовольствиям и желание познать мир могут в любой момент отбросить его назад; подобно йогу Махачандре, который был великим святым и имел множество учеников и которого царица Махила сделала царем. В одно мгновение он рухнул с вершины, на которую поднялся благодаря долгим годам суровой аскезы. Йоги говорят, что лучше покинуть мир; суфий выбирает жизнь в мире, но наполненную самоотречением. Он предпочитает познавать мир в служении всем и в то же время практиковать самоотречение.

Даже жертва ниже самоотречения, хотя в принципе жертва и есть самоотречение; принесение себя в жертву – это урок, который пророки и учителя духа преподают человеку, чтобы научить его самоотречению. Добродетель жертвы заключается в готовности, с которой она приносится. Самоотречение, однако, поднимается не из принципов, но из чувства.

Самоотречение автоматически воздействует на сердце человека, причем это воздействие мало кто понимает, поскольку лишь немногие достигают того уровня развития, на котором становится возможно самоотречение. Это воздействие зажигает в душе искру духовности; и когда человек достигает этой ступени, он совершает первый шаг на пути к духовности. Искра, производимая этим действием в глубинах сердца, превращается в пламя, в факел, освещающий жизнь. Это изменяет весь жизненный кругозор. Весь мир представляется иным, тот самый мир, в котором человек жил, страдал, радовался, учился и забывал – все обновляется после того, как усвоен урок самоотречения.

Самоотречение означает отказ от "я" и отказ от того, что представляется полезным для "я". Всем в мире можно просто пользоваться, а можно злоупотреблять – так же и с принципом самоотречения, которым можно пользоваться и которым можно злоупотреблять. Люди часто неправильно понимают его, и самое распространенное среди ошибочных толкований состоит в том, что самоотречение понимается как отказ от удовольствий и счастья, которые может дать мир. Если практиковать самоотречение как догму, то казалось бы, что во всем творении нет никакого смысла. Творение никогда бы не проявилось, если бы отречение было принципом. Поэтому самоотречение само по себе не есть добродетель или грех; оно становится добродетелью или грехом в зависимости от того, как его применять.

Рассматривая самоотречение в метафизическом аспекте, находишь, что этот принцип служит лестницей, поднимающей человека над всеми вещами. Природа жизни в мире такова, что все вещи, которые нас привлекают, в свое время становятся не только путями, но и бременем. Жизнь – это вечное путешествие, и чем тяжелее ноша, тем оно труднее. Подумайте, как душа, постоянно желающая идти вперед, ежедневно отягощается путями и все более обременяется! Душа делает шаг и замечает, что скована кандалами. Она желает идти вперед, но с каждым шагом ей становится труднее идти.

Вот почему все мыслители и мудрецы, которые пришли к осознанию жизни, использовали самоотречение как лекарство. Иллюстрацией может послужить басня о собаке и хлебе. Собака, держа в пасти кусок хлеба, подошла к пруду и, приняв свое отражение в воде за другую собаку, принялась облаивать его. Едва лишь она раскрыла пасть, хлеб упал в воду. Чем больше мы рассматриваем свои ошибки в жизни, наши животные желания, тем больше мы находим, что не так уж далеки от собаки из этой басни. Вспомним о трагедиях целых народов, о том, как жестоко боролись наши предки за материальное, изменчивое, преходящее! Все это свидетельства того, насколько человек ослеплен материальной жизнью, как привык пренебрегать кроющейся за ней тайной.

Когда мы пытаемся рассуждать, от чего нам следует отречься и как именно практиковать отречение, прежде всего мы должны помнить, что добродетель перестает быть таковой, когда человека к ней принуждают. Тот, кому добродетель прививается насильно, кто принужден отречься, не может отречься правильно. Добродетель, причиняющая боль, – не добродетель. Если она заставляет страдать, что в ней добродетельного? Добродетелью она называется лишь потому, что дает счастье; то, что отнимает счастье, никогда не может быть добродетелью. Самоотречение практикуется правильно только тем, кто его понимает и способен его практиковать. Например, некий человек едет в поезде и решает утолить голод куском хлеба. Его сосед тоже хочет есть, но у него ничего нет. Если первый решит, что отдать хлеб и голодать

самому – это его дхарма, но в результате почувствует себя несчастным, то пусть он лучше съест хлеб сам, ибо это не будет самоотречением. Если он однажды так поступит, определенно в другой раз он этого не сделает, потому что он страдал и добродетель принесла ему несчастье. Эта добродетель не разовьется в его характере. Только тот способен на самоотречение, кто находит большее удовлетворение, видя другого поедающим его кусок хлеба, нежели есть этот кусок самому.

Лишь тот, чье сердце наполнено счастьем после совершения акта отречения, совершил отречение. Это показывает, что отречение – не то, чему можно научиться или научить. Оно приходит к человеку само, когда душа развивается настолько, что начинает распознавать истинную ценность вещей. Все, что кажется ценным для других, провидец начинает видеть по-другому. Таким образом, ценность всего, считаем мы это драгоценным или нет, согласуется со способом смотреть. Для одного человека отречение от копейки – слишком много; для другого все, чем он владеет – ничто. Это зависит от того, как мы смотрим на вещи. Человек возвышается над всем, от чего он сумел отречься в жизни. Он становится царем всего, от чего отрекся, и остается рабом того, от чего не смог отказаться. Весь мир может стать царством человека, который от него отрекся.

Способность к самоотречению зависит от развития души. Человек духовно неразвитый не может по настоящему отречься. Игрушки кажутся ценностью детям и ничего не значат для взрослых; очень легко отречься от игрушек. Так и с теми, кто развиты духовно – они легко откажутся от чего угодно.

Как идти по пути самоотречения? Для начала надо научиться делать выбор между двумя вещами. Человек с характером собаки из басни не может отречься. Он хочет и то и другое, но жизнь устроена так, что если перед нами два желанных предмета, то от одного мы вынуждены отказаться. Человеческая пронизательность должна решить, чем жертвовать и для чего. Предпочесть ли небеса миру или мир – небесам, богатство – чести или честь – богатству; отречься от вещей, имеющих преходящую ценность, ради вечных вещей или отказаться от вечного ради преходящего? Естество жизни таково, что всегда указывает две возможности, и очень часто трудно выбрать одну из них. Бывает, что одна вещь уже у нас в руках, а другая пока недоступна, и приходится ломать голову, какой из них пожертвовать и как добиться той, что нам пока не принадлежит. Часто нам просто не хватает силы воли для самоотречения. Это не только требует силы различения между двумя вещами, но также силы воли делать то, что мы хотим делать. Делать в жизни то, что хочешь, совсем не просто; жизнь сложна. Часто мы не способны на самоотречение, потому что собственное "я" не желает нас слушать; а если уж мы сами не в силах выслушать себя, как же тяжело должно быть другим прислушаться к нам!

Самоотречение можно усвоить естественным образом. Сперва мы должны тренировать наши чувства различения, для того чтобы делать различие между тем, что более ценно и менее ценно. Мы можем изучить это путем пробы, подобно тому, как настоящее золото отличают от подделки: подделка недолговечна и быстро чернеет, а то, что сохраняет свой цвет – настоящее. Это показывает нам, что ценность вещей узнается по их постоянству. Вы можете спросить, не определяется ли ценность вещей в соответствии с их красотой. Конечно, мы должны узнавать их по красоте, но саму красоту необходимо проверить на долговечность. Подумайте о разнице в цене между цветком и бриллиантом! Цветок со всей его тонкостью, красотой цвета, ароматом увядает быстро по сравнению с бриллиантом по единственной причине, что красота цветка меркнет на следующий день, тогда как бриллиант будет постоянен. Это показывает естественную тенденцию, этому не надо учиться. Мы всегда стремимся к красоте, равно как и к тому, что постоянно. Если дружба непостоянна, какой бы прекрасной она ни была, – имеет ли она ценность? Что стоят высокое положение и почет, если они непостоянны? Однако человек, словно дитя, гонится за всем, что привлекает его и постоянно изменяется, в то время как душа его ищет постоянства.

Есть лишь один способ научиться самоотречению – познавая свою природу, которая является нашей сокровенной сутью, понимая, к чему она стремится, и стараясь идти туда, куда она зовет нас. Мудрость приходит через самоотречение. Мудрость и самоотречение идут рядом, потому что через отказ от себя человек становится мудрее, а мудрый обретает способность к

самоотречению. Главной причиной страданий человека в семейном кругу, в родной стране и в целом мире является его неспособность к самоотречению.

Развитие цивилизации, по сути, это развитие чувства самоотречения, проявляющегося в нашем уважении друг к другу. Каждое действие предупредительности и вежливости показывает отречение. Когда человек уступает другому свое место или отдает что-то хорошее, это и есть отречение. Цивилизация в истинном понимании есть самоотречение.

Высочайшая и величайшая цель, которой должна достичь каждая душа, – это Бог. Во всем необходимо самоотречение, а эта высшая цель требует высшего отказа от себя. Но самоотречение вынужденное, даже если оно совершено для Бога, не является правильным, или истинным. Должное самоотречение мы можем найти лишь в тех, кто способны на него. Вспомним библейского Авраама, собиравшегося принести в жертву своего сына. Современный человек посмеивается над древними историями, воспринимая их со своей точки зрения. Но подумайте, как много отцов и матерей в наше время пожертвовали своими детьми ради своей нации, своего народа и своей чести! Нет большей жертвы, чем жертва за идеал. Надо только определить, что это за идеал: материальный он или духовный, земной или возвышенный, человеческий или Божественный.

До тех пор, пока самоотречение практикуется ради духовного развития, оно остается верным путем. Но как только это возводится в догму, то становится злоупотреблением. Человек, на самом деле, должен быть мастером жизни; он может использовать самоотречение, но не оно его. Так обстоит дело со всеми добродетелями. Когда добродетели подчиняют себе жизнь человека, они превращаются в идолов, а поклоняться следует не идолам. Поклоняться надо идеалу, стоящему за идолами.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВОЛЕЙ, СТРЕМЛЕНИЕМ И ЖЕЛАНИЕМ

Воля – это развитие стремления. Когда мы говорим, что нечто произошло в соответствии с божественной волей, это означает, что это был приказ; это было стремление, развернувшееся в действие. Когда стремление развивается в действие, оно становится волей, оно становится приказом, повелением. Стремление остается стремлением до тех пор, пока оно бездейственно; оно уже есть, но еще не проросло, оно пассивно, как семечко, посаженное в землю. Однако в тот момент, когда семечко выходит из земли как сеянец и вступает в активный процесс развития, превращения его в растение, тогда это воля. Поэтому стремление и воля – это два разных названия одной и той же вещи, первое – это неразвитое состояние, а второе процесс его развития.

Желанием называют более слабую или более примитивную стадию стремления. Когда мысль о том, что такая-то вещь является желанной, еще не оформилась конкретно и ясно, когда разум еще не принял определенного решения, это остается желанием, фантазией. Немного развившись, оно превращается в стремление; тогда оно присутствует в сознании постоянно и не развеивается как облака. Стремление весомо, ощутимо, реально и все-таки еще не осуществлено, потому что для того, чтобы исполниться, оно должно развернуться.

На свете есть немало людей, утверждающих, что всю жизнь их преследуют неудачи, а стремления никогда не исполняются. Они легко воображают себе, что какой-то зловредный дух мешает им, что Бог против них; а может быть, это звезды или еще что-нибудь не позволяет их желаниям исполниться. Но в основном это не так. Во-первых, Бог хочет того же, чего желаем мы; если бы Бог желал чего-то отличающегося от нашего желания, мы бы не стали поклоняться такому Богу, который всегда против нас. К тому же, нет никакой выгоды в том, чтобы противодействовать стремлению человека, как нет пользы и в том, чтобы идти против желания Бога. Положение планет и звезд действительно может противоречить нашему желанию, ведь говорят же: "Человек предполагает, а Бог располагает". В этой пословице Бог ставится на место космических сил, хотя в действительности Бог по своему милосердию и состраданию никогда не стремится противоречить чьему-нибудь желанию; не говоря уже о Боге, даже

добросердечный человек не будет противостоять чьему-либо желанию; он будет делать все возможное, чтобы помочь этому желанию осуществиться.

Обычно случается так, что сам человек оказывается злейшим врагом собственного желания. Тому есть много причин, и одна из них – человек никогда не уверен в том, что он желает. Среди сотен людей едва ли найдется один, твердо знающий, чего хочет, тогда как остальные девяносто девять не уверены в этом. Сегодня им кажется, что они хотят одного, завтра – уже другого, и желание разрушается и исчезает в сомнениях ума.

Есть другой вид людей, – те кто приняли пассивное отношение. Они говорят, что желать что-либо грешно, хотя все-таки не могут вовсе обходиться без некоторых желаний. В этом пассивном отношении они решают не желать, они сопротивляются каждому желанию. Есть четвертый вид людей: это те, кто желают что либо, но отсутствие концентрации не позволяет превратить их желание в стремление, поэтому их желание всегда остается на примитивной ступени. Наконец, существует пятый тип людей, способных превратить желание в стремление; однако, совершив это, такие люди не делают следующего шага. Поэтому желание никогда не выполняется, так сказать, оно никогда не достигает кульминации, а это случается только тогда, когда стремление развивается в волю.

Этот вопрос имеет величайшее значение в жизни каждого из нас. Никто не может жить в этом мире, ничего не желая. А если и найдется кто-то, не имеющий ни одного желания, то он не останется в миру, потому что захочет избегать толпы; он уйдет в горы, прочь от мира, но даже и там он должен будет превратиться в дерево или скалу, для того чтобы существовать, потому что оставаться живым и не иметь желаний невозможно.

В "Гайян" есть фраза, которую не все могут понять: "подавлять желание означает пресекать божественный импульс". Те, кто разделяет понятия божественный и небожественный, совершают большую ошибку, потому что божественно или все, или ничего. Единственная разница подобна разнице между машиной и инженером. Разум Бога работает и в то же самое время инструмент, машина Бога работает; вот почему то, что возникает как желание, имеет Бога своим источником и потому является божественным импульсом. Набожный человек, в своем неведении, имеет ложное понимание этого и превращает Бога в пленника небес.

Другая строка "Гайян" гласит: "Все, что порождает в сердце страстное желание, лишает его свободы". Истина в том, что человек, охваченный страстным желанием, окован цепью более крепкой, чем самые прочные кандалы. Желания надо ограничивать; это не мораль, а философское положение. С другой стороны, жить, вовсе не желая, невозможно, если, конечно, мы не хотим превратиться в скалу. Несомненно, тот, кто освободился бы от желаний, обладал бы свободой скалы; но даже скала ждет того дня, когда сможет почувствовать желание. Желание осуществления придет вместе с развитием человеческой формы.

Различия между людьми согласуются с их стремлениями. Один мечтает о земле, другой – о небесах. Один желает земли, другой – небес. Человек велик или ничтожен, мудр или глуп, на верном или на ложном пути в соответствии со своим желанием.

Суфии различают понятия Казы – универсальной воли, вселенской силы, и Кадра – индивидуальной силы. Разумеется, индивидуальная сила в сравнении с универсальной подобна капле, сравниваемой с океаном. Она не может устоять против размаха морских волн, которые уничтожают ее. Однако капля, исходя из того же источника, что и море, обладает некоторой собственной силой, а также индивидуальной волей противостоять враждебным силам.

Если мы захотим прояснить вопрос об индивидуальной и универсальной воле, мы сможем сделать это даже в малых вещах. Человек, идущий по улице и говорящий: "Я голоден. Я, пожалуй, зайду в ресторан и поем", – проявляет индивидуальную волю. Другой человек, встретив на улице нищего, говорит: "Этот человек выглядит голодным и несчастным. Как я могу не помочь ему? Я хочу увидеть его хоть немного более счастливым", – и в тот миг, когда он желает добра другому, его воля становится волей универсальной. Причина этому в том, что на индивидуальную волю налагает ограничения мысль о себе самом, но, как только человек забывает о себе, как только начинает думать о другом, эти ограничения рушатся и его воля становится сильнее. Откуда черпали волю учителя человечества, способные на великие

свершения? Это была их собственная воля, расширенная разрушением границ, которые были воздвигнуты мыслями о своем "Я". Это не значит, что кто-то должен всецело отказаться от мыслей о себе, что он не должен думать об обеде и ужине. "Я" присутствует, и человек должен думать о нем. Но в то же самое время, для того, чтобы развиваться, чтобы позволить воле расти, – чем больше человек забывает о себе, тем больше ему помогают³.

Есть такие, кто избирает путь отречения, не делая добра ни себе ни другим. Они принимают позицию, что добро придет откуда-нибудь само, что кто-то другой сделает его и что, когда они будут испытывать голод или другую нужду, кто-то придет, накормит и поможет им. Их желание не активно, они не позволяют ему стать волей, оставаясь на одном месте, они пассивны. Конечно, разумная пассивность и смирение тоже могут принести чудесные плоды. Но многие практикуют это чисто интеллектуально. Качества святых людей в том, что они смиряются перед всем, что приходит, но при этом у них не формируются желания. Они принимают все: цветы и шипы; все, что приходит, они принимают. Они видят шипы, но смотрят на них как на цветы. Они довольны и с хвалой и с хулой, принимают как взлет, так и падение; они встречают жизнь такой, как она есть. Таков разумный путь; неразумный способ – это видеть во всем лишь трудности для себя и ждать, когда кто-нибудь другой придет и все сделает. Это ничто иное, как разновидность лени, а не пассивность.

В Индии есть притча о человеке, лежащем под вишневым деревом, с которого сыпались спелые вишни и падали на землю рядом с ним, но он не шевелился. Завидев невдалеке прохожего, этот человек позвал его: "Будь добр, подойди ко мне и положи мне в рот вишню!". Как много на свете людей, готовых сразу сдаться, лишенных энтузиазма, смелости. И таким образом их сила воли разрушается и в конце концов они становятся беспомощными. Нельзя даже сравнивать дух святого и дух беспомощности, хотя оба они становятся смиренными. На самом же деле последний не смиренен, как тот, что желает съесть вишни, но только если другой положит их ему прямо в рот. Святой не заботится, ест он или нет; для него это все едино.

Некоторые люди слишком волнуются, осуществится ли их желание. Эта тревога разрушает желание, потому что эти люди оказывают слишком большое давление на желание. Это подобно тому, как защищать растение от солнца и дождя. Если же человек защищает его от тех вещей, которые должны помочь растению расти, растение не может процветать, то же самое и с желанием. Если человек слишком нетерпелив в своем желании и в то же время всегда боится, что оно не исполнится, он тонет в сомнениях, страхах и подозрениях и таким образом губит собственное желание.

Другие, напротив, готовы жертвовать чем угодно даже ради мелкого желания, ради цели, которая в действительности не так уж важна для них. Такой человек все свои мысли отдает желанию и делает все, что в его силах, чтобы оно осуществилось. Такой человек вступает на тот путь, что мы называем путем мастера. Он добьется успеха, и этот успех принесет дальнейший успех. Если человек один раз был успешен, этот успех привлекает больший успех; но если он однажды потерпит неудачу, его неудача привлечет еще большую неудачу. Это относится и к тем, кто идет по пути достижений: каждое достижение дает ему больше сил идти вперед, а когда он на пути вниз, то каждый шаг ведет его вниз.

Возникает вопрос, какими стремлениями и желаниями можно пренебречь, а какие из них следует вскармливать. Мы должны иметь различие; если бы не было различия, то легко можно было бы выбрать ошибочный путь. Такой путь хоть и способен привести к успеху, но это будет ложный вид успеха. Если же человек настаивает на исполнении каждого своего стремления и желания и верит, что все они осуществляются, то иногда это может быть верно, а иногда нет. В первую очередь следует развить чувство различия, чтобы понимать, какой путь ведет к длительному счастью, к величайшему миру, к высочайшему достижению. Но как только человек имел различие и выбрал желание определенно, он не должен слишком анализировать его. Многие развили привычку в течение целого дня все анализировать. Если человек удерживает желание десять лет и каждый день анализирует его в своем уме, он действует против него; он то и дело принимается смотреть на него с новой точки зрения, пытается найти в

³ Высшие силы

собственном желании какие-нибудь огрехи и в конечном итоге разрушает его тем или иным способом. За долгие десять лет его желание, которое могло бы осуществиться, будет разбито на кусочки. Есть много интеллектуальных людей, людей, которые сомневаются, людей с аналитическим умом – они величайшие враги своих желаний.

Некоторые считают, что не следует излагать свое желание в молитве, поскольку Бог и так знает все. Зачем же тогда говорить Богу, считают они, что и как должно случиться? Бог знает тайну всякого сердца. Да и разве не эгоистично приносить Богу свое желание? Если желание это хорошее, оно должно сбыться само! Ответ таков: в действительности молитва есть напоминание Богу, она как песня для Бога, который радуется ей, слышит ее, вспоминает о чем-то. Но как наша молитва, наш незначительный голос достигают Бога? Они достигают Бога через наши уши. Бог внутри нас. Если наша душа способна услышать голос, Бог тоже слышит его. Молитва – лучший способ, потому что в этом случае желание принимает прекрасную форму, находящуюся в гармонии с Богом и помогающую достичь большей близости между Богом и человеком.

Более того, не надо слишком часто или слишком долго думать о своем желании. Можно мечтать о нем, представлять его себе, думать о нем, постоянно удерживать его в уме и делать все возможное для его осуществления, но делать это с самообладанием, спокойствием, терпением, доверием, легкостью и не предаваясь мучительным размышлениям. Размышляющий о своем желании с излишним упорством разрушает его, это подобно перегреву чего-либо или чрезмерному поливу растения. Оно разрушается именно той вещью, которая должна ему помогать. Если человек слишком переживает по поводу своего желания, ему определенно либо не хватает терпения, либо у него слишком много сомнений и страхов, – все это убивает желание. Желание надо лелеять непринужденно, с удобствами, надеждой, доверием и терпением. Сомнения подобны ржавчине: они разъедают желание; а страх еще хуже – он разрушает его. Если человек не имеет различия, не уверен, хорошо ли его желание или плохо, сбудется оно или нет, то однажды он скажет: "Как я хочу, чтобы это сбылось!", – но на завтра скажет: "Мне все равно, сбудется это или нет", – а через неделю решит: "Хочу, чтоб это случилось прямо сейчас", – и через месяц: "Больше меня это не заботит". Это то же самое, что разжигать огонь и тотчас тушить его; огонь исчезает, и всякий раз тот, кто гасит огонь, должен будет вновь его разжигать.

Вопрос в том, правильны ли наши желания или они не зависят от нашего уровня эволюции. Человек, чья эволюция такова, что он думает только об удовлетворении каждодневных нужд, не должен думать, что он обязан желать чего-то более высокого. Если его сердце склоняется к желаниям такого рода, это не должно его беспокоить. Но если он чувствует в своем сердце: "Нет, я не обязан иметь такие желания, я могу думать о чем-то более возвышенном", – тогда он должен быть готов принять последствия. И последствия будут таковы, что ему придется пройти через искусы и испытания, и если это его не беспокоит – тем лучше.

На свете много такого, чего мы хотим и в чем нуждаемся, но мы не обязательно думаем об этом. Если оно приходит – хорошо, а если нет – что ж, мы какое-то время будем чувствовать неудобство, но это чувство проходит. Мы не можем отдать этому весь свой ум и мысли, если мы развиты и думаем о чем-то более высоком и великом, чем обыденные потребности, и эта возвышенная мечта ускользает от нас. Вот почему великие поэты, мыслители, святые очень часто не имеют вещей, необходимых в повседневной жизни. Сила, которой они обладают, помогла бы им управлять всем на свете, она заставила бы золото приходить к ним домой и смогла бы повелевать армиями – только прикажи. Но они не способны отдать этому свой ум. Они желают лишь того, что согласуется с их особой эволюцией.

Каждый человек может желать только того, что равно его эволюции; он не может правильно желать того, что ниже его эволюции, даже если человека принуждать к этому. Очень часто, стремясь помочь человеку в той или иной ситуации, я говорил ему: "Сосредоточься на таком-то объекте". Но если человек оказывался более развитым, он задействовал только ум, тогда как сердце было где-то еще, и таким образом это не исполнялось. Человек способен отдать свое сердце, разум и все свое существо лишь тому, что равно его эволюции, а тому, что не равно ему, он не сумеет отдатья всем своим существом, разве только одними мыслями. А

что такое мысль? Мысль без чувства не имеет силы; если за ней не стоят душа и дух, она бессильна.

Следует понять, что наше высшее желание будет отличаться от того, в чем мы нуждаемся в повседневной жизни. Нельзя смешивать одно с другим. Надо воспринимать наши повседневные нужды как нечто практическое – в них нет ничего плохого, и если это действительно наше собственное желание, все в порядке. Но высшее желание мы должны лелеять и поддерживать как нечто священное, данное нам Богом, чтобы его заботливо выращивать, доводить до осуществления. Ведь именно в исполнении высочайшего, лучшего и глубочайшего желания состоит цель жизни каждого из нас!

Часть II

ЗАКОН ПРИТЯЖЕНИЯ

В природе действуют два величайших принципа: притяжение подобного к подобному и притяжение противоположностей.

Что мы наблюдаем в природе? Если на стене появляется одно пятнышко пыли, то скоро пыли там соберется больше. Иногда бывает трудно заметить в комнате муху, но, найдя хоть одну, мы обнаружим рядом с ней и других. Где есть один муравей или воробей, там есть и другие муравьи или воробьи. В джунглях, если есть один попугай, значит, в той части леса будет великое множество попугаев. Как бы ни любили собаки подраться и полаять друг на друга, они все же предпочитают быть вместе. Кролик не стремится быть среди воробьев, а осел не хочет общаться со змеями. Где есть одно зерно пшеницы, там прорастет множество зерен, где найдется один розовый бутон, расцветет множество роз.

Это показывает нам, что подобное притягивается к подобному, имея к этому влечение. Именно по этой причине расы и нации имеют определенные характеристики и атрибуты; потому что веками люди, обладавшие сходными характерами и качествами, собирались вместе, образуя группы. Французы не похожи на англичан, а те – на шведов; шведы же, в свою очередь, отличаются от немцев. Для человека, чей разум натренирован в этом направлении, нетрудно с одного взгляда отличить бельгийца от француза, немца от итальянца даже в толпе.

Семьи также имеют свою схожесть, которая исходит из этого же принципа. В Индии, где наследственности уделяется величайшее внимание, это доходит до глубочайшей детализации: там каждая провинция, каждый район обладает собственным характером. Гуджаратец всегда предпочтет общество еще одного гуджаратца; два-три маратха будут счастливы в обществе друг друга и не захотят принять в свою компанию пенджабца. То же можно сказать о бенгальцах или мадрасцах. Почему? Потому что каждый радуется своему собственному элементу.

Первой причиной в пользу закона притяжения подобного к подобному является кровное родство. В наше время о родственных связях думают гораздо меньше; мы уже почти не знаем своих родственников. Однако родство связывает очень сильно. Если кровь одна, форма складывается из сходных элементов.

Я расскажу историю о юноше, ставшем борцом при дворе персидского царя. Никто ничего не знал о его происхождении кроме царя, который сам и вырастил его с большой заботой. Этот боец, его звали Куштам, стал чемпионом своей страны и пытался стать чемпионом мира. Но царь запрещал ему сражаться с иностранцами и даже разговаривать с ними. Он боролся со многими борцами и всегда побеждал, а обычаи того времени требовали, чтобы побежденный признал свое поражение или был убит.

Однажды приехал из другой страны прославленный борец и было решено, что юноша сразится с ним. Поединок произошел и в самом его конце тот борец повалил Куштама, но молодой человек был слишком горд, чтобы признать себя побежденным, и его соперник был вынужден убить его. Чувствуя холод стали, Куштам нашел силы прошептать: "Вы убили меня, но наступит день, когда вы встретите моего отца и он убьет вас". Победитель спросил, как его имя. И когда услышал в ответ: "Куштам", – то схватился за голову и заплакал: он сошел с ума, поняв, что убил своего собственного сына.

Притяжение тихо приходит в ум, но не всегда ясно осознается, потому что действует через материю. Разница между духом и материей состоит в том, что, когда божественный разум вливается в нас непосредственно, – это дух, а когда он излучается через плотного посредника, – это материя. Так что и в духе и в материи присутствует божественный разум.

Между близнецами есть великое притяжение. В самом слове "близнецы" заложено представление о единении⁴, хотя близнецы не всегда представляют столь полное единство, как принято считать. Если они являются близнецами в подлинном смысле этого слова, – а именно двумя душами, которые одновременно отправились в путь и одновременно прибыли на Землю, – они наиболее объединены. Есть близнецы, которые настолько объединены, что, когда один из них заболевает, другой тоже чувствует себя больным, а когда один счастлив, другой тоже испытывает счастье, даже если они разделены. Но некоторые близнецы подобны двум людям, нашедшим убежище от дождя под одной кровлей, – это совсем другой случай.

Бывает и так, что две души, рожденные в разных странах и воспитанные разными родителями, тянутся друг к другу и поддерживают один другого всю жизнь. Они могут быть хорошими друзьями, партнерами или в положении господина и слуги. Их можно было бы назвать душами-близнецами. Они напоминают детей одних родителей, и все-таки их сходство не такое, как сходство братьев и сестер. Они бескорыстны в отношениях друг с другом, их привлекают мысли и идеи друг друга, и часто они проявляют сходство даже в работе.

Вторым основанием в пользу закона влечения подобного к подобному является сходство рода занятий. Крестьянин, весь день пахавший землю, предпочтет провести вечер с другими крестьянами, поговорить с ними об урожае. Ему не захочется сидеть в компании литераторов. Солдат выберет общество других солдат, а спортсмен желает быть со спортсменами, тогда как среди ученых он будет чувствовать себя не на своем месте. Человек с литературным вкусом ищет общества других любителей литературы. Музыканту нравится общество музыкантов. Я сам это замечал: среди моих слушателей бывали индусы, иногда даже родом из одной со мной провинции, которые оказывались менее восприимчивыми, чем западные музыканты, присутствовавшие там. Последние, хотя и не понимали слов, которые я пел, зато были музыкантами, и их интерес к музыке роднил их с сутью песен.

Третье основание – сходство качеств. Храбрец предпочтет общество таких же храбрых людей; ему не понравится общаться с трусами. Добрый человек ищет общества столь же добрых. Темперамент тянется к темпераменту, а не к хладнокровию. Драчун ищет другого драчуна, чтобы сразиться с ним. Подобное всегда распознается подобным. Если в компании окажутся два вора, они непременно узнают друг друга. Вор, приехавший из Парижа в Нью-Йорк, без труда найдет там собрата; другому может потребоваться на это много времени, а вор сразу поймет: "Вот вор, вот мой брат!". Жестокий человек притягивает к себе жестокость других. Если мы хоть немного обманем кого-нибудь, в один прекрасный день обманут и нас, даже если лживость в действительности не свойственна нашей природе.

Это объяснение того, что мы называем возмездием за грехи. Не Бог дает нам наказание, это нашей злобностью, нашими недобрыми мыслями мы привлекаем к себе такую же злобность, такие же злобные мысли других. Зло, которое мы совершаем, приносит нам такое же зло от других. Немного доброты в нас привлекает к нам доброту. Добрый человек встречает добро везде, куда бы ни пришел, даже среди жестокости. Самое малое проявление благородства с нашей стороны привлекает к нам благородство благородных. Повторяя имя Бога, внушая своей душе доброту, милосердие и бесконечную доброту Бога, мы создаем эти качества в своей душе и притягиваем к себе это милосердие, эту доброту, это великодушие, в какой бы форме и под каким бы именем они к нам ни пришли.

Кроме закона притяжения подобного к подобному существует и закон притяжения противоположностей. В природе есть две великие силы: созидательная и та, что отвечает ей, – воспринимающая. Их можно также назвать активной и пассивной силами, – джелал и джемал.

Это можно понять посредством закона ритма. В любом ритме есть сильная и слабая доли. В размере две четверти, например, мы считаем: раз-два, раз-два – сильная доля и доля, которой хватает лишь на то, чтобы уравновесить первую. В очертаниях форм мы видим то же самое: выпуклости и вогнутости уравновешивают друг друга.

В живой природе эти две силы представлены мужским и женским началами. Хотя в каждом мужчине есть мужские и женские качества и в каждой женщине некоторые качества – женские,

⁴ Английское слово "twin" означает одновременно и "близнец", и "соединять".

а некоторые – мужские, однако везде есть сила, созидательная энергия, которая правит, – и откликающаяся энергия, которой управляют. Мужчина обладает созидательной энергией, а когда мы рассматриваем женщину, мы видим, что во всех аспектах жизни она отзывчива. Иногда бывает, что в женщине оказывается так много созидательной энергии, что мужчина становится отзывчивым, и это делает его ее рабом, но обычно именно мужчина обладает этой энергией, из-за чего доминирует над женщиной.

Кто-то может посчитать это несправедливым, но, как бы то ни было, именно мужчина, имеющий гораздо больше магнетических качеств, призван управлять, тогда как женщина, которая имеет качество отзывчивости, должна быть управляема. Это философский аспект вопроса; что касается морального аспекта, то нетрудно понять, что тот, кто откликается и подчиняется, требует намного больше заботы и создающая сила должна относиться к подчиняющемуся началу гораздо более внимательно. Пока жизни женщины не будет уделено больше внимания, мы не можем сказать, что мы действительно цивилизованы. Что касается социального аспекта, то на Западе я отовсюду слышал множество жалоб; но и Восток должен очень многому научиться в обращении с женщиной.

Мы знаем, что уши воспринимают звук; они не создают. Глаза созидательны. Нос улавливает запах; он не способен создавать. Губы и рот творят. Они притягиваются друг к другу. Когда уши слышат звук, глаза тотчас стремятся выяснить, что это и откуда звук доносится. Нос может рассказать нам о запахе чего-либо гораздо скорее и точнее, чем органы вкуса. Нос стремится сразу же вмешаться в то, чем занят рот. Он говорит: "Не жуй этого больше; я не хочу". Или же: "Отдай этому должное. Это мне нравится". Мы также замечаем, что, когда правая рука берет что-либо, левая стремится помочь ей; когда правая нога делает шаг, левая спешит догнать ее; когда мы сгибаем одну руку и прижимаем к груди, вторая хочет сплестись с нею. Одна нога стремится скреститься с другой. В Индии существует поверье, что скрещивать ноги во сне – дурная примета, и, хотя все знают об этом, трудно отказаться от этой привычки, потому что она естественна.

Часто человек предпочитает общаться со своей противоположностью, а не с тем, кто ближе ему по уровню. Когда встречаются двое, близкие по силе, они редко гармонируют. Изучавшие дыхание легко поймут это. Они знают, что есть более активное дыхание и менее активное, а если оба станут активными в равной степени, они вступят в конфликт. Великий певец и человек, делающий первые шаги в пении, легко найдут общий язык, так как между ними не может быть состязания. Один хочет, чтобы его слушали, а второй – нет. Но если встретятся два великих оперных певца, едва ли они смогут договориться; между ними возникнет соревнование.

Мудрый человек предпочтет иметь скорее глупого слугу, чем умного наполовину, обсуждающего его приказы. Вспомним историю о слуге, которого хозяин послал за доктором, а тот сперва пошел к гробовщику. Если мудрый человек не может быть среди мудрых, он скорее предпочтет общаться с глупцами, чем с мудрыми наполовину.

Я часто видел, как люди, обладающие лишь простой верой, вдохновлялись и просветлялись, тогда как интеллектуалы без конца рассуждали и не делали ни одного шага. Из-за этого ученые и мистики не могут достичь между собой гармонии. Ученые всегда говорят: "Ты знаешь что-то, но и я знаю что-то. Ты представляешь из себя что-то, но и я тоже".

Иногда случается, что с первого взгляда люди испытывают взаимную антипатию, но со временем их отношения превращаются в крепкую дружбу; это случается не так уж часто. Те, кому суждено сдружиться, обычно становятся друзьями с первого взгляда. Что касается предшествующего случая, то могло произойти так, что нечто сначала произвело отталкивающее впечатление, но через какое-то время, когда восприятие стало привычным, люди смогли воспринимать это с большей легкостью; затем они могут найти друг в друге нечто интересное и даже подружиться. Это подобно привыканию к яду.

Всегда будут существовать такие сообщества, такие группы, которые нам нравятся, и всегда будут те, что нам не нравятся; так же и мы будем желанными гостями в одних группах и нежелательными в других; ведь мы всегда предпочитаем наш собственный элемент. Здесь нечему удивляться и нечего хулить, ибо это просто действие закона притяжения. Но суфий

приводит себя в гармонию со всем; он делает себя элементом всего. Он творит элемент, который активен внутри, и этот элемент – любовь. Мы читаем об этом в Библии, где сказано, что Бог есть любовь. Это единственный путь, ведущий к объединению человечества, ко всеобщему братству. Различия и разграничения внешни, однако человек от начала времен настолько привык замечать их, что не видит единства, находящегося за всем.

Многие полагают, что мир можно объединить с помощью строгого правления. Какая ошибка! Что происходит, когда мы пытаемся твердой рукой управлять жизнью нашей семьи? В ней никогда не будет единства. Лишь любовь может объединить мир.

Люди говорят: "Мы принадлежим к такой-то расе, мы выше, а вы – ниже; наша религия выше, а ваша – ниже; наша нация величественна, а ваша – нет". Причина первой мировой войны состоит в том, что все нации Европы достигли сходного уровня. Если одна из них производила хороший самолет или замечательную подводную лодку, другая делала еще более совершенную. Одна была сильна, но другая стремилась стать еще сильнее.

ПАРЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В религиозной терминологии часто используются пары противоположностей: Бог и дьявол, рай и ад, грех и добродетель. Человек приобретает первые знания, знакомясь с парами противоположностей, и не так-то просто в одно мгновение подняться над уровнем, где он сможет понимать жизнь без них. С одной стороны, эта идея неверна, так как неправильно считать, что всемогущему Богу противостоит другая личность, противоположная сила, называемая дьяволом. Но, с другой стороны, Бог для верующего означает лишь добро и красоту; мысль, что Бог включает в себя все, в том числе плохое и злое, приведет его в смущение. Поклоняющийся человек, стремящийся как можно выше поднять идеал Бога поклонением и молитвой, будет сбит с толку, если показать ему, что все то, что он привык считать дурным и безобразным, тоже часть Бога.

Как бы то ни было, это представление принижает Бога, ограничивая Его и производя силу, если не равную Его силе, то, по крайней мере, противоположную Богу. Но какими бы средствами ни приходилось мудрецам руководить человечеством, – с помощью ли этого ограниченного представления о Боге, с противопоставляемой Ему другой силой – Сатаной, или учения о Боге всемогущем, – их мудрость всегда помогала им более совершенно понимать жизнь. Определенно, когда мы представляем силу для неправды или зла, мы изображаем ее как личность и, называя ее дьявольской, мы ограничиваем силу Единого, которого мы всегда называем Всемогущим. Однако это дает легче постигаемую и осязаемую картину, чтобы делать различие между Богом добра и князем зла. Не мы первые сравнили и противопоставили одно другому; нам не пришлось ничего изобретать, потому что сама жизнь сделала это для нас. И если мы не станем выбирать между двумя, если сразу пройдем туда, где царствует идея единства, мы потеряем что-то очень существенное в жизни. Только выбрав одно из двух, мы можем прийти к идее единства, которая возвысит нас над всем этим. Например, человек, который заявляет, что не желает смотреть на чужие проступки, и на все закрывает глаза, многого лишается. Но человек, который все видел и сумел над этим подняться, – такой человек заслужил право отратить свой взгляд от того, что является злом.

Смысл нашей жизни на земле заключается в том, чтобы видеть все различия и особенности, но не давать им подавить себя, потому что такой путь привел бы нас вниз. Мы должны идти вверх, поднимаясь над различиями и в то же время познавая их. Представим человека, который мог бы сказать: "Я никогда ни секунды не думал о тех, кто делал мне добро, и ни секунды не тревожился по поводу зла, которое мне кто-либо причинил. Я имел эту единственную справедливую идею и всегда следовал ей". Такой человек может быть продвинут, может быть духовным и набожным, но многое в жизни прошло мимо него. А тот, кто принимал все добро, приходящее к нему, с глубокой благодарностью и чувствовал ее и в то же самое время причиненное ему зло чувствовал, но прощал, он тот, кто видел мир и кто пойдет за его пределы.

Небеса и ад, эти два места были изобретены для нашего понимания; первое – там, где человек возвышен, где он счастлив и вознагражден; второе – там, где он наказан. Это мы в силах понять. И все же где мы испытываем все несчастья, горечь и неудобства и где мы испытываем все удовольствие, счастье и радость? Где же еще, как не на этой вот земле, под этим самым солнцем! Нам рассказали об этих двух различных местах, потому что мы способны видеть их как два различных места; мудрецы на всех этапах развития человеческой цивилизации ничего другого не могли сделать, кроме как придать тонким и сложным идеям максимально приближенную к человеческому восприятию форму. Например, если бы кто-нибудь сказал, что мир мысли и мир действия различны, это было бы правдой; в то же время оба они принадлежат тому миру, где мы живем. Дело не в том, как мы об этом говорим, но и также, как мы на это смотрим.

В "Гайян" есть выражение: "Я бы согласился на рай или на ад, но только не на чистилище". Это метафизическое выражение, но в то же самое время в нем можно найти и философскую истину: жизнь означает боль или удовольствие, а то, что является отсутствием боли или удовольствия, – смерть. Эта идея выражена во всех писаниях. Рай и ад означают либо удовольствие, либо боль; то, что лишено боли и удовольствия, не может в обычном смысле этого слова называться жизнью.

Именно понимание всех вещей с разных точек зрения, даже если человек отказывается верить в них или верит в них слепо, озаряет человека.

Можно ли повернуть свой ум и свои жизненные обстоятельства от ада к раю и наоборот? Для этого надо видеть различие между ними и одновременно их тождество.

Так мы подходим к проблеме греха и добродетели. Можно утверждать, что добродетель и грех есть стандарты добра и зла, выработанные религиозными учителями и призванные сохранять порядок в мире, тогда как разрушение этого порядка ведет к упадку религии, сопровождающемуся войнами, голодом и бедствиями. Время от времени в мир являются посланники, поддерживающие этот порядок, и для каждой части земли назначаются духовные блюстители. Во все века люди считали, что какая-то особая вещь является грехом, а другая – добродетелью. И всякий раз, когда мудрецы определяли, что есть что, они были правы, но судили они по-разному. Происходило это потому, что чем больше света проливается на эту тему, хотя и сохраняется способность смотреть на грех в свете греха, а на добродетель в свете добродетели, и тем чаще мы видим, что под покровом добродетели был грех, а под покровом греха – добродетель.

Поскольку разные расы, нации и религии имеют собственные стандарты добра и зла и представления о грехе и добродетели, оказывается трудно различить общий закон, управляющий этими противоположностями. Однако вопрос можно прояснить, если мы поймем закон вибраций. Предметы и живые существа кажутся разделенными на поверхности существования, но под поверхностью на каждом плане они все более сближаются, пока наконец на самом последнем и потаенном плане не сливаются в одно. Каждое нарушение покоя на поверхности малейшей части существования внутренне поражает целое. Поэтому каждая мысль, слово или действие, нарушающие мир, являются неправдой, злом и грехом, а те, что восстанавливают мир, – правдой, добром или добродетелью. Жизнь подобна куполу, ее природа также куполообразна. Беспокойство малейшей части жизни беспокоит все и возвращается как проклятие на того, кто это беспокойство причинил, а любой покой, производимый на поверхности, утешает целое и возвращается к своему источнику в виде покоя. Эта философия подчеркивает идею воздаяния за добрые дела и наказания за плохие, которое совершают высшие силы.

Когда люди привели к Христу грешницу, Учитель не мог сделать ничего другого, кроме как простить ее. Он не видел в согрешившем человеке того, что видели в нем другие. Различение между добром и злом – непосильная для обычного ума задача, однако парадокс состоит в том, что, чем невежественнее человек, тем охотнее он судит. Очень часто тот угол зрения, с которого мы смотрим на вещь, делает последнюю плохой или хорошей, так что, если бы мы могли взглянуть на нее с различных углов зрения, то вещь, которую мы называли неправильной, мы должны были бы назвать правильной. Ни один из людей, говорящих, будто

судят по результатам, не может быть уверен в том, что в наказании не было награды, а в награде – наказания.

Это показывает нам, что жизнь является головоломкой двойственности. Идея противоположностей держит нас в иллюзии. Видя, что это является природой и характером жизни, суфий говорит, что не так-то важно различать противоположности, а вот то, что наиболее важно – это признавать, что за всем спрятан Единый. Естественно, когда он приходит к пониманию этого, суфий восходит по той лестнице, которая поднимает его к единству, к идее единства, приходящей из синтеза жизни и лицезрения Единого во всех вещах и всех существах. Можно считать, что мир и человечество всегда совершенствовались, или что они достигают пика развития и потом все начинается снова, или что мир движется по кругу, или имеет еще какие-нибудь воззрения; но все мудрецы, когда бы они ни рождались, всегда верили в одну и ту же вещь: что за всей жизнью есть единство, и их мудрость лежит в понимании этого единства. Когда человек прозревает дух единства и видит за всеми вещами единство, то меняются его точка зрения и его отношение к вещам. Больше он не говорит другу: "Я люблю тебя, потому что ты мой друг", – он говорит: "Я люблю тебя, потому что ты и есть я". Он говорит так, как сказал бы мистик: "Неважно, ты ли совершил ошибку или я совершил ошибку. Важно исправлять неправильное".

Кажется, что некоторые люди совершенно счастливы, совершая грех, но грех не может никого сделать по-настоящему счастливым. Если даже в нем и было короткое удовольствие, то потом оно аукнется, а эхо фальшивой ноты никогда не доставит удовольствия хорошему слуху. Если человек действительно счастлив в грехе, можно быть уверенным, что это была его подлинная добродетель, а значит, только для нас, и с нашей точки зрения, его действия кажутся грешными. Поэтому суфий следует своей дорогой и не судит остальных. Если между добром и злом, добродетелью и грехом существует лишь относительная разница, почему тогда должно быть наказание за грехи и награда за добродетели? Последствия добра сами по себе уже есть награда, а последствия зла – наказание, но из-за нашей ограниченной точки зрения мы приписываем эти последствия сторонней силе, божественному идеалу.

Несчастья и страдания человечества исходят не от добра, но добро исходит от жестокости и страдания. Если бы не было жестокости и страдания, не было бы зла, то мы бы никогда не узнали, что значит правда и добро. Именно представление о существовании двух полюсов наделяет нас способностью различать эти два качества. Познав лишь одно, мы бы назвали его добром или злом и оно осталось бы одним. Называя одно двумя разными именами, мы помогаем себе видеть различия между ними.

Возможно, кто-то заинтересуется, действительно ли души могут убить свою духовность дурными поступками и дурной жизнью и погибнуть? Нет, это не так. Злые дела лишь укрывают души облаками невежества, которые причиняют неудобства. Душа не предназначена для гибели.

Многие проклинают Бога за то, что он послал им несчастья, но несчастье – обязательная часть жизненного опыта. Кто-то озлится и скажет: "Это несправедливо", – или: "Это неправильно, разве мог справедливый и добрый Господь позволить произойти несправедливости?" Но наша точка зрения очень ограничена, наше понимание хорошего и дурного, добра и зла – всего лишь наше собственное представление, не согласованное с замыслом Бога. Конечно, пока мы воспринимаем это так, это остается правдой для нас и тех, кто стоит на наших позициях; но, когда мы приходим к Богу, все измерения меняются, меняется и точка зрения.

Вот почему мудрецы всех эпох вместо того, чтобы судить действия Бога, так сказать, до поры до времени откладывали в сторону свое чувство справедливости; они старались научиться лишь одному – смирению перед волей Бога. Таким образом они достигали уровня, на котором могли воспринимать вещи с точки зрения Бога. Но когда они пытались изложить эту точку зрения миру, мир объявлял их безумными. Поэтому они называли себя муни, что значит "хранящие молчание".

Люди часто спрашивают, почему те, кто поступают несправедливо и творят злые дела, добиваются успеха, тогда как другие, поступающие правильно, не добиваются успеха. Но это

не правило. Правило состоит в том, что преуспевший на пути зла сможет добиваться успеха лишь на пути зла; поступив правильно, он потерпит поражение. А тот, кто преуспел на пути добра, будет всегда успешен, делая добро; он потерпит поражение, если попытается поступить плохо. Более того, для идущего вверх и добро и зло станут ступенями восхождения, а для идущего вниз и добро и зло станут ступенями нисхождения. Нет в мире человека, который мог бы сказать: "Я безошибочен", но это не значит, что он не предназначен достичь этой цели.

Большая жалость, если человек совершает праведные и добрые поступки только потому, что хочет развиваться или стать духовным. Что такое, в конце концов, добро? Это слишком малая цена за духовность. Человек, зависящий от своей доброты в достижении духовности, может прождать тысячу лет. Это то же самое, что собирать песчинки по одной, надеясь сложить из них гору, чтобы взойти на небеса. Если человек совершает добро не из любви к добру, если он поступает праведно не из любви к справедливости, не для собственного удовлетворения, то нет добродетели в делании добра. Быть духовным означает стать ничем; стать добрым означает стать чем-то. А быть чем-то подобно тому, как быть ничем, тогда как быть ничем все равно что быть всем. Притязания на духовность препятствуют естественному совершенству; самоотречение – возвращение в райский сад.

Не следует опасаться, что стремящийся к самоотверженности человек станет жертвой всех жизненных обстоятельств, – вовсе нет, ведь сила и мудрость коренятся в совершенстве. Отсутствие совершенства – это трагедия жизни. Человек, замкнутый на себе, – тяжкая ноша даже для земли. Земля легко несет горы на своей спине, но эгоистический человек намного тяжелее. А что в итоге? Даже собственная душа не в силах выносить его больше, вот почему так часто случаются самоубийства. Покончить с собой означает разорвать две вещи, которые соединены друг с другом. Это насильственное разделение того, что должно быть соединено. Это проект природы, который должен быть выполнен, а разделение целого на две части лишает его возможности выполнить план, задуманный природой. Но притязания нашего "я" стали настолько тяжелы для души, что та захотела избавиться от него. Это имел в виду Иисус Христос, говоря: "Блаженны нищие духом". Что обозначает выражение "нищие духом"? Оно подразумевает эго, от которого отреклись.

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ

Фраза из Библии: "Не противься злу" часто вызывает удивление и не всегда правильно истолковывается. Чтобы понять ее, сначала надо определить, что такое зло. Есть ли такие конкретные поступки или вещи, на которые можно указать как на зло? Без сомнения, люди неоднократно пытались сделать это, но ничто не может быть злом в соответствии с фиксированным принципом. Тогда что же это такое? Это нечто лишнее гармонии, чему не хватает любви и красоты, и, кроме того, это то, что не вмещается в нашу жизнь. То, что приходит в согласие с условиями, которые предоставляет жизнь, не может быть злом.

Зло можно уподобить огню. Природа огня заключается в разрушении всего, что лежит на пути, но хотя сила зла так же огромна, как и сила огня, зло все-таки слабо – так же, как слаб огонь. Как огонь не может долго продержаться, так и зло не долговечно. Как огонь уничтожает сам себя, так и зло становится своим собственным разрушителем. Почему сказано: "Не противься злу"? Потому что сопротивление дает жизнь злу; непротивление позволяет ему выгореть дотла. Зло видят в формах гнева, страсти, жадности, а также упрямства, гнева или предательства, но корень зла всегда один – эгоизм. В одном человеке зло возможно и проявлено на поверхности, а в другом – запрятано в глубинах сердца.

На Востоке есть поговорка: "Не произноси имя сатаны, а не то он выскочит из своей могилы". Неосмотрительные или бездумные люди очень часто впадают в ошибку, пробуждая спящего дьявола, потому что не знают музыки жизни. Чтобы научиться жить в мире, надо стать музыкантом жизни. Каждый человек в мире – это нота; человек, воспринимающий мир таким образом, получает в руки музыкальный инструмент. Весь мир становится оркестром, призванным сыграть симфонию.

Даже в мелочах можно заметить влияние того же закона. Часто самые тяжелые проблемы в жизни возникают не из-за трудностей, созданных другими, а из-за неспособности самого человека понимать человеческую натуру. Для того, кто понял человеческую натуру, становится ясно, что первый и последний урок, который надо усвоить в жизни, – это не сопротивляться злу. Ведь сопротивление становится топливом для огня. Говоря другому: "Не делай этого", или спрашивая его: "Почему ты делаешь это?", коря его: "Ты должен делать так-то и так-то", мы делаем зло только сильнее, лишь крепче привязываем человека к ошибке.

Каждый в этом мире может быть кем-то вроде учителя, но не учителем в подлинном смысле, потому что настоящий учитель это тот, кто всегда учит сам себя; и чем больше он учит себя, тем яснее осознает, что в мире надо еще стольким вещам выучиться, что всей жизни не хватит на это. Чем больше человек учится, тем меньше зла он видит в других. Это не значит, что в других зла больше или меньше, – это значит, что такой человек осознает: враг, которого он привык видеть в других, в действительности находится в нем самом. Худший враг, с которым доводилось сталкиваться в жизни, обнаруживается в собственном сердце. Это вызывает чувство унижения, но это и правдивый урок: ищи в себе тот элемент, которому ты сопротивляешься в другом человеке.

Жизнь – это место, где необходимо двигаться нежно. В мыслях, речи или действиях надо держать под контролем ритм; во всем, что делаешь, необходимо соблюдать закон гармонии. Даже если идешь босиком по колючкам, не избежишь обвинений: колючки обвинят тебя в том, что ты топчешься по ним. Если жизнь в мире – такая тонкая вещь, может ли кто-нибудь сказать, что обрел достаточную мудрость? И может ли кто-нибудь надеяться прожить в мире, не задумываясь над этой проблемой?

Меня однажды спросили, каким образом глава корпорации или учреждения может следовать правилу непротивления злу. Я ответил, что видел возглавляющих заводы людей, которые завоевали сердце каждого работающего там, тогда как там были и другие руководители, которых все ненавидели. Возможно, последние приносили больше прибыли, чем первые, хотя в конечном итоге все равно обнаружилось бы, что доходы первых были более надежны и постоянны. Пути мудрости и нежности нельзя описать в форме четких правил, которым люди должны следовать. Кисть не сможет занять место ножа, и поэтому каждый из нас должен использовать любой метод в соответствии с обстоятельствами. Однако за всем должна стоять мысль о непротивлении злу.

Проблема зла велика. Многие не желают даже слышать о ней, хотя сталкиваются с ней каждую минуту жизни, а оставив проблему нерешенной, горю не помочь. Любой готов судить, замечать или наблюдать зло в другом, не задумываясь о том, что подчас поверхность вещи отличается от ее глубины. Хотя, возможно, то, что кажется злом, таит добро в глубине, а то, что кажется добром, содержит искры зла. И по какому стандарту мы можем узнать зло и добро, и кто может судить о добре и зле в другом человеке? Если о чем и можно судить, так только о собственном добре и зле. Никто кроме Бога не имеет власти судить другого. Чувство справедливости дано человеку только для того, чтобы он мог судить свои собственные поступки; именно для этой цели ему и было дано это чувство.

Если мы посмотрим на жизнь, то увидим, что она есть не что иное, как борьба – индивидуальная и коллективная. Похоже, что если в жизни и есть что-нибудь другое кроме борьбы, то это лишь способность дарить и получать доброту и любовь и совершать бескорыстные поступки. Как бы ни был человек опытен в разных вопросах жизни, его опыт достигает только определенной точки и он не может пойти дальше. А что ему действительно требуется, так это понимание жизни, понимание закона, который работает за всем этим. Только это знание способно уменьшить непрерывную борьбу человека, потому что заставит его меньше сопротивляться. Оно сделает его более терпимым к естественному состоянию людей. Как только человек понимает, что не должен требовать от другого невозможного, он становится терпимым.

Трудность заключается в том, что любой из нас требует от другого больше понимания, разумности, доброты и любви, чем от себя самого. Человек хочет от другого большей справедливости и чистоты, чем сам готов дать; и его стандарты могут быть такими высокими,

что другой человек оказывается не в состоянии дотянуться до них, отчего чувствует себя разочарованным. Вот что обычно случается: человек, столкнувшийся с несправедливостью, хранит молчание, он сопротивляется, и таким образом жизненная борьба продолжается. Человек не должен ожидать, что сливовое дерево принесет розы или розовый куст произведет жасмин. Все люди – как растения, но не одинаковые. Мы можем любить розы, но не каждое растение приносит розы; если нам нужны розы, давайте искать их лишь на том растении, на котором они растут; если же то, что мы нашли, не окажется розовым кустом, мы не должны разочаровываться. Таким образом мы исправим наш самообман.

Когда люди говорят, что кто-то плох, в действительности это означает, что поверхность стала плохой. Глубина не может быть плохой, каким бы скверным ни казался человек. Ведь жизнь как таковая есть добро, и человек, состоящий из одного только зла, просто не мог бы жить. Сам факт того, что он жив, доказывает, что в нем есть проблески доброты. Кроме того, многообразие типов людей так же бесконечно, как и многообразие вещей: некоторые кажутся внешне жесткими, являясь нежными в душе; некоторые по видимости мягки, а внутри жестки; одни очень добры в глубине, но злы на поверхности; другие злы на поверхности, но добры в глубине. Чем больше разнообразия в мире, тем более разнообразны души.

Какое воспитание, какая точка зрения, какое отношение к жизни являются наилучшими и дают наибольшее счастье? Это такая позиция, при которой не замечаешь зло, вместо того чтобы оказывать ему сопротивление. Есть три способа прожить жизнь, и каждый можно сравнить с борьбой пловца в море, чьи волны все время падают и поднимаются. Один будет бороться, покуда позволит его жизнь; но подъем и падение волн в море будет продолжаться и продолжаться, и в конце концов он утонет. Так же и с человеком. Он борется, опьяненный борьбой, продолжая до тех пор, пока не иссякнет энергия. В этой борьбе он может казаться сильным, может представляться побеждающим других, может казаться имеющим больше вещей, чем другие, но каков будет итог? В конце он утонет. Но есть другой человек, знающий, как плавно двигаться в воде, он понимает ритм движения рук и ног; он плывет в согласии со взлетом и падением волны. Он не борется. Такой человек может надеяться доплыть до порта, если тот близко. Если его идеал не слишком отдален, тогда он выполнит это. Третий же человек – это тот, кто ходит по волнам. Именно в этом смысл хождения Христа по воде.

Жизнь подобна непрерывному движению волн. Тот, кто позволяет ей тревожить себя, будет раздражаться и беспокоиться все больше с каждым днем; тот, кто не обращает на нее внимания, всегда будет спокоен и безмятежен. Тот, кто видит все и все-таки возвышается над этим, идет по волнам. Никто не в состоянии в одно мгновение достичь высшей мудрости, высшего понимания жизни; весь век человеческий может оказаться слишком коротким для этого. И все же нужна надежда, потому что тот, кто надеется и видит возможности, восходит на вершину, тогда как утративший надежду не имеет ног, чтобы взойти на гору мудрости, вершина которой и есть желанная цель.

ОСУЖДЕНИЕ

Человек, как правило, всегда готов без всякой сдержанности судить других и мгновенно высказывать свое мнение. Он никогда не остановится и не подумает, достиг ли он сам того же уровня, что и тот, кого он судит, имеет ли он какое-либо право судить его. Иисус Христос сказал об осуждении, что только тот, кто сам без греха, пусть бросит первый камень; этим он преподал великий урок.

Для суфия, который видит в каждой форме божественную форму и в каждом сердце – божественную святыню, невозможно судить кого бы то ни было, независимо от его положения, поступков и обстоятельств, потому что все это вместе против его веры; в этом направлении суфий развивает философию, к которой пришел сначала путем размышлений.

Воздержание от осуждения других это, в принципе, вопрос самоконтроля, вежливости, доброты, симпатии и снисходительности; вопрос почтительного отношения к Богу, Творцу всех живых существ, и осознания того, что все они – плохие и хорошие – являются Его детьми. Если

чей-нибудь ребенок окажется неказист на вид, разве вежливо будет сказать при родителях: "Этот ребенок некрасив"?

Бог – Отец и Мать всех существ – всегда здесь, знающий и понимающий, что происходит в сердце каждого человека. Он видит все наши ошибки и заслуги еще до того, как мы их совершаем, и когда мы с такой готовностью судим кого-то, то делаем это на глазах Художника, создавшего все, а не за Его спиной; это происходит в Его присутствии. Если мы осознали это, нетрудно будет почувствовать личность Бога везде.

Приходит время, когда после постоянной практики не-осуждения мы начинаем видеть причины, что стоят за каждым проступком любого из тех, кого встречаем. Тогда мы становимся более терпимыми и более прощающими. Когда больной пристаёт к нам со вздохами и жалобами, то это сперва раздражает нас. Мы говорим, что это плохо, докучно, что такое поведение свидетельствует о его плохом характере. Но понимание причин, стоящих за этим, что это не его плохая природа, а его болезнь, делает нас более терпимыми; если же мы не видим причин, то мы не только жестоки с этим человеком, но и слепы к свету Бога, слепы к прощению – к этой драгоценной сущности Бога, которую можно найти в сердце человека.

Различие, что существует между справедливостью Бога и человеческим понятием справедливости, можно пояснить на следующем примере. Когда дети дерутся из-за игрушки, у каждого есть на то своя причина. Один находит эту игрушку самой желанной, так почему бы ему не завладеть ею? Другой говорит, что игрушку подарили ему, так почему бы ему не взять ее? Оба приводят свои доводы и оба правы. Но отец рассуждает по-другому; отец знает характер каждого ребенка и понимает, что он хотел бы воспитать в каждом из двух детей. Вот почему он дает детям игрушки, чтобы привнести нечто в их природу. Ребенок не знает этого, и если он уже не совсем младенец, обвинит отца в пренебрежении его желаниями. Он не понимает справедливости отца; ему надо дорасти до определенного уровня, чтобы понять ее. Так же дело обстоит и со справедливостью Бога и человека. Человеческая справедливость ограничена преобладающими идеями желаемого и нежелательного и его знаниями, которые не идут ни в какое сравнение со знанием Бога.

Единственный способ уловить отблеск божественной справедливости – постоянно верить в правосудие Бога, невзирая на все доказательства, будто бы опровергающие Его справедливость. Руководствуясь последними, можно прийти к выводу, что никакой справедливости нет вовсе, что все происходит механически. Представления о карме и о циклах перерождений могут показаться удовлетворительными, однако в действительности они тоже имеют источником Бога, стоящего за всем. Бог не был бы всемогущим, если бы каждое живое существо обладало могуществом, достаточным для выработки своей индивидуальной кармы. И если бы даже все работало механически, все равно должен быть инженер – и может ли он быть подвержен действию своей машины? Если Бог ограничен, то он больше не может быть Богом. Бог совершен в Своей справедливости, Своей мудрости, Своей власти. Однако, обсуждая причины всех тех событий, которые не кажутся нам справедливыми, мы приходим к другому вопросу: может ли композитор дать полное объяснение каждой ноты своего сочинения? Нет. Он может лишь сказать: "Нечто подобное потоку прошло через мое сердце. Я пытался придерживаться правил композиции, но не ломал голову над каждой нотой. Я заботился только о впечатлении от целого".

Есть закон, но есть еще и любовь; закон – это привычка, а любовь – само бытие; закон был создан, а любовь не была создана, она существовала всегда. Поэтому любовь выше закона, так же, как Бог выше закона, так и любовь над законом. Поэтому если мы все-таки отыщем ответ на вечный вопрос, почему это так, то не через изучение закона. Изучение закона способно только разжечь аппетит; оно никогда не даст удовлетворения. Единственный способ обрести удовлетворение и покой – нырнуть в океан любви, и тогда станет очевидно, что в мире нет ничего несправедливого; никогда больше мы ничего не назовем несправедливым. Этого уровня достигают мудрецы. Они называют его зенитом мудрости.

Есть выражение, что Бог чаще прощает, чем осуждает, но откуда мы можем знать, что Бог прощает? Прежде всего, справедливость была рождена, а любовь никогда не была рождена; она всегда была и всегда будет. Справедливость родилась из определенного человеческого качества

– честности; по мере своего развития справедливость начинает искать равномерности, а все, что не равно, ее не устраивает. Для развития этого чувства мы нуждаемся во вдохновляющем воздействии всего, что существовало прежде; справедливость есть результат усвоения всего, что мы видели. Не такова любовь – она спонтанна и существует всегда. В Библии сказано, что Бог есть любовь; поэтому если справедливость – это природа Бога, то любовь – сама Его суть. Он прощает, потому что Он и есть само прощение. Он судит, потому что это в Его природе – судить.

Справедливость проистекает из разумности Бога, а проявления Его разумности в этом мире иллюзий ограничены. Когда мы судим об ограниченных вещах, наш разум тоже становится ограниченным; мы так же ограничены, как и вещи у нас перед глазами. Чем величественнее объект, тем величественнее становится наше видение.

Нам по силам лишь один подлинно справедливый поступок – сказать: "Я не должен этого делать". Если же мы скажем это другому, мы, возможно, совершим большую ошибку. Мистик развивает свой ум в этом направлении, очищая его посредством чистых мыслей, чувств и действий, свободных от чувства разделенности, и всегда думая в этом направлении. Какой бы ни была разница в принципах правильного и неправильного, показываемая нам другими религиями, на свете нет двух человек, отличающихся в этом естественном принципе: каждая душа взыскует красоты, и любая добродетель, праведность, любое доброе деяние есть не что иное, как проблеск красоты.

Когда однажды суфий сделает эту мораль своей собственной, ему больше не нужно будет следовать определенному верованию или вероисповеданию, ограничивая себя каким-то одним путем. Он может следовать по пути индуизма, по пути ислама или по пути любой другой церкви или веры, ни на миг не сходя с того царственного пути, где вся вселенная есть не что иное, как имманентная красота. Мы рождаемся со стремлением наслаждаться ею в любой форме, и не следует ослеплять себя зависимостью от одной определенной линии красоты.

Прощение никогда не судит; это просто чувство любви, и поэтому если один человек простил другого, то независимо от проступка оба чувствуют счастье и радость. Справедливость не дарит такой радости. Тот, кто слишком часто судит, несчастлив сам и делает того, кого он судит, тоже несчастным. Тот, кто прощает, счастлив; в его сердце нет недовольства; он делает свое сердце чистым и свободным. Величайший атрибут Бога – прощение.

Человек склонен обвинять Бога в том, что многое сделано неправильно; часто только из уважения или почтения человек молчит, но если бы он чувствовал себя свободно, то высказал бы тысячи обвинений. Никого не судят так часто и не обвиняют в стольких грехах, как Бога. Причина этого в том, что судит-то наше ограниченное "я", хотя оно совершенно неспособно к пониманию.

ПРИВИЛЕГИЯ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Человечество настолько поглощено житейскими радостями и печалью, что даже не задумывается, какая это привилегия – быть человеком. Жизнь в мире, без сомнения, дает больше боли, чем удовольствия; а то, что считается удовольствием, стоит так дорого, что, будучи взвешено с болью, которую пришлось за него заплатить, оно тоже превращается в боль, и пока человек поглощен мирской жизнью, он не видит в ней ничего кроме боли и повода для жалоб. Поэтому пока его кругозор не изменится, он не сможет понять привилегию быть человеком.

Однако, каким бы несчастным он не был в жизни, если спросить человека, кем бы он предпочел быть – скалой или человеком, он ответит, что лучше страдать и быть человеком, чем быть скалой. Какими бы ни были обстоятельства его жизни, если спросить человека, кем бы он предпочел быть – деревом или человеком, он выберет второе. И хотя жизнь животных и птиц в вольном лесу свободна от забот и хлопот, но, если спросить человека – предпочел бы он быть одним из них и жить в лесу, он, конечно, предпочтет остаться человеком. Это доказывает, что, когда человеческая жизнь сравнивается со всеми другими аспектами жизни, ее привилегии и

достоинства становятся очевидными; но, если ее не сравнивают с другими формами жизни, человек испытывает одну лишь досаду и его глаза на привилегию быть человеком.

Кроме того, человек – самый большой эгоист и интересуется лишь тем, что касается его собственной жизни; не зная трудностей в жизни других, он чувствует бремя своей жизни большим, чем бремя всего мира. Если бы только человек в своем несчастье смог осознать, что есть и другие страдающие, быть может, даже больше его самого; если бы он понял среди своих проблем, что есть и другие, чьи трудности, быть может, еще значительно больше его собственных! Самосожаление – худшее из несчастий. Оно переполняет человека, и он не видит ничего кроме своих проблем и болей; и тогда ему кажется, что он самый несчастный, несчастнее всех в мире.

Подчас мы находим удовлетворение в самосожалении. Причина этого лежит в присутствии нам от природы стремлении искать удовлетворения в любви, но, когда мы прикованы мыслями лишь к себе, мы начинаем любить самих себя, и тогда самосожаление растет, поскольку мы чувствуем свою ограниченность. Но любовь к себе всегда заканчивается неудовлетворенностью, потому что "я" не было создано для того, чтобы быть любимым; оно было создано, чтобы любить. Первое условие любви – забыть о себе. Нельзя любить кого-то другого и себя одновременно, и, если человек говорит: "Ты дай мне то, а я в ответ дам тебе это", – это странная любовь, больше похожая на торговлю.

Эго человека – ложное эго, Эго Бога – истинное Эго. Но что такое эго? Эго есть часть линии: один ее конец – это Эго Бога, а другой – эго человека, причем последнее ложно из-за того, что человек окутал его иллюзиями, называя это своим "я". Поэтому, как только это эго оказывается разрушено любовью, мудростью или медитацией, рассеиваются окутывающие его облака и подлинное Эго – Эго Бога – проявляет себя.

Сзади так описал один эпизод своей жизни: "Однажды, не имея туфель, я вынужден был идти босиком по горячему песку и я думал – какой я несчастный; но тут я встретил увечного, которому каждый шаг давался с трудом. Я низко поклонился небесам и вознес благодарность за то, что был настолько счастливее его, не имевшего даже ног, чтобы ходить на них". Это показывает нам, что не обстоятельства жизни, а отношение человека к ним делают его счастливым или несчастным, и это отношение может быть таким разным, что один будет чувствовать себя несчастным и во дворце, а второй – счастливым и в скромной хижине.

Различия происходят лишь от того, какой ширины горизонт доступен глазу человека. Кто-то замечает обстоятельства только собственной жизни, а кто-то смотрит и на жизнь многих других людей, – это и есть разные горизонты.

Помимо того, на человека оказывают влияние внутренние импульсы. Если внутри постоянно копится недовольство и неудовлетворенность жизнью, это начинает воздействовать на дела человека. Например, если кто-то впечатлился болезнью, он никогда не сможет быть исцелен врачом или лекарством. Некто, впечатлившись бедностью, уже не сумеет поправить свои дела. Если человек уверен, что все против него, все плохо с ним обращаются и дурно о нем думают, то он и будет встречать такое отношение везде, куда бы ни пришел. В мире, в бизнесе, в профессиональной деятельности много людей, которые, отправляясь на работу, прежде всего думают о том, что, возможно, их постигнет неудача. Наставники человечества во все времена учили человека верить: верить в удачу, верить в любовь, верить в доброту и верить в Бога. Эта вера не сможет развиваться, пока человек замкнут на себе, и очевидно, что сначала ему следует научиться доверять другим. Если он никому не верит, ему тяжело придется в жизни. Если он сомневается, если подозревает каждого встречного, то не может доверять ближним, даже самым ближайшим родственникам; со временем его недоверие достигнет такого уровня, что он перестанет доверять самому себе.

Доверие человека, который верит другим, но не верит себе, бесполезно. Но тот, кто верит другому потому, что верит сам себе, имеет истинное доверие; благодаря вере в себя он способен сделать свою жизнь счастливой в любых обстоятельствах.

В Индии рассказывают историю о человеке, который, услышав о дереве исполнения желаний, отправился искать его. Он прошел через леса и горы, и наконец придя в какое-то место, лег там под деревом и заснул, не зная, что это и есть чудесное дерево. Засыпая, он устало подумал: "Вот бы здесь была мягкая постель, красивый дом и сад с фонтаном, а слуги вокруг

ждали бы моих приказаний!" С этой мыслью он уснул, а когда открыл глаза, то увидел, что лежит на мягкой постели в красивом доме с садом и фонтаном, а вокруг стоят слуги и ждут его приказаний. Он был изумлен, потому что вспомнил, что мечтал об этом перед сном. Продолжив путь, глубоко размышляя о своем переживании, этот человек осознал, что действительно спал под деревом, которое он искал, и что это чудо было исполнено этим деревом.

Толкование этой легенды само по себе является философией. Сам человек и есть дерево исполнения своих желаний, и корни дерева растут из сердца человека. Ветви и побеги с их цветами и плодами, животные с их силой и ловкостью, птицы с их крыльями не могут подняться так высоко, как человек; поэтому он и называется человеком – на санскрите это слово имеет тот же корень, что и слово "ум".

Деревья в лесу, погруженные в покой и молчание, ждут того благословения и той свободы, что есть у человека; горы и вся природа, кажется, ждут этого раскрытия, привилегии быть человеком. Вот почему предание гласит, что человек создан по образу Божию. Поэтому можно сказать, что наиболее подходящий инструмент для работы Бога – это человек; но с мистической точки зрения можно также сказать, что Творец берет сердце человека, через которое Он испытывает все сотворенное. Это показывает нам, что нет на земле существа, более способного к счастью, удовлетворению, радости и миру, чем человек. Очень жаль, если человек не сознает привилегии быть человеком, потому что каждый миг жизни, проведенный им в этой ошибке бессознательности, потерян для него – и это огромная потеря.

Величайшая привилегия человека – быть подходящим для Бога инструментом, и, пока он не поймет этого, он не осознает своего настоящего предназначения. Вся трагедия человеческой жизни происходит из-за пренебрежения этим фактом. С того момента, как человек осознаёт это, он начинает жить подлинной жизнью, жизнью гармонии между Богом и человеком. Когда Иисус Христос говорил: "Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам", – эти слова были ответом на зов человечества. Одни взывали: "У меня нет богатства"; другие: "У меня нет отдыха", или: "Моя жизненная ситуация тяжела", или: "Мои друзья доставляют мне неудобства", или: "Я хочу занять более высокое положение". И ответом на все просьбы были эти слова Христа.

Кто-то спросит, как можно понять эту мудрость с практической, научной точки зрения. Ответ состоит в том, что внешние вещи не имеют непосредственной связи с нами и поэтому часто оказываются для нас недоступны. Иногда нам удается исполнить свое желание, хотя часто – нет; однако в поисках царства небесного мы ищем центр всего, и внутри и снаружи, потому что все, что на небе и на земле, непосредственно связано с центром. Таким образом, из центра мы можем дотянуться до всего на земле и на небесах; но если то, что мы ищем, находится не в центре, то это можно отнять у нас.

В Коране написано, что Бог есть свет небес и земли. Кроме стремления достичь чего-либо земного у нас есть и более глубинное желание, работающее неосознанно в каждое мгновение жизни, – войти в соприкосновение с бесконечным. Когда художник пишет картину или когда музыкант поет или играет, то, если они при этом думают: "Это моя живопись" или: "Это мое исполнение, моя музыка", – они вполне могут получить определенное удовлетворение, но оно будет, подобно капле в океане. Однако, если они соединят свою живопись или свою музыку с сознанием Бога, если они будут думать: "Это Твоя живопись, а не моя" или: "Это Твоя музыка, а не моя", – то они соединятся с центром и их жизнь станет жизнью Бога.

Если только принять это отношение, то в жизни появится много такого, что можно назвать добром, что приносит много удовлетворения и много восторга; это может сделать человека довольным и дать ему счастливую жизнь. Бог – это художник всего этого прекрасного творения, и, если мы не соединим себя с художником, мы не сумеем восхищаться живописью. Если идешь в дом друга, которого любишь и которым восхищаешься, то любая мелочь кажется тебе необычайно приятной; а если идешь в дом врага, то от всего приходишь в раздражение. Наше поклонение, наша любовь, наша дружба с Богом могут весь сотворенный мир превратить в источник счастья. В доме дорогого друга даже кусок хлеба или стакан молока кажутся лучшими лакомствами; в доме недруга даже самые изысканные блюда безвкусны. И как только человек начинает осознавать, что в доме Отца, в этом мире, есть множество религий, рас и

наций и все же они находятся в доме Бога, тогда, какой бы скромной или сложной ни была наша ситуация в жизни, она рано или поздно должна становиться счастливее и лучше; потому что мы чувствуем, что все мы находимся в гостях у Того, Кого мы любим и Кем восхищаемся, и все, с чем мы встречаемся, мы принимаем с любовью и благодарностью, потому что это исходит от Того, Кого мы любим.

При всех своих притязаниях на цивилизованность и прогресс кажется, что человек впал в величайшую ошибку. Веками мир не был в такой ситуации, как ныне, когда одна нация ненавидит другую и с презрением смотрит на третью. Как можно назвать это? Это прогресс или упадок? Или даже нечто худшее? И разве не настало время, когда мыслящие души должны пробудиться от сна и посвятить себя человечеству, творя для него всеми силами добрые дела, стремясь улучшить условия жизни в мире, вместо того чтобы думать о своем собственном интересе?

НАША БОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ И НАША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Не только в наши дни, но и в прошедшие эпохи человек осознавал прежде всего свое собственное ограниченное существование, облеченное в материю, которое он называл "я". Это не было его ошибкой; она происходила потому, что религии интерпретировались с намерением доминировать над людьми, удерживая их в повиновении тем, кто понимал значение религии. Священники позволяли людям понять лишь очень немного, а все прочее оставляли при себе. Они говорили: "Вы заурядные существа. Бог слишком велик, чтобы вы могли понять его. Мы можем общаться с Ним, можем понимать Его, а вы знайте свое место".

Всю жизнь Будда боролся против такого положения вещей. Когда кто-либо говорил с ним о духе, о Боге или демонстрировал святость, духовную жизнь, он говорил: "Я не верю в это". Но это тоже была крайность, потому что она приводила людей к другой ошибке, и они утверждали, что нет ни Бога, ни духа.

Еще одной причиной разделения было исконное стремление тех людей, что имели сходный образ мыслей, сходную веру или систему воззрений, к объединению в группу или сообщество, для того чтобы поддерживать убеждения друг друга. Таким образом они обособлялись от остального человечества.

Мистик никогда не верит слепо. В действительности он вообще не верит, – он испытывает. Он познает, что он сам и есть все Сущее. В стихотворении одного индийского поэта говорится:

*За человеческим лицом скрыт Бог,
Я не знал.
Я закрыл вуалью глаза и отделился от истины,
Я не знал.*

Это прекрасная строфа, она имеет глубокое значение.

В каждом из нас есть божественная часть и человеческая часть. Человек состоит из двух начал – духа и плоти. Дух – это более тонкая часть, а плоть – более плотная часть; более тонкая часть, дух, превратилась в более плотную часть. Одна часть, как мы уже видели, есть внешнее, ограниченное "я", а другая – неограниченная сущность.

Внешняя оболочка человека состоит из пяти элементов, но в действительности человек представляет из себя нечто гораздо большее и простирается гораздо дальше, чем принято верить. Например, когда некто стоит перед слушателями, он кажется одного размера; но, когда он говорит, он так же огромен, как пространство, в котором слышен его голос. Друг или возлюбленная могут быть за тысячу миль и все же ощущать нашу привязанность и преданность им. Чувство рождается здесь, но проявляется где-то далеко; из этого видно, что в наших чувствах мы становимся еще шире.

Дыхание простирается еще дальше. С помощью дыхания мы можем посылать наши мысли, куда только захотим, а также оказываемся способны узнавать мысли и состояние другого существа. Мысль того, кто мечтает достичь чего-то, летит вперед, чтобы все подготовить. Человека можно сравнить с телескопом: с одного конца – человеческая часть, его ограниченное существование; с другого – божественная часть, безграничное Существо. С одной стороны человек так мал; с другой он становится таким же бесконечным, как все Сущее.

Если каждый из нас настолько велик, насколько велико все Сущее, то мы можем спросить о том, как же хватает места для всех нас. Или есть несколько Всесущих? Нет. Просто из-за нашего невежества мы видим множественность и формулируем различия, говоря: "Это я, это ты, это друг, а это враг, мне нравится это, а это мне не нравится". Но в потустороннем мире все связано; там мы все становимся одним.

У человека есть два естества: фариштаги, или ангельское, и хайванат, животное. Хайванат включает в себя человеческое тело и ту часть его природы, которой требуются еда и питье, сон и утоление всех страстей. Злоба и ревность человека имеют животное происхождение, так же, как и его страх перед тем, кто сильнее его, и зависть к тому, кто лучше его. Во всем этом человек подобен животному.

Фариштаги – это та часть человеческой природы, которая возвращается к своему источнику. Это не человеческий разум; у животных тоже есть разумность, но животное не может спросить: "Откуда я пришло? С какой целью я здесь?" Когда человек узнает это, узнает о своем источнике, он становится божественным существом. Своей ангельской природе человек обязан добротой, любовью, симпатией и желанием познавать. В стихах великого индийского поэта говорится: "Мы сотворили человека для чувства; если не так, то в небесах довольно ангелов, чтобы петь нам хвалу".

В своем поклонении человек, думая, что славит Бога, на самом деле умаляет его. Мы берем часть и называем ее "я". Мы присваиваем себе эту часть и таким образом отнимаем ее у Бога. Помню, мой муршид с глубоким вздохом говорил, столкнувшись с какой-либо трудностью: "Бандаги бешереги", что означает: "Придя сюда, Он стал беспомощным".

Что связывает Аллаха и бандеха, Бога и человека, и что за связь между человеком и Богом? То, что мы зовем "я", создано из впечатлений внешнего мира – мира иллюзий, обрушившегося на душу. Младенец никогда не скажет "я". Если он держит что-нибудь в руке, а кто-то заберет это у него, дитя не огорчится. Оно не различает старых и молодых. Кто бы ни находился рядом, друг или враг, для младенца они все равны. Интеллект, опознающий вещи по их различиям, обманывает душу.

Нетрудно увидеть: то, что мы зовем "я", не является подлинной природой нашей души, потому что мы никогда не бываем по-настоящему счастливы. Что бы мы ни делали, чем бы ни владели, какой бы властью ни обладали, мы никогда не можем быть счастливы. Мы говорим, что то или это делает нас несчастными, но истинная причина – в отдалении; душа несчастлива в своей изоляции.

Человек видит, что его костюм поношен и беден, и говорит: "Я беден". Он видит, что его костюм богат, и говорит: "Я богат". Хотя богат ведь не он, а его костюм. Душа признает как "я" все, что находится перед ней. Но что такое "я"? Костюм не есть "я", потому что, когда костюм снят, "я" остается. Можно ничего не испытывать посредством органов чувств, а сознание будет присутствовать.

Суфий через пассивность чувств посредством поз и практик производит покой; затем, повторяя имя Бога, он соединяет свое сознание с целым Сознанием в Боге. Древнегреческие философы понимали этот процесс, последователи веданты тоже знали его. Суфий испытывает преклонение, благоговение перед Богом; он преклоняет колена и простирается ниц пред Ним. Он дает Богу прекрасное имя Возлюбленного. Он понимает, что, говоря: "Это тоже есть Бог", – он славит Бога. Он не умаляет его. Со всем смирением, со всей преданностью осознает он свое единство с высшим Сущим.

Трудно отделить Бога от человека; в действительности такого разделения не существует. Деяния Бога и деяния человека те же самые, с той только разницей, что поступки Бога совершенны, а человека – несовершенны. Здесь, на земле, мы зависим от многих вещей. Во-

первых, нам надо есть. Если бы не нужда в пище, человек мог бы и не работать; он бы мог сидеть с друзьями и думать о Боге или о чем-то еще. Кроме того, нам необходимо спать. Есть еще множество других потребностей.

В стихотворении Захира говорится: "Ищущие потеряли себя, прежде чем нашли Тебя". А великий поэт Амир сказал: "Не говори, что человек есть Бог, потому что он не Бог. Но не говори также, что человек отделен от Бога, потому что он не отделен от Него".

Нетрудно овладеть оккультной или физической силами; нетрудно быть добродетельным и вести чистую жизнь. Но быть милосердным, быть сострадательным, быть человеческим – трудно. Бога зовут многими именами: Великий, Всемогущий, Господь, – но чаще всего Его называют Милосердным и Сострадательным. В этих качествах мы всегда несовершенны и вряд ли когда-либо будем совершенными. Уединитесь вечером в своей комнате и раскайтесь во всем, что сделали плохого, во всех тех тысячах дурных мыслей, что имели по отношению к друзьям и врагам. Персидский поэт сказал: "Вся тайна двух миров заключена в двух словах: будь нежен с друзьями, будь вежлив с врагами".

Если мы это поняли, тогда этот мир для нас – ничто; а если мы узнали, что все в мире преходяще, то почему бы не позволить другим наслаждаться, когда мы смотрим на них? Почему бы не позволить другим носить красивую одежду, когда мы смотрим на нее? Почему бы не позволить другим съесть хороший обед, охраняя их или стоя на кухне, готовя еду? Почему бы нам не позволить другим сидеть в карете, а самим тянуть ее, вместо того чтобы сидеть в ней и заставлять других тащить ее? Вести благородную, достойную жизнь означает быть милосердным и сострадательным. Но каждый человек норовит отнять лучшее у другого; это стремление проявляется даже в дружбе. Каждый гонится за удовольствиями для себя и оставляет худшее другому; но тот, кто ищет Бога, должен выбрать противоположный путь, даже если для этого придется идти против всего остального мира.

Есть три направления. Первое – самоотречение, путь святых и мудрецов, требующий следования идеалу и приятия всех тревог, испытаний и страданий, которые могут выпасть на долю идущего. Второе – эгоизм, идти этой дорогой означает быть более эгоистичным, чем весь остальной мир. Третье – самый величественный и самый трудный путь – нести полную меру ответственности и забот, иметь друзей и все остальное и быть насколько возможно бескорыстным, добрым, но в то же время достаточно эгоистичным, чтобы не позволить раздавить себя.

Когда человек вертится по кругу, он в первый раз движется медленно, во второй раз – уже быстрее, в четвертый – еще быстрее, а на пятый, шестой, седьмой или, может быть, девятый раз он упадет. В первый раз он испытывает радость от верчения, во второй, третий и четвертый раз его радость становится все больше и больше, пока наконец он не оказывается опьянен радостью, после чего падает, пережив радость полностью. Это происходит и со вселенной, день за днем, с момента творения и до наших дней. В каждом занятии можно дойти до опьянения. Что бы мы ни делали, мы хотим этого все больше и больше. Патриот становится все более патриотичным. Певец поет песню за песней, пока не потеряет голос. Любитель азартных игр хочет играть снова и снова. Если человек выпил или принял наркотики, он хочет все больше вина или все больше наркотиков.

Хафиз сказал: "Перед восходом вино было разлито. Вино, позаимствованное из глаз Саки – Виночерпия". Саки – это проявление, которое так опьяняет нас, что мы верим, будто это единственное, что существует, и в конце концов оказываемся так порабощены и уже не можем сами себя освободить от этого.

ЧЕЛОВЕК – СЕМЯ БОГА

Что касается отношений человека и Бога, то существует много воззрений и верований на этот счет – и это естественно, что должны быть различные верования, поскольку каждый человек имеет собственную концепцию Бога. Нет сравнения между Богом и человеком: человека, существо ограниченное, можно сравнивать с другим существом, но Бог, существо

совершенное, вне сравнений. Пророки и учителя человечества во все времена делали все от них зависящее, чтобы дать людям некоторое представление о сущности Бога; но эта задача неизменно оказывалась слишком трудной, потому что невозможно определить Бога словами. Это все равно что пытаться вместить океан в бутылку. Даже самая большая бутылка не вместит океана. Слова, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, являются названиями ограниченных вещей, и, давая имя Богу, который выше всех имен и форм, мы делаем это для собственного удобства. Единственная возможность постичь Бога и Его существование – сделать это через нахождение связи между Богом и человеком. Причина, почему мы называем человека семенем Бога, до некоторой степени дает нам представление о идее родственной связи, которая существует между человеком и Богом.

Есть корень, из него появляется стебель, потом ветви, листья и наконец цветок, в сердцевине которого заключено нечто, способное поведать историю всего растения. Иногда кажется, что растение было создано ради цветка, но в действительности оно родилось ради зернышка, скрытого в сердце цветка и продолжающего существование этого вида растений. Это семя – тайна растения, его источник и цель. Оно было началом, из него произошел корень, потом пробился росток и семя стало растением. После этого семя исчезло, но после появления веток, листьев и цветов оно возникло снова. Оно возникло вновь уже не как одно семя, а как множество семян, оно приумножилось и все-таки осталось тем же самым семенем. И ради какой цели, для чего это произошло? Для того чтобы могло возникнуть новое семя как итог жизни всего растения.

Для человека простой веры, который верит лишь в свою частную идею, не существует никаких взаимоотношений между Богом и человеком, но для того, кто хочет понять эти отношения, доказательства их существования видны повсюду. Об этом говорится в Библии, в словах, что Бог создал человека по своему образу. Точно так же семя, из которого родится растение, могло бы сказать: "По своему образу и подобию я создало новое семя, которое в свой черед выйдет из сердца цветка. Я возникну вновь как множественность, хотя вначале я было лишь одним зернышком".

Эта идея снова объясняет нам, почему человек был создан по образу и подобию Бога, тогда как все сотворенное, весь мир явленный произошли (непосредственно) от Бога. Лист, ветвь и ствол тоже произошли от семени, но они не были созданы по образу семени. Образ семени и есть само семя. Более того, в семени находится сущность семени. Конечно, своя энергия, свои силы, свой цвет и свое величие есть и в цветке, и в листьях, и в стебле, но в то же время все качества, присущие стеблю, цветку, лепесткам и листьям, могут быть найдены в семени.

Это показывает нам, что человек явился кульминацией всего творения, и что в нем явлена вся вселенная. Царство минералов, царство растений и царство животных можно увидеть в человеке, в его духе. Помимо того, что различные свойства камней и растений проявляются в физическом теле, созданном для человека, его разум и сердце обладают всем разнообразием этих качеств. Сердце может быть подобно плодородной почве или бесплодной пустыне: оно проявляет любовь или отсутствие любви, созидательные способности или страсть к разрушению.

Есть различные виды камней; есть самоцветы и есть галька и булыжники, но среди человеческих сердец можно встретить еще большее разнообразие. Вспомним о тех, чьи мысли и чувства оказались более ценными, чем любое сокровище мира, – о поэтах, художниках, изобретателях, мыслителях, философах, служителях гуманизма, вдохновителях людей, благодетелях человечества. Никакое богатство, никакой драгоценный камень, никакой алмаз или рубин не идут в сравнение с ними; и все же в них есть то же качество. А есть сердца, подобные твердым скалам: о них можно удариться, можно даже разбиться, а они не шелохнутся. Есть в сердце качество воска или качества камня. Есть сердца тающие и те, что никогда не растают. Есть ли в природе нечто такое, чего нельзя найти в человеке? Разве нет в его чувствах, мыслях и качествах свойств бегущей воды, плодородной почвы, плодоносящих деревьев? Разве нет в сердце человека подобия растений или роскошных цветов? Но цветы, что отцвели в человеческом сердце, продолжают жить; их благоухание разнесется по всему миру, и

их цвет будет увиден всеми людьми. Какие восхитительные плоды может рождать человеческое сердце; они дарят душам бессмертие и возносят их ввысь!

С другой стороны, существует такой склад ума, в котором не может произрасти ничего, кроме желания причинять боль и вред ближнему своему в виде сочащихся ядом цветов и плодов, ранивших других людей мыслью, словом и действием, – они могут поранить сильнее, чем шипы. А есть те, чьи чувства и мысли подобны золоту и серебру, а есть другие, чьи мысли – как железо и сталь. Многообразие человеческих характеров столь велико, что совокупность всех предметов этого мира не может сравниться с ним.

В своем характере, в своих качествах, в теле, мыслях и чувствах человек проявляет наследие не только земли, но и небес. Человек подвержен влиянию планет, солнца, луны, тепла и холода, воздуха, воды и огня и всех прочих элементов, из которых слагается космическая система. Все эти элементы можно найти в его мыслях и чувствах, в его теле. Можно встретить человека теплого, представляющего элемент огня, или человека холодного, представляющего воду. А третий представляет воздух своими чувствами и мыслями: их быстрота, подвижность и неутомимость свидетельствуют о присутствии в этом человеке элемента воздуха.

Разве человек не представляет в своем положительном и отрицательном характере солнце и луну? Разве двойственность полов не указывает на это? В каждом мужчине и каждой женщине присутствуют солнечное и лунное качества, и эти два противоположные качества дают равновесие в характере. Когда одно из этих качеств преобладает, а второе почти полностью отсутствует, характеру не хватает равновесия.

И если кто-то проникнет дальше в суть мистицизма, он обнаружит, что в человеке представлены не только видимые качества, но и все, что невидимо. Если ангелы, феи, призраки, элементалы или любые другие существа, воображаемые человеком, могут быть найдены где-нибудь, так это в человеческой природе. Во все времена ангелов изображали в человеческом облике.

Если все, что существует в мире и на небесах, может быть обнаружено в человеке, то что тогда остается? Сам Бог сказал в своих писаниях, что создал человека по своему образу. Иными словами, он провозгласил: "Если ты хочешь увидеть Меня, найдешь Меня в человеке". Как неразумно со стороны человека, когда он, поглощенный своими высокими идеалами, начинает порицать, осуждать человека и смотреть на него сверху вниз! Каким бы низким, слабым и грешным ни был человек, у него всегда остается возможность подняться выше, чем что-либо другое, во всем проявлении, будь то на небе или на земле. Никто и ничто больше не в состоянии достичь тех высот, на которые предназначено взойти человеку. Поэтому эта точка зрения, разделяемая мистиками и мудрецами всех времен, проявлялась в их манерах, которые всегда носят почтительный характер по отношению ко всем людям.

На примере жизни Иисуса Христа можно увидеть, какое сострадание, какое прощение, какую терпимость и какое понимание Господь проявил по отношению к грешнику, представшему пред ним. Человек, выказывающий презрение по отношению к ближнему, может быть религиозным или набожным, но, кем бы он ни был, он не может именоваться настоящим духовным или мудрым, каким бы ни было его состояние. Человек, который не уважает человечество, не настроен поклоняться Богу. Тот, кто не узнает образа Бога в человеке, никогда не видел Художника, создавшего это творение; такой человек сам себя лишил возможности видеть самое святое, самое священное. Тот, кто убежден в том, что в человеке есть одно лишь земное, не знает, откуда пришла его душа. Душа пришла свыше; именно в душе человека отражен Бог. Человек, испытывающий ненависть и презрение, независимо от его религии или веры, не понимает тайны всех религий, хранящейся в сердце человеческого. И конечно, каким бы ни был человек хорошим, добродетельным, терпимым и прощающим, если он не узнает Бога в человеке, он не прикоснулся к религии.

У этой проблемы есть еще одна сторона. Развиваясь, человек начинает видеть ограничения, ошибки и слабости людской природы, так что ему становится трудно жить в мире и встречать лицом к лицу все, что происходит. К тому же ему становится тяжело быть хорошим, добрым и отзывчивым и в то же время терпимым. Появляется стремление отмахнуться от всего, изолироваться от всех остальных. Но цель рождения на земле состоит не в этом. Она

заключается в том, чтобы обрести совершенство, которое внутри человека. Человек может быть и добрым, и хорошим, но, если он не открыл цели, ради которой родился на земле, он не выполнил своего предназначения в жизни.

Целей рождения столь же много, как людей на свете, но превыше всех целей одна цель, которую можно назвать общей целью всего сотворенного. Эта цель достигается, когда изобретатель видит в действии свое изобретение; когда архитектор входит в дом, построенный по его проекту, и видит, как хорошо он сделан; эта цель достигается, когда на сцене идет пьеса, а в зале сидит ее автор – это есть достижение его цели. У каждого человека есть собственная цель, но все они – ступени к одной-единственной цели, которая есть цель Бога. Если наши маленькие желания сегодня исполняются, уже завтра появляются новые; каким бы ни было желание, если сегодня оно исполнилось, завтра возникнет другое. Это показывает нам, что все человечество направлено к одному желанию, которое является целью Бога: возможно более полное познание жизни внутренней и внешней, возможно более полное знание жизни вверху и внизу. Это расширение кругозора – такое, при котором все могло бы отразиться в душе, ставшей обширней мира; такое, при котором взгляд обрел бы такую остроту, что смог бы проникать через толщу земли и высоту небес. В этом лежит осуществление целей души, и та душа, которая не приложит все усилия и не принесет в жертву все для достижения этого, не поймет религии. В чем заключается суфийское послание? Это эзотерическая школа, практика и работа на протяжении всей жизни, направленная на то достижение, которое является достижением божественной цели.

ЭВОЛЮЦИЯ

Есть два аспекта в вопросе эволюции человека в различных царствах. Первый – это биологический аспект. Можно видеть, как царство животных рождается из царства растений через формы микробов, червей и насекомых. По мере своего развития материя используется более высокими организмами и в силу этого развивается еще сильнее. Но закон эволюции сложен. В целом материя эволюционирует в сторону лучшего и более обновленного состояния.

И вот появляется примитивный человек. Современная наука оказалась не в состоянии найти связующее звено между человеком и обезьяной, но существовало много рас, которые возникали и вымирали; даже в наши дни сохранилось несколько таких рас, обитающих в труднодоступных регионах и пока не открытых наукой. Так вот, хотя связь все еще не найдена, это ничего не значит. В конце концов, на этот счет есть не только научная, но и мистическая концепция. Разница лишь в том, что наука излагает ее просто и прямо, хотя и не может установить строгой истины, тогда как мистицизм касается вопроса неопределенно, придавая ему красивую форму легенд и поэзии; вспомним, к примеру, легенду о Рае и войске обезьян, где слово "обезьяна" используется за отсутствием другого понятия для этого потерянного звена в цепи эволюции.

Но этот процесс – не единственный. Каждый аспект данного вопроса надлежит рассмотреть с различных точек зрения; пока не взглянешь на вопрос как минимум с двух различных сторон, не избавишься от трудностей на пути к его полному пониманию. Понаблюдаем за работой гончара: он месит глину, окрашивает ее и затем формует из нее различные сосуды. Пока у него под рукой есть достаточный запас глины разных оттенков, ему не приходится всякий раз начинать работу с добычи глины, ее замеса и окраски. Так и в царствах природы: растение происходит из растительного царства, а человек происходит от человека.

Рассматривая этот случай с обеих сторон, убеждаешься, что оба процесса необходимы. Например, есть мастера, изготавливающие краски, и есть художники. Задача торговца краской – иметь различные субстанции и смешивать их для того, чтобы сделать желаемую краску. Художнику нет необходимости самому осуществлять эти действия; он получает краски от продавца уже готовыми. Иначе говоря, каждому индивиду нет необходимости самому проходить через царства камней, растений и другие аспекты творения, так что тревожиться не о чем!

Бог дарует нам исполнение наших желаний в двух разных случаях. Во-первых, когда наше сердце свободно от всяких мыслей и чувств и пребывает в самом мирном и спокойном состоянии. В это время каждое желание, которое может у нас появиться, подобно семени, посаженному в нужный срок. И если у нас достанет терпения и силы ждать и верить в великое могущество Бога, то наше желание непременно исполнится, каким бы оно ни было. Во-вторых, это происходит в тот момент, когда мы абсолютно удовлетворены и очень счастливы. Все, чего ни пожелаешь в это время, сбудется – подобно тому, как своевременно пролившийся дождь приносит плоды и цветы.

Если один из объектов является тем, что ищет наша душа, а второй связан с удовлетворением жизненных потребностей, предпочтительнее будет пожертвовать последним и избрать то, к чему стремится душа. Но, с другой точки зрения, это не означает, что мы должны становиться неземными, если хотим стать духовными. Мы вполне можем жить в мире, в то же время не будучи мирскими.

Все в мироздании имеет свою противоположность. Есть солнце и луна. Есть мужчина и женщина. Есть ночь и день. Цвета, как и формы, отличаются друг от друга в силу своего многообразия. Чтобы различить что-либо, надо увидеть его противоположность; то, что не имеет противоположности, не может быть различимо. Чтобы было здоровье, мы должны отличать его от болезни.

В древние времена многие стремились помочь воображению людей, искавших добро, прививая им веру в Сатану и говоря, что Бог есть все добро мира, а Сатана – все зло. Это делалось для того, чтобы объяснить непонимающим, откуда приходит зло. В действительности зло – это всего лишь тень добра, и как тень не обладает собственным существованием, так и зло не существует. Добро всегда движется вперед; то, что остается позади, является добром в меньшей степени, а то, что виднеется впереди, – добром в большей степени. Но когда мы сравниваем две вещи, тогда мы одну называем злой, а другую – доброй. Поэтому люди называли дьяволом, от которого следует отвернуться, все зло в мире, и Богом, в которого следует верить, все добро. Это был простой способ обучения живших в древности людей. На самом деле

Бог стоит выше сравнений, хотя многие из нас соотносят Бога с чем-либо, когда называют Его добрым. Что такое наша собственная доброта? Она очень мала; она не есть то, в соответствии с чем можно было бы судить о Боге.

В эволюции человека есть ступень, когда жизнь вокруг дает ответ на каждый его вопрос. Находится ли он в обществе живого существа или пребывает наедине с природой, спит ли он или бодрствует, ответ на его вопрос приходит, словно эхо. Подобно тому, как определенные предметы являются прибежищем для ветра, превращая его в звук, все становится приютом для каждой мысли мудреца, помогая ей резонировать; и в этом резонансе есть ответ. Фактически ответ уже содержится в самом вопросе. Вопрос не существует в отдельности от ответа. Лишь ограниченное восприятие человека заставляет его видеть вопрос и не видеть ответа.

Как все вещи имеют свои противоположности, так же верно и то, что в каждой из них существует дух противоположности. В мужчине есть качества женщины, в женщине – дух мужчины. В солнце содержится форма луны, а в луне – свет солнца. Чем ближе кто-то подступает к реальности, тем больше он приближается к единству. Это доказывает нам, что до тех пор, пока вопрос не поднимется из сердца, ответ не придет в виде эха изнутри или извне. Если мы посмотрим вперед, ответ перед нами; если мы смотрим назад, ответ сзади. Если мы смотрим вверх – ответ ждет нас в небесах; если мы смотрим вниз – ответ выгравирован на земле. А если закроем глаза, мы найдем ответ внутри нас. Это можно сравнить с восхождением на гору, имя которой "Почему?". Достигнув вершины, оказываешься лицом к лицу с идеалом. К пониманию этого ведет не изучение; это достигается возвышением над тем, что мешает нашей вере в истину.

ДУХОВНАЯ ЦИРКУЛЯЦИЯ ПО ВЕНАМ ПРИРОДЫ

Пристально рассматривая природу в этом мире многообразия, приходишь к выводу, что под покровом множественности скрывается одна-единственная жизнь, источник и цель всех вещей. Эту жизнь можно назвать кровью вселенной, циркулирующей по венам природы. Ее можно назвать и веществом и духом; это нечто видимое во всем, и весь разум сформирован для того, чтобы находиться в живом, действующем состоянии. Именно эта жизнь понимается нами под разумом.

Разум, который часто путают с интеллектом, есть нечто такое, что можно обнаружить и в низших созданиях. Его можно заметить в растении и почувствовать даже в сердце скалы. Часто думают, что интеллект – это результат развития, проявленный в человеческой жизни как ум, что низшие существа не имеют ума и что ум является развитой формой материи, зависящей от мозга. Но мистики всех времен, пророки и созерцательные души говорят: все, что было, есть и будет, является одной и той же субстанцией жизни, не изменяющаяся и не развивающаяся. Другая степень эволюции делает нас способными к пониманию и дает нам чувство, что ум есть результат развития материи. Великие люди, созерцательные души, которые уходили в пустыни и леса и общавшиеся с окружавшей их там жизнью, осознавали эту истину; очень часто они ощущали великую гармонию, мир и духовный подъем как раз там, где не было видимой жизни. Жизнь есть разум везде, и чем больше человек общается с жизнью, тем больше он чувствует, что даже камень не лишен жизни, что и в нем пульсирует кровь вселенной. Когда мы смотрим на жизнь с этой точки зрения, мы видим, что нет в ней места, нет предмета, который не был бы священным, даже в камне можно найти источник и цель всех вещей в этой определенной форме.

Многие люди, разбирающиеся в жизни растений, знают, как отзывчивы растения к заботе и ласке того, кто живет рядом и ухаживает за ними. Доказано, что растения дышат; а если в жизни растений можно обнаружить дыхание, то есть в ней и разум. Мне случилось видеть камень, владелец которого называл его магическим, хотя это был самый обыкновенный камень – он лишь часто менял цвет и оттенок, особенно когда кто-то брал его в руки. Так что даже камень может откликаться уму человека, это учит нас тому, что в царстве минералов нам еще очень многое предстоит исследовать. Это открытие не сегодняшнего дня; уже в древности люди знали об этом. В персидских поэмах Джелал-уд-дина Руми читаем, что Бог спит в царстве минералов, дремлет в царстве растений, обретает сознание в царстве животных и осознает Себя в человеке.

Но эта единая жизнь становится видимой в более выраженной форме в людях, в их интеллекте, в их деятельности, в способности магнетизировать атмосферу, в проявляемой ими энергии мысли, в целительном воздействии. Хотя один человек отделен от другого, хотя между ними может не быть внешней связи, воздействие мыслей и чувств ощущается даже на расстоянии. Во время войн часто случается, что матери и жены солдат чувствуют их боль, страдание или смерть, когда они осознают свое горе без каких-либо средств связи. Как часто близкие люди догадываются о состоянии друг друга не только посредством мыслительных волн, но также и в сфере чувств; это показывает, что есть одно тело, в котором единая жизнь циркулирует подобно крови в венах.

Отсюда исходит логическое обоснование закона причины и следствия. Человек, поступающий плохо, может избежать земного наказания, но он не в силах избежать этой единой жизни, в которой он живет, движется и существует. Человек, совершающий добро в отношении другого, может никогда больше не встретить его; но добро непременно вернется к человеку, потому что тело – едино и жизнь – едина. Также и с циркуляцией в физическом теле: суть того, что мы съедаем, поглощается кровью, также и каждая наша мысль, каждое слово и действие воздействуют на единую жизнь.

Часто люди подвергают сомнению и высмеивают определенные суеверия; они спрашивают, как это можно прочесть прошлое, настоящее и будущее по картам. Но это, как и астрология или гадание с помощью магического кристалла, может быть объяснено существованием

единой, непрерывно циркулирующей и пульсирующей жизни, единой музыки, единого ритма. Человек должен лишь знать музыкальную тему, чтобы суметь услышать и понять ее.

Прошлое, настоящее и будущее можно узнать не только с помощью карт или магического кристалла, но и множеством других способов; если бы мы могли вступить в контакт хотя бы с одним сосудиком единой жизни, мы тем самым вошли бы во взаимодействие со всей кровеносной системой вселенной. Некоторые средства лучше, другие хуже, но через любого посредника мы можем достичь понимания, и это доказывает, что за всем скрыта одна жизнь. Человек может быть воспитан поступать хорошо, он может научиться праведности, но все эти добродетели будут навязаны ему как следствие определенного учения; подлинная добродетель приходит сама как следствие понимания единства жизни, и это связывает его с другом так же, как и с врагом. Иисус Христос учил любить своих врагов, но, поскольку нам часто бывает трудно любить даже друзей, мы тем более не сумеем возлюбить врагов, пока не осознаем тайну единой жизни, скрытую за всем, несмотря на то что мир разнообразия, постоянно создает иллюзии.

Если это осознание достигнуто при помощи религии, философии или мистицизма, человек прикасается к тайне жизни и приобретает великую силу без всяких магических ритуалов. Этот урок нетрудно воспринять интеллектуально, эту истину можно проглотить как еду, моментально, но этого мало. Чтобы усвоить эту пищу, может не хватить всей жизни, потому что к истине примешиваются факты, а когда истина становится фактом, она теряет свою значимость. Поглощенные миром разнообразия, мы приобрели склонность забывать истину, потому что оказались погруженными в обстоятельства. Поэтому люди, посвящающие много времени медитации, стараются размышлять о единстве бытия и созерцать основную истину бытия. Это все равно что заводить часы: тратишь на это лишь одну минуту, а часы потом идут весь день. Так и в медитации: приходит некая мысль, и во всем, что человек делает и говорит, он использует ту же самую истину.

Как много вреда приносит непонимание этой истины! Все бедствия: войны, наводнения, землетрясения, голод и другие ужасные несчастья, которые человек не в состоянии контролировать, – проистекают из нарушения жизнедеятельности тела вселенной; когда кровь нездорова, все идет плохо, и хотя подчас может показаться, будто то, что для одних губительно, для других – полезно, но на продолжительном отрезке времени видно, что страдают все части целого. Последствия ощущаются всем миром в форме боли, напряжения и всевозможных страданий.

Если отвлечься от мира иллюзий, взглянуть вверх и попросить Бога поведать тайну и таинство Его творения, то услышишь в ответ, что каждая вещь и каждое существо помещены на свое место и заняты исполнением своей части работы, которая должна быть выполнена природой в целом. Жизнь – это симфония, а деятельность каждого существа – это исполнение собственной партии в этой симфонии.

Во время войны множество людей были призваны в армию и независимо от профессии, квалификации и моральных норм каждого направлены туда, где они были нужны более всего; это объяснялось тем, что в первую очередь надо было прислушиваться к "голосу необходимости". Если что и может подарить умиротворение мыслителю, то как раз осознание этой идеи. Мысль, что страдание является следствием грехов прошлой жизни, может принести облегчение вопрошающему и рассуждающему уму и на мгновение удержать его от восстания, но разве может оно утишить боль, которую несчастье вызывает в сердце? Разве такой ум когда-либо простит Бога, осудившего его с такой жестокостью? Он может признать свои прошлые грехи, но разве сумеет он когда-либо поверить в Бога как Бога любви и сострадания, Бога милосердия и прощения?

Если бы Бог был отделен от человека, если бы Он радовался страданиям человека, человек мог бы проклясть такого Бога. Но суфий осознает, что Бог есть страдание и страдающий, но в то же время Он выше всех страданий. Чтобы понять это, надо не только верить в Бога, но и знать Его. Если из наших рук вывалится тяжелая ноша, упадет нам на ноги и поранит их, разве мы должны будем проклясть руки? Нет, потому что они тоже страдают от боли, хотя поранены только ноги, – но ведь боль ощущает все наше существо, а не только ноги или руки.

Это же можно сказать и о Боге: наши жизни – его жизни, и он принимает участие в каждом нашем ощущении радости или боли, хотя в то же время Его совершенное бытие поднимает Его над земными радостями и страданиями, тогда как мы, ограниченные своим несовершенством, подвержены воздействию всех радостей и болей, даже самых незначительных.

Люди часто спрашивают, почему человек должен страдать и жертвовать чем-то ради Бога. Когда жертва совершена и страдание позади, человек обнаруживает, что, хотя он начал делать это для Бога, в конце концов оказалось, что это делалось им для себя. Именно глупо эгоистичный человек действительно является эгоистом; разумный эгоизм делает человека неэгоистичным. Такое осознание достигается самоосуществлением или самоосознанием; прежде всего человек должен осознать себя и обнаружить, из чего он состоит. Человек состоит из духа и материи. Он содержит внутри себя минеральные, растительные и животные миры, а также мир джиннов и мир ангелов; и его задача – привести все эти части в равновесие, не забывая, что он был создан не для того, чтобы быть духовным как ангел или чтобы быть материальным как животное. Достигнув золотой середины, он обязательно нащупает путь, по которому призван идти человек и который ведет прямо к цели. "Врата тесны, и узок путь" – узок потому, что каждый шаг в сторону уводит от истинной дороги на окольную. Равновесие – ключевая нота достижения духовности.

Душа всего сотворенного едина, и жизнь, пронизывающая нескончаемо движущиеся фантомы, также едина. Размышления об этой истине и пробуждение к ней будут гармонизировать состояние мира. Когда душа начинает видеть истину, она рождается вновь; все, что видится истинным такой душе, кажется ложным обычному человеку, а то, что для пробужденной души истинно, для обычного человека не значит ничего. То, что обычная душа считает важным и ценным в жизни, не имеет ни ценности, ни значения для души пробужденной. Таким образом, человек с такой душой найдет себя в одиночестве даже в толпе, которая живет в мире, отличном от мира, где обитает он. Представьте себе, что вы живете в мире, где никто не говорит на вашем языке! И все же такой человек способен жить в этом мире, потому что знает и его язык, хотя жизнь в мире так же бесполезна для него, как для взрослого жизнь в мире детей, играющих в куклы.

Время от времени в мир приходят пророки и великие мистики, подобно тому, как врач приходит к больному, чтобы помочь ему восстановить разрушенное здоровье; и когда великие приходят, они приносят миру новую жизнь, помогая организму вселенной лучше действовать. Суфии всегда жили как мистики, посвящая свои жизни медитации и духовным практикам. Что же они вынесли из них? Они познали сущность всего живого, его единство; именно путем размышления о единстве, осознания его, жизни в нем человек может осуществить цель своей жизни.

СУДЬБА И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ

Очень часто те, кто верит в судьбу, не верят в свободную волю. Человек, сумев достигнуть успеха в своей работе, начинает думать, что успех явился следствием одной только работы, а есть такие, кто успех в своей работе признают как результат работы и тогда они думают, что все, что существует, должно иметь свободную волю; и таким образом они достигают результатов в соответствии с тем, что они сделали. Другой же, сколько бы ни старался, не достигает успеха. В этом случае у человека возникает ощущение, что нечто мешает ему преуспеть, и тогда он начинает думать, что должна быть такая вещь, как судьба, и именно она сдерживает его. Многие считают фатализм родом лени и называют веру в судьбу суеверием, но есть и другие, приветствующие свободную волю как концепцию, как идею, но убежденные в том, что миром в действительности правит судьба.

Понятие о свободной воле не лишено смысла, и вера в нее приносит определенные плоды в жизни. В то же время идея судьбы очень глубока, и независимо от того, разделяет ее человек или нет, в ней всегда будет нечто притягательное для него. Способные провидеть будущее неизменно привлекают и тех, кто верит в судьбу, и тех, кто эту веру не разделяет. Первые идут

с доверием, вторые – с улыбкой, но и те и другие стремятся к провидцам, потому что в том, что те делают, заключена величайшая тайна. Любого человека прежде всего интересует собственная жизнь, всегда являющаяся тайной и таинством – таинством, более загадочным и великим, чем все остальное на земле. Никто не скажет: "Мне не интересно узнать свою жизнь, не интересно, почему у меня было такое прошлое, отчего таково мое настоящее и каким будет будущее". Получить ответы на эти вопросы – самое страстное желание каждого.

Когда размышляешь о судьбе, то начинаешь задаваться вопросом: существует ли заранее составленный план и соответствует ли ему любое жизненное событие; и если он существует, то кто его составил и на каких основаниях? Если его написал Бог, то до какой степени можно возложить на него ответственность за то, что один оказался счастливым, а другой – несчастным, один – великим, а другой – малым; за то, что один радуется, тогда как другой страдает, хотя оба живут под одним солнцем и ходят по одной и той же земле? Если же причина всего не в судьбе, а в человеческих поступках, то влияют ли на настоящее поступки, совершенные в прошлом, и если да, то в какой мере человек отвечает за них? Эти вопросы увлекают нас к глубинам тайны жизни. Если бы удалось ответить на них, была бы решена великая философская проблема.

Мистик открывает секрет жизни, овладевая искусством составления жизненного плана в соответствии со своими желаниями. Однако, чтобы достичь такого уровня, ему прежде приходится отказаться от своего собственного плана. Для человека, не имеющего власти над своим собственным планом, лучше отдать себя в руки Бога. Чем больше человек зависит от Создателя этого плана, тем более он оказывается способен создавать его сам. Это как с матерью, которая не позволяет ребенку ходить одному, пока тот не может ходить и зависит от нее. Даже когда он делает свои первые самостоятельные шаги, она придерживает его и не дает упасть. Когда человек берет ответственность в свои руки, называя это свободой воли, он, так сказать, теряет ту зависимость от Бога, которая поддерживала его и которая делала Бога ответственным. Поэтому святой человек сперва смиряет себя волей Бога, и затем это может развиваться в его свободную волю и его воля станет волей Бога. Вот что отмечает различие между характером святого и характером мастера: святой полностью покорен воле Бога, а мастер находит волю Бога в своей собственной свободной воле.

Часто мы спрашиваем, почему Бог, – если Он существует, если Он есть любовь и если Он добр и милосерден – допускает, чтобы люди так много страдали, будто наказывает их за что-то? Но вопрос этот возникает из-за нашей ограниченной точки зрения. Если бы наши глаза были открыты и могли глубже заглянуть в жизнь, мы бы поняли, что никакого наказания нет. Во всем видно милосердие Бога, но мы называем Его милосердием только то, что можем постичь и понять; то, что мы не в силах увидеть и понять, мы принимаем за наказание. Ругает ли родитель ребенка или ласкает его, во всех случаях им движет любовь и ничто другое. Тагор сказал: "Когда Ты настраиваешь меня на более высокий тон, я чувствую боль. Но я знаю, Господь, что боль нужна, чтобы настроить меня на правильный тон".

Когда нам удастся обуздать свое волнение и прийти к умиротворению, смирив свою волю перед волей Бога, мы начинаем видеть любовь Бога во всем и никогда больше не впадаем в заблуждение, будто Бог может быть чем-то иным, кроме любви. Вот почему суфий, как правило, не называет Бога Творцом, Царем или Судией, но зовет Его Возлюбленным, Любящим и самой Любовью.

Большинство людей заранее убеждены в чем-то, и это убеждение застилает им взгляд, словно стена. Они даже не пытаются заглянуть немного дальше и довольствуются тем, что уже знают. Нет сомнения, что человек рождается вместе с определенным планом, который должен быть исполнен в его жизни и который не только определяет его инстинкты, качества и дарования, но и предопределяет течение его жизни в целом. На Востоке говорят, что жизнь ребенка можно прочитать по его ступням. Даже крохотная ножка младенца содержит знаки того плана, который должен быть исполнен его жизнью.

Существует легенда, проливающая свет на взаимосвязь судьбы и свободной воли. Жил однажды провидец, служивший привратником в доме богача. На Востоке есть поверье, что ребенок рождается после того, как придет ангел и начертает у него на лбу его судьбу. Так вот,

этот привратник был чудесным человеком, и когда пришел ангел, привратник встретил его в дверях и сказал: "Стой, куда ты идешь? Я здесь хозяин и не позволю тебе войти, пока ты не пообещаешь мне рассказать судьбу ребенка". И ангел рассказал ему. Так привратник поступил и в следующий раз, когда в доме родился еще один ребенок.

Прошло время, родители умерли. В свое время они были богаты, но разорились по какой-то причине, так что детям пришлось покинуть родной дом и искать счастья самим, без всякой поддержки. Тогда старый привратник взвалил на свои плечи обязанность помогать им, но юноши, едва подросли, разъехались по разным странам. Однажды привратник решил, что это его долг – пойти и посмотреть, как им живется. Надо сказать, что для провидца нет ничего более интересного, чем обозреть материальные феномены того, что он видел внутренне как видение; это удовольствие для него, когда все, что он внутренне чувствовал, материализуется и он видит это случившимся на внешнем плане. Для него нет большего наслаждения.

Итак, привратник отправился в путь и наконец нашел первого юношу, служившего кучером и очень опечаленного этим. Он сказал молодому человеку: "Этого нельзя избежать, тебе было суждено стать кучером. Но я дам тебе совет, потому что мне тяжело видеть, как ты, у кого в доме было так много лошадей, вынужден ухаживать за лошадьми другого. Вот тебе немного денег, иди в другой город и постарайся заняться тренировкой лошадей. Богатые люди будут поручать тебе тренировать их лошадей, и я уверен, что ты очень преуспеешь". Юноша спросил: "Могу ли я заняться чем-либо еще?" Он сказал: "Нет, это единственный путь для тебя. Тебе пришлось бы служить кучером всю жизнь, если бы не мой совет. Ты ничего не можешь поделать, это единственная открытая для тебя дверь. Сделай, как я сказал, и ты достигнешь успеха". Молодой человек последовал совету и добился огромного успеха.

Привратник нашел второго юношу и спросил: "Как ты живешь?" Тот ответил: "Как я живу? Я хожу целыми днями по лесу, ловлю птиц и продаю их в городе, но мне едва хватает на жизнь". В то время среди правителей появилась мода держать во дворце птицу Шабаз, царскую птицу. И привратник сказал: "Не лови пернатой дичи, ищи только птицу Шабаз". Юноша возразил: "Но если я не смогу поймать ее, то умру с голоду!" Старик ответил: "Помнишь, кем был твой отец, и кем стал ты?" – "Да, я знаю, что родился несчастливый". Привратник сказал: "Ты станешь счастливее, послушавшись меня. Тебе не надо ничего менять, ты останешься ловцом птиц. Но лови птицу Шабаз, ты сможешь продать ее за миллионы. Вот птица, которую ты должен ловить".

Этот рассказ помогает нам понять действия провидца. Определенный план был начертан для этих юношей, и в то же самое время была возможность для работы свободной воли, но в пределах этого плана. Если бы они не узнали об этой возможности, им пришлось бы владеть нищенскую жизнь. Это великий урок, и те, кто способен понять его, безмерно выигрывают.

Саади, великий персидский поэт, сказал: "Каждая душа рождается для определенной цели, и свет этой цели зажжен в этой душе".

Индусы верят, что люди рождаются с тем, что они называют кармой – прошлые поступки и впечатления, которые душа приносит с собой на землю как хорошее или плохое влияние, за которое надлежит расплатиться. Несомненно, в этом представлении есть определенная часть правды, доказательства чего мы можем видеть очень часто, например в случае, когда обстоятельства вынуждают человека быть слугой, как будто он должен выплатить долг кому-то. У него может не быть даже и малейшего желания служить, но в то же самое время это обрушивается на его плечи, так что он ничего не может поделать. Будто высшая власть предопределила ему такую дорогу, и по собственной воле или по принуждению он должен отдавать все свое время, мысли, привязанности и услуги кому-то еще.

В то же время мы видим, что есть люди, получающие деньги, комфорт, любовь и привязанность от других, независимо от того, насколько все это заслужено. Это показывает нам, что, хотя между тем, что ты даешь, и тем, что получаешь, есть связь, каждый человек все-таки рождается с определенными обязательствами. Очевидно также, что даже самый великий и могущественный человек, помещенный в самые благоприятные обстоятельства, ничего не сможет сделать, если ему суждены какие-либо проблемы, – в таком случае они неизбежны. А в другом случае, несмотря на все препятствия, в жизни вдруг открывается путь; нам не

приходится слишком усердствовать, все идет само собой. Это доказывает существование такого плана, где одни лишь только умения и сообразительность не обеспечивают успеха. Есть моменты, когда нам суждена легкая жизнь, успех и исполнение желаний, а есть периоды, когда нам приходится обходиться без всего этого и ничего нельзя поделать.

Что такое судьба – то, с чем человек рождается, или она – результат его поступков на земле? И то и другое. Представим себе художника, который сначала замысливает картину. Он приступает к работе и так вдохновляется, что чувствует потребность изменить замысел. Работая над ней, он меняет ее до такой степени, что она становится совершенно отличной от той картины, которую он изначально задумал. До такой же степени и жизнь может быть изменена поступком. Правильный поступок, добрый поступок имеет продуктивную и творческую силу и может помочь значительно больше, чем мы себе это представляем.

Вопрос состоит в том, насколько человек может помочь самому себе. Человеку присущи два аспекта. Во-первых, механическое существование, в котором он подобен машине, управляемой условиями жизни, впечатлениями, внешними влияниями, космическими воздействиями и собственными поступками; все происходит, работая механически, и соответственно поворачивает его жизнь. Он не властен над обстоятельствами, он просто инструмент влияний. Чем более выражен этот аспект, тем менее человек развит. Это знак низшей эволюции. Но есть и другой аспект в человеке – созидательный, показывающий, что человек не только частица Бога, но он связан с Богом, потому что его подлинное Я есть Бог. Поэтому не удивляйтесь рассказам о мудрецах, учителях, святых и пророках, приказы которых воздействовали на космос и по чьей воле двигались массы людей. В этом нет ничего удивительного. Внешне все люди одного и того же размера; среди них нет ни одного высотой с верблюда или такого большого, как слон. Внешне люди различаются незначительно. Но внутренне люди несопоставимы друг с другом по величиию духа; несравнима способность к пониманию у одного человека и у другого. Один идет, второй бежит, третий летит, а четвертый ползает, хотя все ходят по одной земле, все живут под одним солнцем и все зовутся людьми. Однако нет такого человека, в котором не было бы хоть проблеска силы, который был бы вовсе лишен возможности изменить обстоятельства жизни проявлением своей свободной воли, – надо лишь осознать, в чем она состоит. Именно отсутствие понимания этого делает человека машиной.

Что касается судьбы, то ее могут изменить не только собственные поступки, но даже мысли других людей. Так, я нередко видел примеры того, как любящая мать была недовольна своим подрастающим ребенком, который не удовлетворял ее. И это всегда так или иначе делало его страдающим. Ребенок мог превратиться в способного человека, прекрасного специалиста, но, если он не оправдывал надежд своей матери, этого оказывалось достаточно, чтобы обречь его на вечные неудачи. Внимательное изучение поможет понять, как это происходит, но с самого детства мы настолько поглощены собственной жизнью и своими интересами, что не задумываемся о том, какое влияние оказываем на мысли и чувства окружающих.

Богатый человек, недовольный своим слугой, говорящий с ним грубо и наказывающий его, может в это время не осознавать того, насколько раним этот слуга, зависящий от него и насильно привязанный к этому месту. Но когда этот богач приходит в свой офис и приступает к делам, он может стать жертвой обратного воздействия того самого укола, который он нанес душе другого. Он даже не знает об этом; он был уверен, что слуга, которого он обидел, не в состоянии отплатить ему тем же, но расплата последует от кого-нибудь другого, хотя обидчик и не поймет, что это наказание за его поступок. Чем больше размышляешь об этом, тем яснее понимаешь, как Бог действует посредством всего живого, даже через посредство животных и птиц. И когда мы будем способны поверить этому, нам не останется ничего другого, как поверить в слова Будды, что суть религии в безвредности. Не причинять вреда другим означает не только воздерживаться от убийства. Многие были убиты без убийства; чтобы уничтожить человека, не обязательно убивать его. Взгляд, слово, мысль могут убить так, что жизнь окажется хуже смерти.

Именно это я имел в виду, когда писал в "Гай-ян": "Мои босые ноги! Ступайте осторожно по дороге жизни, дабы шипы не роптали, что вы топчете их".

Нет конца уважению, когда человек начинает думать об этом. Если в этом есть какая-либо религия, то она состоит в уважении тех чувств, которые могут быть поранены в момент беспечности. Если есть такое место, где пребывает Бог, то оно находится в сердце человека. Неправильное прикосновение к сердцу оказывает воздействие на судьбу. Мы даже не представляем себе, насколько чужие чувства могут изменить нашу судьбу; они могут повлиять на нее даже сильнее, чем наши собственные чувства. А ведь человек всегда желает себе только добра; никто не хочет быть несчастным.

Существуют также планетарные воздействия. В чем они заключаются и какое имеют к нам отношение? Ответ в том, что и сам человек тоже является планетой; и как одна планета связана с другой, так и планеты связаны с человечеством. Естественно, изменение в состоянии планеты и оказываемое ею воздействие влияют на человеческую жизнь. Можно спросить: неужели человек настолько мал, что даже планеты воздействуют на него? Да, если судить по внешности; внешне человек так мал, как капля в океане. Если планету уподобить океану, то человек будет каплей. Но с точки зрения внутреннего мира планета является каплей в океане человека – океане его сердца. Асиф, великий философ, пишет: "Мое невежество, в тот день, когда ты отступишь, мое сердце будет открыто и вся вселенная станет пузырьком в океане моего сердца".

Ограниченность, ничтожность и несовершенство являются результатами невежества. Но когда сердце открывается, вся вселенная входит в него и источник судьбы, ее загадка и таинство оказываются в руках человека. Так каким же образом следует верить в судьбу и свободу воли? Лучший способ верить в судьбу – это считать, что все неприятности, через которые пришлось пройти, являются частью судьбы и принадлежат прошлому, и думать, что мы свободны от них. А лучший способ рассматривать свободную волю – это хранить в уме, что все, что приходит, все, что перед нами – есть результат свободной воли. Сохранять перед собой концентрацию того, что ничто плохое не коснется нас и что все для нас хорошее лежит перед нами. Неверно думать, будто все плохое поджидает нас, запасенное в хранилище, что судьба сохраняет нашу карму, обрекая нас на страдания, предопределяя расплату согласно карме. Тот, кто осознает карму таким образом, будет платить высокие проценты; чем более человек ощущает карму, тем более высокие проценты придется ему платить.

Наконец человек приходит к пониманию, что проявляющаяся во всех вещах и явлениях жизни воля имеет два аспекта: аспект личной воли и аспект божественной воли. Если человек пренебрегает божественной волей, естественно, его человеческая воля потерпит неудачу и он встретится с трудностями, потому что он плывет против течения. В тот момент, когда человек действует в согласии, в гармонии с божественной волей, у него все получается.

Можно возразить, что жизнь вовсе не была легкой для таких великих личностей, как Христос. С самого детства она была наполнена трудностями: родителям пришлось бежать в пустыню, а потом, когда он оказался среди людей, жизнь стала еще тяжелее. Все великие святые и мудрецы прожили тяжелую жизнь, ничто не давалось им просто так. Но разве они шли против судьбы, против воли Бога? Так мы приходим к пониманию того, что воля Бога сталкивается с препятствиями, когда реализуется на материальном плане. В Библии мы читаем: "Да будет воля Твоя и на земле, как на небе", – но на земле Его воле не так легко исполниться, как на небесах.

Это великий урок для нас, и состоит он в том, что есть воля, осуществляющая свою работу сознательно, и есть воля, работающая бессознательно. Однако сознательная работа есть божественная работа. Может случиться так, что божественная воля может столкнуться с трудностями, но в этих трудностях всегда есть свой смысл для нее. Иными словами, неважно, успех это для Бога или поражение, для Божественной силы это ничего не значит, потому что оба результата являются для Бога успехом; неважно также, победил ли человек или проиграл, потому что для человека оба результата являются поражением.

Если человек преуспел в том, чтобы накопить больше богатств или достичь более высокого положения, то что он получит в итоге? Все достанется кому-нибудь другому, который вырвет это у него из рук. Поэтому неважно, имели ли мы успех или поражение в жизни, но, если он был индивидуальным, в конце он будет поражением. Но в случае богоугодных вещей, будь они

поражением или успехом, в конце концов – это всегда успех. Иначе и быть не может, здесь может быть только победа. Нанак сказал: "Зерно, которое находит убежище в центре мельничного жернова, – спасется". Так и человек, который сохраняет близость к Богу. Он получает свою силу и вдохновение от Бога, а если жизнь человека направляется этими силой и вдохновением, то, несмотря ни на какие трудности, путь всегда ровен и в конце приведет именно туда, куда должно.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ИМПУЛЬС

Первый вопрос, который возникает при обращении к теме: что такое Божественный импульс и откуда происходит каждый импульс? Каждое движение, каждая вибрация, каждое побуждение имеют источник. Библия намекает на это, когда говорит, что "Слово было Бог". Слово здесь означает вибрацию, а вибрация означает движение.

Вибрация – это первый, исходный аспект Брахмы, Создателя. Каждый импульс, каждое действие на любом плане своего существования берет начало в одном источнике. В Коране об этом сказано: "Бог всемогущ; нет другой силы, кроме Бога". Все, что делается, делается Его властью.

Если все священные книги соглашаются с этим, то откуда берется Сатана? Какое значение имеет сила Сатаны? Предполагается существование другой силы кроме силы Бога, и иногда эта сила, что приписывается Сатане, кажется более могущественной, чем сила Бога. Многих это ставит в тупик. Объяснение этого противоречия лежит в понимании метафизики и законов природы. Есть один закон – природный закон; все, что происходит в соответствии с этим законом природы, принимает гармоничные формы. Сады, созданные человеком, могут на первый взгляд показаться достижением по сравнению с дикой природой, но в конечном счете начинаешь чувствовать, что их искусственной упорядоченности недостает красоты и гармонии. Вдохновение, которое можно получить в лесу, за городом, значительно сильнее, чем в саду, созданном человеком, там человек имеет ограниченные возможности для вдохновения в силу того, что жизнь, излучаемая человеком, ограничена. Человек придумывает закон, потом понимает, что не может его придерживаться, и придумывает еще один, никогда не достигая удовлетворения, потому что он не принимает во внимание природные законы мира и гармонии.

Говорят, что природа жестока; да, но человек гораздо более жесток, чем животные. Животные никогда не лишают кого бы то ни было жизни в той степени, в которой это совершает человек. Вся кажущаяся жестокость природы ничто в сравнении с жестокостью, невежеством и несправедливостью человека. Иисус Христос говорил: "Да будет воля твоя". Эти слова многому должны нас научить. Человек изменяет мир, в котором живет, не согласуясь с планом Бога и законами природы, так что воля Бога оказывается не выполнена; эта молитва учит человека тому, что он должен искать понимания воли Бога. Для птиц и животных совсем необязательно искать, что такое воля Бога, поскольку ими управляют природные импульсы; они ближе к природе, чем человек, однако жизнь человека настолько отделилась от жизни природы, что каждое движение ему дается с трудом. В настоящее время мы не осознаем этого; несмотря на все наши знания, мы делаем жизнь все более и более трудной, и поэтому борьбы становится все больше и больше. Для каждого человека – старого или молодого, бедного или богатого – жизнь оказывается тяжелой борьбой, потому что мы все сильнее отдаляемся от импульса, исходящего непосредственно от источника всех импульсов.

С метафизической точки зрения, обстоятельствами жизни человека управляют особые ритмы, называемые в веданте сатвой, раджасом и тама-сом. Тамас – это хаотический, разрушительный ритм, и каждый импульс, исходящий от человека, настроенного на этот ритм, приводит к деструктивным результатам. Импульс, исходящий от человека, действующего в ритме раджас, непременно окажется результативным, но импульс, порожденный ритмом сатвы, приносит вдохновение и находится в гармонии с ритмом вселенной.

Активная жизнь человека оставляет мало времени для сосредоточения и для приведения ума и тела в состояние, при котором возможно испытать ритм, дающий вдохновение, и

встретиться с Божественной волей. Этот опыт приходит в ответ на молитву Христа, которую я уже упоминал выше: "Да будет воля Твоя и на земле, как на небе". Достигая такого состояния ума и тела, человек настраивает себя на определенный лад, который гармоничен и возвышен, и в этом строе божественная воля исполняется столь же легко, как и на небе. И лишь в этом ритме Божественная воля может быть исполнена.

Великие духом уходили в леса и горы не из предубеждения против мира; они шли туда для того, чтобы настроиться на тот ритм, в котором они могли бы познать небеса. Небеса – это не страна и не континент, это внутреннее состояние, ощущаемое лишь в том случае, если внутренний ритм совершен и действует безотказно. Тот, кто знает это, поймет и то, что человек сам ответствен за собственное счастье. Человек является врагом самому себе; он ищет счастья в неверном направлении и никогда не находит. Это непрекращающаяся иллюзия. Человек думает: "Если бы только у меня было то или это, я стал бы навеки счастлив", – но никогда не бывает счастлив, поскольку стремится за иллюзией, а не за истиной. Счастье можно найти только внутри себя, и, если человек правильно настраивается, он найдет внутри себя все, чего желает его душа.

Природа всякого импульса такова, что он проходит через три стадии; как только он выходит наружу, он осуществляется как результат, хороший или дурной, полезный или вредный. Нет такого импульса, который, едва родившись, был бы дурным, бесполезным или негармоничным, потому что по большому счету каждый импульс имеет определенное назначение. Мы судим о нем из нашего ограниченного кругозора, тогда как справедливость, скрытая за всем, так совершенна, что окончательный результат все ставит на свое место. Так как всякое начало имеет свою цель, а конец является ответом на запрос, то не в начале и не в конце, но лишь в процессе развития импульс проходит то, что становится правильным или неправильным. Это вопрос метафизики, и его необходимо рассмотреть с различных точек зрения, чтобы не прийти в замешательство. Человек со своим незначительным знанием готов осуждать или восхищаться, и в тысячах и тысячах случаев ему не удастся судить верно. Это понимали все великие души, достигшие просветления. Христос учил: "Не судите..." Тогда к человеку приходит терпимость, и тогда он осознает, что же стоит за импульсом, и говорит очень мало.

Сперва импульс поднимается в сферу чувств, в которой он либо укрепляется, либо разрушается. Чувство может быть любое: любовь или ненависть, доброта или злоба, – но в каждом случае импульс, достигший этой области, обретает силы идти вперед либо разрушается. Например, в человеке может быть великое чувство доброты, но, когда в нем поднимается импульс мщения, этот импульс разрушается прежде, чем он будет материализован. В другом человеке сильно чувство горечи, так что импульс прощения будет разрушен прежде, чем он коснется ума; он даже не вызовет мыслей справедливости, потому что чувство горечи разрушит его. Или, если в очень злом человеке возникает импульс совершить добрый поступок, он будет разрушен прежде, чем достигнет царства разума – второй стадии, через которую проходит импульс в своем развитии. Если он все же поднимается в эту сферу, человек начинает размышлять: "Зачем я стану помогать? Зачем буду оказывать услугу? Заслуживает ли другой человек этого? Пойдет ли это ему на пользу? Правильно ли это?" Все эти вопросы разрешаются в области разума. И в третьей стадии он достигает царства действия. Если разум отвергает импульс, он не идет далее, но если разум одобряет его, он поднимается в сферу действия и превращается в результат.

Можно спросить, как мудрецы и мыслители отличают божественный импульс от множества прочих импульсов, появляющихся в сердце человека. Прежде всего нужно понять, что подразумевается под словом "божественный". Это слово обозначает состояние совершенства, которое познается Богом через человека; иначе говоря, когда человек достигает уровня развития, на котором он может служить совершенным инструментом Бога, когда ничто в его существе не становится препятствием на пути прямого импульса, идущего изнутри, такой дух может быть назван совершенным. Это главная ценность, и цель человеческой жизни состоит в том, чтобы достичь такого состояния совершенства, при котором человек может стать совершенным инструментом Бога.

Когда человек достигает этой ступени, он сначала осознает Бога лишь в отдельные моменты; потом, по мере развития, осознание длится дольше, а те, кто продвинулся еще дальше, проводят в этом осознании основную часть времени. Их чувства и мысли уже не застилают божественный импульс, он свободно поднимается и обнаруживает волю Бога. Послание пророков и учителей всех времен учило человечество быть в мире с Богом. Исполнение жизненного предназначения заключается в том, чтобы войти в гармонию с Богом, а это достигается умением различать божественный импульс.

Божественный импульс можно отличить от любого другого, подобно тому, как в музыке легко отличить чистую ноту от фальшивой, гармоничное созвучие от диссонанса. Это вопрос тренировки слуха. Человек, развивший слух, замечает даже самое маленькое неблагозвучие; чем одареннее музыкант, тем выше его способность отличать гармонию от дисгармонии, чистую ноту от фальшивой. Многие думают, что мы называем правильным или неправильным, хорошим или плохим то, чему мы научились или к чему мы привыкли. Это истинно для правды и неправды, созданных человеком, но каждый ребенок имеет чувство того, что естественным образом правильно и неправильно. Ребенок моментально чувствует неверную вибрацию. Он чувствует, гармонично ли его окружение или нет, но взрослый человек до такой степени сам себя смущает, что утрачивает способность ясного различения. Научиться познавать самому – великое достижение на духовном пути. Если человеку ясно, какое чувство он испытывает при каждом импульсе, он далеко продвинулся. Люди часто говорят, совершив дурной поступок: "Мне очень жаль", – но ведь уже слишком поздно, а значит, это не является подлинной "тренировкой слуха".

Божественный импульс исполнен любви; он дарит счастье, он творит мир. Трудность в том, что не каждый человек замечает момент рождения импульса, большинство видит только результат. Такие люди подобны пьяным и со временем, как то и бывает с пьяницами, начинают чувствовать растерянность и угнетенность, сражаются и страдают. Но человек рождается не для этого; он рождается для счастья. Мир, любовь, доброта и гармония – все это части его существа, и, если человек несчастен, это значит, что он потерял себя и не знает, где он.

Человек жаждет чудес, общения с духами и призраками; он всегда ищет чего-то сложного, тогда как нет в жизни ничего более простого и более ценного, чем познать свою истинную суть.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Все, что получает человек, в действительности он достигает сам. Я не хочу сказать, что человек не может сделать что-либо, создать, заработать, заслужить или получить случайно. Все, что происходит с человеком, может прибыть к нему любым из этих пяти способов, но в то же время ко всему этому он приходит сам. Эти пять путей – сферы, через которые прибывает к человеку определенная вещь, но причиной этого является сам человек. Эта неуловимая идея остается скрытой от человека, пока тот не проникнет в суть закона жизни и с ясностью не рассмотрит его внутренний механизм. Например, когда говорят, что некто достиг высокого положения, статуса, богатства или славы своей работой, внешне это может показаться правдой; однако многие другие тоже работают, но не добиваются этого. Кто-то скажет, что благословение Провидения нисходит на того, кто этого заслуживает, но в жизни есть много противоположных примеров, когда удача достается тем, кто вовсе ничего не заслуживает.

На каждый пример проявления свободной воли находится доказательство абсолютной беспомощности человека во всех сферах жизни. Впрочем, что касается идеи случайности, то и против нее найдется много возражений, поскольку более глубокое проникновение в жизнь доказывает, что нечто кажущееся случайностью в действительности ею не является, а лишь представляется, потому что иллюзия есть природа жизни.

Каждая душа, если можно так выразиться, постоянно прокладывает себе путь к чему-то, иногда сознательно, а порой неосознанно. Поступки, совершаемые человеком на внешнем плане бытия, являются лишь видимостью действия и не имеют ничего общего с внутренней деятельностью, которую можно сравнить с путешествием. Не каждый знает, куда он держит

путь, но каждый идет своим путем; идет ли он к желанной цели или к той цели, которой никогда не желал, он не знает. Но когда цель оказывается достигнута на физическом плане, человек осознает ее и говорит: "Я не работал ради этого, я не создавал этого, не старался это заслужить и не добивался. Как же это могло произойти?" Если есть цель, которую он желает, тогда, возможно, он выдает себе кредит на нее и пытается поверить, что он осуществит ее тем или иным способом. Но если он никогда не желал этого, он хочет приписать это кому-то другому или предположить, что по той или иной причине было необходимо, чтобы так произошло. На самом деле по окончании путешествия человек просто-напросто прибывает на место назначения; он не может уверенно сказать, что создавал это, добивался этого, заслужил или же получил это по чистой случайности. Можно сказать лишь одно: человек шел к этому, сознательно или неосознанно, и наконец пришел. Вот почему в действительности никто, независимо от своего опыта, не покидает пути к желанной цели.

Как бы там ни было, но самое главное – связать внешнее действие с внутренним путешествием, потому что гармоничность этого путешествия, без сомнения, будет источником простоты и удобства. Именно это имеют в виду, когда говорят, что человек должен пребывать в гармонии с самим собой. Как только такая гармония установлена, человек начинает видеть причины всех вещей гораздо более ясно.

Возникает вопрос о том, каким образом можно добиться гармонии между внутренним путешествием и внешним действием. Чаще всего случается, что человек настолько поглощен своим внешним действием, что его внутреннее отношение к происходящему оказывается скрыто от него. Поэтому в первую очередь необходимо устранить этот экран, застилающий от взгляда внутреннее отношение. Каждый человек осознает, что он делает, всегда осознает свое внутреннее отношение; иначе говоря, каждый понимает, что делает, но не каждый непременно понимает, куда идет.

Без сомнения, чем в большей степени человек осознает свое действие, тем меньше оно становится. Хотя мысль и контролирует действие, она только дает ритм, равновесие в жизни. В сравнении с тем, кто умеет бежать, но не знает, куда движется, пешеход, идущий медленно, но знающий, куда он идет, сильно выигрывает.

Каждое действие имеет два различных аспекта: есть действие внутренней жизни и действие внешней жизни – внутреннее бытие и внешнее бытие. Внешнее бытие – это наше физическое действие, а внутреннее бытие – наше отношение. Оба могут быть действиями свободной воли, но в определенном смысле оба оказываются механическими, или автоматическими. Внутреннее действие имеет большую власть над внешним и оказывает на него серьезное влияние. Человек может быть весь день занят какой-нибудь работой, но, если в это время его отношение работает против, он никогда не добьется успеха. Человек может заслужить большую награду за внешнее действие, но не заслужить ее за свое внутреннее действие, а если эти два действия противоречат друг другу, то ни к какому конструктивному результату это не приведет и желанная цель не будет достигнута. Подлинный результат, желаемый результат приходит только при гармонии между этими двумя действиями.

Этот вопрос имеет еще одну сторону – метафизическую. Есть два вида познания жизни – посредством чувств и посредством отрешенности. Действия связаны с чувствованием, а отрешенность – с покоем. Оба они имеют свое место в жизни, хотя по причине наших каждодневных устремлений и интересов мы оказываемся почти полностью поглощены чувствованием. Под чувствованием я понимаю всякое впечатление, поступающее к нам через посредство органов чувств: это и любование прекрасным предметом, и слушание музыки, и наслаждение линией и цветом, вдыхание приятного аромата, познание жизни через прикосновение – ощущение мягкости, жесткости, тепла, холода и многое другое. Наш отдых, удовольствия, ощущение комфорта и удобства, занятия спортом и любым другим видом деятельности в течение всего дня – все это связано с чувствованием. А самый важный опыт – возвышение, отрешенность – оказывается забыт. Единственный известный нам вид отрешенности – это отдых и сон, и мы только спим и отдыхаем, потому что больше ничего не можем поделать. Многие хотели бы вовсе не отдыхать, если бы могли. Однажды мой очень

занятой друг из Нью-Йорка сказал мне, что лучше бы в сутках было не 24 часа, а 48, потому что так много всего надо успеть сделать!

Те, кто отдыхают, делают это не ради отдыха, и также обстоят дела со сном: мы не призываем сон; мы ничего не можем поделать, когда он приходит. Мы никогда не задумываемся о самом важном в жизни – об отрешенности; и все потому, что чувство – это движение, действие, то есть то, что мы предпочитаем, в то время как отрешенность – это отсутствие движения и действия. Чувствование создается ритмом; именно быстрота ритма создает чувствование. Отрешенность не такова, она означает покой, тишину, расслабление. Человек совсем этим не интересуется, пока не узнает, что это дает ему. Все пророки, учителя духа и наставники во все времена учили искусству релаксации, искусству покоя в разных формах, будь то религиозные церемонии, оккультные практики, в виде ли молитвы или в виде молчания.

ПРОЯВЛЕНИЕ, ПРИТЯЖЕНИЕ, УСВОЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВО

Абсолют и в проявленном и в непроявленном состоянии является разумностью. Именно проявление этой разумности можно назвать светом, жизнью и любовью. Более плотная форма разума есть свет. И как солнце является источником не только луны, планет, звезд, но и огня, пламени, жара и всех прочих аспектов света, так и высший Дух является источником всех аспектов проявления. Солнце – это средоточие всепроникающего сияния.

Свет, который был распространен повсеместно, начал функционировать в одной точке, благодаря чему он стал более пылающим, более мощным, чем сияние, остававшееся в пространстве. Опять же, этот свет действует в Луне, а различные его потоки действуют в планетах и звездах. Вот точная картина происхождения творения. Всепроникающий свет разума сначала сам себя сконцентрировал, став духом всей вселенной, и оттуда он начал проявляться. Так всеведущий дух, сосредоточив себя в одной точке, стал источником как видимого, так и невидимого проявления. Поэтому мудрецы во все времена поклонялись солнцу как символу Бога, хотя солнце является лишь внешним символом Бога.

Внимательное изучение зарождения солнца и его воздействия на все в жизни поможет нам понять божественный Дух. Тепло, газовое и электрическое освещение, горение каменного угля, костра, пламени свечи или масляного светильника – эти различные проявления света находят свой источник в солнце; именно солнце проявляет себя во всех этих различных формах, хотя в основном мы привыкли считать солнце отделенным от всех этих аспектов света. Так же и высший Дух проявлен во всех формах, всех вещах и живых существах, в видимом и невидимом мирах и все-таки стоит в отдалении от них, как солнце отдалено от прочих форм света. В Коране сказано: "Бог есть свет небес и земли", – и в действительности все формы, какими бы плотными они ни были, являются до определенной степени сиянием того духа, который есть свет всего. Различные цвета являются различными степенями того же самого света.

Высший Дух, источник всех вещей, имеет два аспекта: слышимый и видимый. В слышимом аспекте Дух есть Слово, – так в Библии зовется звук; индусы называют его нада. В своем физическом аспекте высший Дух является светом; в более тонком аспекте – светом разума, а в более плотном – свечением всех предметов и вещей. Проявление – это феномен света, распространяющегося в трех направлениях; это и составляет подлинный смысл Троицы. Одно направление образует видящий свет, другое – видимый свет, а третье – свет, показывающий вещи. Иными словами, глаза, которые видят, объект, который видим, и свет, дающий глазам возможность видеть объекты, представляют собой один и тот же свет, действующий в трех направлениях. В Коране есть сура, гласящая: "Я создал твой свет, и твоим светом я сотворил вселенную". Иначе говоря, всепроникающий Дух говорит своей централизованной части: "Сначала я сделал тебя, а из тебя я сотворил всю вселенную". Это ключ к творению.

Процесс проявления подобен испусканию лучей солнцем. Почему солнце посылает свои лучи? Потому что такова его природа. Тот же ответ следует дать и на вопрос, почему высший

Дух проявляется. Такова его природа. Как только всепроникающий свет собрался в точку и образовалось солнце, оно начало посылать лучи. Так же и всеведущий свет начал испускать свои лучи, едва только собрался в одной точке; и как многочисленны солнечные лучи, так же многочисленны лучи духа разумности, другими словами, Бога, Истинного Я. Каждый такой луч – это душа. Как лучи – это проявление солнца, так люди – это проявление Бога. Лучи проникают далеко, но все-таки сохраняют свою связь с солнцем.

По мере продвижения лучи разума встречают на пути разные планы, первый из которых – ангелический. Второй – это план джиннов, а третий – физический. Разве эти лучи покинули совершенный Дух для того, чтобы прийти на ангельский план, или же они покинули ангельский план для того, чтобы прийти на план джиннов, покинули ли они план джиннов для того, чтобы прийти на физический план? Нет, они прошли через все три плана, а проходя, получили от каждого из них все, что могли получить, познали все, что должны были познать, и собрали все, что должно было быть собрано. И они все еще существуют на каждом из трех планов, хотя и не знают об этом. Они осознают только свое пребывание на том плане, где этот луч открыл свои глаза. Иначе говоря, сидя в этой комнате, мы видим лишь то, что находится у нас перед глазами, а не то, что находится у нас за спиной. Так и каждая душа оставила позади себя ангельский план и план джиннов, но перед глазами у нее есть только этот физический план. Поэтому она сознает лишь физический план и не сознает те планы, от которых она отвернула свои глаза, хотя даже после проявления на земле она сохраняет связь с высшими сферами. Она живет во всех сферах, но знает большей частью только одну из них и не подозревает о тех, к которым повернута спиной. Так душа, отрешенная от небесного блаженства, познает тяготы и ограничения земного существования. Адам не был изгнан из садов Эдема; он просто отвернулся от них, и это сделало его изгнанником небес.

Души, полностью открывшие глаза на ангелическом плане и привлеченные им, остались там; обитателей этого уровня бытия мы называем ангелами. Души, чьи глаза не открылись полностью на этом плане, но только прошли сквозь него, и если их привлек план джиннов, они остались там. Души, продолжившие путь к проявлению и добравшиеся до физического плана, влекомые своей судьбой, открыли глаза здесь и стали людьми, то есть обрели самое пробужденное состояние из всех.

Об этих планах иногда говорят так, будто они представляют из себя то или иное место. В действительности они являются состояниями, хотя то, что мы зовем местом, тоже есть состояние. Только жесткость физических явлений позволяет нам считать этот план местом, но на самом деле он является состоянием. Вот почему те, кто понял это, зовут наш мир иллюзией.

Человек, переехавший из Америки в Европу, а из Европы – на Восток, привез с собой в Европу что-то от Америки, а потом взял с собой на Восток что-то от Европы. Так и всякая душа, пришедшая на землю, приносит с собой нечто от ангельского плана и нечто от плана джиннов, и в ее жизни на физическом плане проявлено то, что она принесла с тех двух других планов существования. Невинность, любовь к красоте, глубокая симпатия, любовь к песням, стремление к уединению, любовь к гармонии – все это признаки ангельского плана. Изобретательность, созидательный гений, интеллектуальность, склонность к размышлению, к законности и справедливости, поэзия и наука принадлежат плану джиннов. Поэтому мы и говорим о тех, в ком замечаем эти черты, что "это ангельская душа" или "это гений".

Душа носит внешние одежды и внутренние одежды; это они придают душе облик человеческого существа, принадлежащего к физическому плану. Один покров скрывается под другим. Может показаться, что одеяние плана джиннов должно быть меньшего размера, чем на физическом плане, а одеяние ангельского плана – еще меньше, поскольку оно надето под одеяние плана джиннов. Но это не обязательно так. Чтобы быть видимым для нашего человеческого глаза, нечто должно иметь определенную частоту вибрации. Вибрация одеяния плана джиннов настолько тонка, что наши физические глаза не могут ее увидеть, хотя одеяние этого плана настолько же внутреннее, насколько и внешнее. Его размеры не обязательно должны быть такими же маленькими, как наше физическое тело; в действительности они несравнимо шире.

То же самое с одеянием, которое душа приняла на ангелическом плане, и оно не обязательно

такое маленькое, что не в состоянии укрыть два других одеяния, описанных прежде, но наоборот, оно даже шире и тоньше. Однако глаза этого плана не могут увидеть его; он вибрирует слишком быстро, а мы способны видеть лишь вещи согласно с их частотой вибраций. Но если какие-то вещи невидимы, то это не значит, что они невидимы по своей природе, это означает только, что они таковы для нашего взгляда. До тех пор, пока мы зависимы от наших физических глаз, для того чтобы видеть, естественно, мы называем невидимым то, что глаза не могут видеть. Это незримо только потому, что мы не можем видеть это как форму, поэтому не будет преувеличением сказать, что человек, поскольку его душа прошла через оба этих плана, является в то же время и джинном и ангелом. Он не знает этого, но проявляет качества этих двух планов. Качество любви в человеке, чувство прекрасного, радость, вдохновенный порыв – все эти тенденции, кроме всего прочего невинность человеческой природы, приходят с ангелического плана. Чистота в лице новорожденного доказывает нам, что его душа только что прибыла с ангелического плана. Улыбка младенца, его дружелюбие, его готовность ощущать все вещи прекрасными, его любовь к жизни – все это признаки ангелических сфер.

Пробыв на земле подольше, душа утрачивает ангелические качества и принимает новые, тогда как младенец проявляет ангелические качества, ребенок постарше демонстрирует качества джинна: он стремится узнать все о названиях и формах, он постоянно с громадным любопытством задает матери и окружающим вопросы обо всем, что видит. Когда человек прошел и эту стадию, он кажется наполненным несчастьями, заботами и беспомощностью.

В некоторых людях мы видим преобладание ангельских качеств; они добры, безгрешны, невинны, способны к прощению, чистосердечны, праведны, добродетельны, любители красоты и всегда стремятся к высшему вдохновению. Внимательно изучив человеческую природу, мы бы нашли великое множество примеров ангелического естества. В то же время на земле немало поэтов, композиторов, интеллектуалов, писателей и изобретателей, в которых сильны качества джиннов.

Зачем души приходят на землю? Для чего было необходимо творение? Какова цель этого проявления? На все эти вопросы можно ответить одним словом: удовлетворение – удовлетворение Бога. Почему без этого Бог не будет удовлетворен? Потому что Бог – Единосущий, а главное желание сущего – начать осознавать свое существо. Это сознание испытывает жизнь по различным каналам, во множестве имен и форм, и в человеке это осознание бытия достигает своей высшей точки. Проще говоря, именно через человека Бог испытывает жизнь в ее высшем совершенстве. Если кто-либо спросит, какова обязанность человека перед лицом этой цели? Ответом будет: самая священная его обязанность – достичь совершенного сознания, которое является его дхармой, его подлинной религией. Для того чтобы исполнить свой долг, ему, может быть, придется бороться с самим собой, пройти через страдания и боль, через испытания и искусы, но, принеся множество жертв, практикуя отречение, он достигнет того сознания, которое является богосознанием и в котором пребывает все совершенство.

Как мы уже видели, при внимательном изучении человеческой природы найдется немало людей с ангелической природой, а также те, кто демонстрирует джиннические качества; однако большинство людей демонстрирует человеческие качества. Эти качества тоже могут быть разделены на три класса: собственно человеческие качества, животные и демонические, в зависимости от частоты вибраций и ритма. Интенсивный ритм производит демоническое качество, средний показывает животное качество, а спокойный ритм показывает человеческие качества. Характер этих ритмов может быть описан следующим образом: человеческое качество подвижно, животное качество неровно, а демоническое качество – это зигзаг.

Науке известно явление материальной гравитации, которое заставляет все, что принадлежит земной тверди, притягиваться к ней. Но совершенно таким же образом все то, что принадлежит духу, притягивается к духу. Поэтому человека тянет и вверх и вниз, причем гораздо сильнее, чем любое другое земное существо, поскольку он из всех наиболее близок к

духу. С одной стороны, земля требует его тело, с другой – дух взывает к его душе. Если человек позволяет победить земному притяжению, тело приковывает его душу к земле; если он отдается на волю притяжения духа, душа увлекает его тело к духу. Таким образом человек оказывается объектом влияния закона притяжения как со стороны неба, так и со стороны земли.

Закон притяжения похож на тот закон, что управляет отношениями солнца и его лучей. Луч никогда не покидает солнца; его тенденция заставляет его исходить, затем отдаляться, а потом возвращаться обратно к солнцу, вливаться в него. Таково и устремление души. Как бы ни зависело тело человека от земной тверди, как бы ни был его разум связан со сферой интеллекта, душа имеет постоянное стремление отдаляться от своего земного происхождения. Но поскольку физическое проявление говорит громче всего и разум производит собственный звук, краткий зов души остается неслышимым.

Как мы уже видели, душа, проходя через разные планы существования, заимствует с каждого из них все, что принадлежит этому плану: качества, склонности, идеи, мысли, чувства, впечатления, а также плоть, кожу, кости, кровь. Но все, что душа собрала в странствии, она должна вернуть, когда выполнит свою работу, потому что все ее приобретения давались ей на время и с определенной целью. Когда эта цель достигнута и приходит время, каждый план требует вернуть ему то, что душа у него одолжила. Душе не остается ничего другого, как вернуть это назад. Этот процесс называется ассимиляцией. Поскольку человек рождается жадным и эгоистичным, он охотно и с энтузиазмом принимает то, что ему дается, но отдает это назад с недовольством, называя это смертью.

Итак, ассимиляция означает возвращение земле той физической материи, которую душа использовала на физическом плане. Тело ассимилируется, поглощается землей, и душа оказывается свободной от той ноши, которую она на себе несла, и начинает испытывать большую свободу и легкость. Так что смерть – это просто освобождение души от ограничений и из величайшего плена.

Смерть не что иное, как снятие с души одной ее одежды и возвращение этого покрывала тому плану, с которого он был взят, так как душа не может взять с собой на высший план оболочку низшего плана. Душа освобождается, когда по собственной воле или по принуждению сбрасывает этот более тяжелый и плотный покров; и это освобождает душу от дальнейшего путешествия. После пребывания на очередном уровне путь должен возобновиться, поэтому душа снова должна вернуть свое одеяние и очиститься от него для того, чтобы идти дальше.

Если бы люди знали это, они бы иначе смотрели на жизнь. Они бы поняли смысл морали, что мы не можем оставить себе то, что нам в действительности не принадлежит. Изучив эту философию, мы приходим к выводу, что даже наше тело не принадлежит нам. Это заимствованная собственность, и в свой день и час эту собственность надлежит вернуть. Вот почему мудрецы отрекаются от тела прежде, чем будут вынуждены отдать его. Все духовные практики, даваемые учителями, практикуются для этой цели: что уже сегодня мы должны отказываться от своего тела, чтобы мы не испытывали боли при потере того, что мы считаем самым драгоценным.

Это знание проливает свет на вопрос смерти. Смерть в действительности не смерть; она только переходная фаза, она просто перемена, подобная перемене одежды. Порой мы хотим узнать, становимся ли мы меньше, умирая. Но это не так. Умирая, мы становимся больше, а не меньше. Едва только одеяние физического плана сброшено, душа испытывает величайшую свободу, величайшее освобождение, потому что ограничения физического тела еще более велики. Физическое тело тяжело давит на душу, и в тот день, когда эта ноша удалена, душа испытывает облегчение; ее способности, стремления, вдохновение, силы – все проявляется с большей свободой. Так что смерть – это не потеря.

Что приводит нас к смерти? Либо тело, слишком ослабевшее, чтобы как следует служить душе, либо душа, исполнившая свое предназначение на этом плане и не нуждающаяся больше в теле. Тело вцепляется в душу, а душа держит тело, таково положение. Если тело становится слишком немощным, оно естественно теряет захват души, пока наконец оно не будет терять его более и более и не сможет дальше удерживать душу. Душа, в свою очередь, держит тело до тех

пор, пока оно ей для чего-либо нужно; когда душа не видит дальнейшей цели, тогда она ослабляет хватку удерживающую тело. И так постепенно тело отталкивает руки души.

Так протекает процесс умирания, противоположный процессу рождения. Человеческие тела – это глина, необходимая, чтобы сделать тело для души. Душа стучится в двери физического плана, и тело дается ей. Символом этой философской идеи является Купидон.

Жизнь на плане джиннов длиннее, чем на физическом плане. Ее можно назвать жизнью после смерти. Но и там наступает время, когда необходимо вернуть назад плану джиннов все, что было с него позаимствовано, так как это больше не принадлежит душе. Так что никто не может захватить с собой что-либо от субстанции другого плана; каждому плану свойственна собственная субстанция, которая должна быть ему возвращена. Для души это единственный способ освободиться от ограничений того плана, дабы подняться над ним. Поднимаясь еще выше, душа оказывается вынуждена отказаться даже от ангельских качеств. Они должны ассимилироваться на ангелическом плане, перед тем как душа растворится в великом Океане, высшем Духе. Это растворение называют слиянием с подлинным Я.

Этот процесс может научить нас одной очень важной вещи: каждая душа, движущаяся от источника к проявлению, делится тем, что она несет от источника, со встречными душами, а те, в свою очередь, отдают ей то, что они собрали. Этот обмен служит причиной различных состояний жизни, в которые тот или иной человек оказывается помещен, приходя на землю. Один умен – второй недалек; один рождается в богатой семье – второй в нищете; один здоров – второй болен; у одного есть великая цель – второй не знает, чем ему заняться. Все это предопределено. Чем? Тем, что фактически душа, идущая от источника, уже собрала все на своем пути от душ, возвращающихся к источнику.

На планах, через которые проходит душа, происходит принятие и отдача, и это происходит между теми душами, которые идут от источника к проявлению, и душами, возвращающимися от проявления к источнику. Подобно тому, как путешественники, один из которых движется из Азии в Америку, а другой из Америки в Азию, могут встретиться в Европе и обменяться деньгами или мыслями, уносят с собой сомнения, знания, счастье или несчастье друг друга, так и наши души получают опыт жизни на земле. Одна душа, часто даже не зная об этом, получает маршрут, который ведет ее к богатству и успеху, а другая берет курс к неудачам и ошибкам. Все зависит от первоначально заданного направления. Хафиз поэтически объяснил эту идею, сказав, что у каждого свое вино и любовь каждого соответствует вину, которым он владеет. Будь это вино счастья, радости или вино печали, нищеты, вино храбрости или страха, доверия или недоверия, веры или неверия, человек действует, опьяненный этим вином, показывая действие этого вина миру.

В том обмене, который происходит между душами, идущими от источника к проявлению и возвращающимися назад от проявления к источнику, одна приобретает вино эгоизма, а вторая – вино бескорыстия. Персидский поэт Бедиль сказал: "Перед рассветом пролилось вино – вино, взятое из глаз возлюбленного". Под рассветом подразумевается рождение, то время, когда душа начинает путешествие с ангелического плана, а глаза возлюбленного означают этот самый обманчивый мир. Первая чаша вина, выпитая душой, предопределяет ее дальнейшую жизнь.

Многие верят, что человек, достигший более высокого уровня развития, обогащается знаниями. Конечно, более высокое развитие само по себе есть знание; но знание, которое человек получает из земных источников, это не та монета, что имеет хождение на других планах. Человек копит монеты земного плана, такие же мелкие и ограниченные, как и этот мир. Мне забавно бывает видеть человека, который приходит ко мне и говорит: "Я прочитал так много книг по оккультной науке; думаю, я совершенно готов к посвящению". Представьте себе, каким образом чтение книг по оккультизму может приблизить человека к духовности? Язык той страны отличается, интеллектуальное знание не имеет там хождения; познание там состоит в забывании того, что мы выучили тут. Вопрос духовного достижения – нечто совсем иное, и мы с ним имеем дело с совершенно другой точки зрения.

Состояние души можно сравнить с зеркалом. Оно отражает предмет, расположенный перед ним, но отражение не гравировано на зеркале, предмет занимает его лишь на то время, на которое он заслоняет зеркало. Таким же образом душа заслонена своим опытом; иными

словами, наш опыт может обманывать душу, он может закрывать ее и даже упрятать ее, но не может проникнуть в нее. Так же и то, что мы называем индивидуальностью, есть только временное состояние, и как только душа пробуждается, она больше не придает такого большого значения индивидуальности, которая есть нечто, сделанное из одеяний, заимствованных с различных планов. Это что-то вроде куклы, сшитой из лоскутков. Когда мы понимаем это, то отдаем все свое внимание душе – душе, которая реальна, которая пришла от реальности и ищет реальности.

Наконец, последний вопрос: в чем может быть причина сотворения человека? Что-нибудь достигается этим? Да, осуществление достигается проживанием жизни. Это божественное осуществление, когда опыт привел душу на ту высоту, на которой она становится уже не только индивидуальной душой, но начинает осознавать все планы бытия, не только источник, но и все области ограничений. И когда все вдохновение и все силы, дремавшие в человеке, оказываются в его распоряжении, тогда это осуществление называется совершенством. Об этом совершенстве и говорил Иисус Христос: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный".

КАРМА И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

I

Индийская теология придает учению о карме гораздо больше значения, чем религии Бенэ Израэля. Под индийской теологией я подразумеваю не только ведантизм, или брахманизм, но и буддизм, а к числу религий Бенэ Израэля отношу кроме иудаизма христианство и мусульманство. Вся индийская философия основывается на учении о карме, но и моральные основы религий Бенэ Израэля опираются на нее; разница лишь в том, что в первом случае философия базируется на карме, а во втором случае – на морали.

Слово "карма" означает "действие". И это вполне понятно: что посеешь, то и пожнешь; настоящее является эхом прошлого, а будущее – отражением настоящего, и поэтому логично, что прошлое формирует настоящее, а настоящее создает будущее. Между тем, в школе суфиев мало что говорится об этом предмете, поэтому люди, увлеченные учением кармы, часто спрашивают, не выступает ли суфизм против этой идеи. Суфизм совсем не против этого, но восприятие суфия таково, что ему ничего другого не остается, кроме как сомкнуть уста.

Прежде всего, отметим, что человек называет вещи правильными или неправильными лишь в соответствии со своими знаниями. Он называет правильным то, что он знает как правильное, то, что он научился называть таковым. А то, что он научился называть неправильным, он считает неправильным. И именно таким образом нации, общества и расы имеют различные представления о добре и зле. Человек считает другого злодеем только на том основании, что его знание определяет поступки другого как неправильные. А откуда он знает, что то или это плохо? Он знает это потому, что он так обучен, потому, что он прочел об этом в книге или услышал от других. С ужасом, ненавистью и предвзятостью смотрят люди на дела других людей, сообществ, наций и рас, а между тем, на делах и поступках нет ни меток, ни печатей, ни ярлыков – ничего, что определяло бы их как правильные или неправильные. Это одна сторона вопроса.

Есть другой способ смотреть на это. С каждым шагом развития представление человека о добре и зле, о дурном и хорошем меняется. Как оно меняется? Начинает ли человек видеть больше плохого или меньше плохого по мере развития? Естественно, можно подумать, что с высоты собственного развития и добродетельности человек начинает замечать больше плохого, но в действительности все обстоит наоборот: чем больше человек развивается, тем меньше зла он видит, потому что он начинает принимать во внимание уже не действие само по себе, а стоящий за ним мотив. Порой поступок, кажущийся правильным, может принести зло из-за мотива, стоящего за ним. Иногда поступок, внешне неправильный, оказывается правильным, если учесть мотив. Поэтому, если невежда всегда готов сформировать мнение относительно

поступков другого, для мудреца нет ничего более трудного, чем сформировать мнение о чьем-либо поступке.

С религиозной точки зрения, если человек развивается духовно, он видит все меньше и меньше плохого на каждом новом этапе своего развития. Разве может Бог принимать во внимание каждую мельчайшую промашку человека – существа, которое так мало знает о жизни? Мы читаем в Библии: "Бог есть любовь", – но что означает любовь? Любовь означает прощение, а не осуждение. Если же люди превращают Бога в сурового судию, который восседает на троне правосудия, вцепляется в каждого человека и допрашивает обо всех его ошибках, судит его за дела и поступки и осуждает на свержение с небес, то где тогда любящий Бог?

Некоторые верят, что несчастья предопределены их кармой. В какой-то мере это правда, но не надо преувеличивать. Если задаться вопросом, зачем в оркестре барабан или труба, ответом будет: для того, чтобы можно было сыграть музыку так, как ее замыслил композитор. Возможно, нашему уху этот звук кажется неприятным, но композитор написал музыку, требующую трубы и барабана. Подобным образом все, что представляется нам ненужным, в действительности служит определенной цели, все создает божественную симфонию. Мы спрашиваем: "Почему это так?" – но этот вопрос задает наш ограниченный ум. В действительности все имеет свое место и свое назначение. Некто в насмешку спросил пророка о том, для чего были созданы комары, и пророк ответил: "Для того, чтобы ты не спал всю ночь, а мог бы уделить несколько часов молитве".

Переходя на философскую точку зрения, кто-то может спросить: кем является человек – машиной или инженером? Если он машина, то он вынужден долгие годы функционировать под определенным механическим воздействием своих злых поступков, причем в этом случае он не несет ответственности за свои действия. Если же он инженер, то он отвечает за свои поступки; а если он несет за них ответственность, то является хозяином своей судьбы и делает ее такой, какой хочет.

Различия между человеческим и божественным подобны различию между двумя концами одной линии. Один конец представляет ограниченность, второй – безграничность. В одном конце находится несовершенство, в другом – совершенство. Присмотревшись к людям, живущим в этом мире, мы заметим, что не все они стоят в одной и той же точке; они заполняют пространство от одного края линии до другого. Несмотря на то, что именно сейчас мир проходит через стадию усиления идеи равенства, на деле благородство души и даже ее божественное происхождение игнорируются. Свидетельства этому можно заметить во всех фазах жизни. В государстве каждый обладает лишь одним голосом, и так же дело обстоит дома, и так же обстоят дела везде. Но, придя к осознанию духовной жизни вещей, мы поймем, что как в пианино все клавиши звучат по-разному, так и души отличаются одна от другой. Человек начинает жизнь как механизм, как машина, но он может развиться настолько, что превратится в инженера. Ограничения кармы довлеют только над машиной.

Без сомнения, каждая душа сначала должна побыть машиной, чтобы потом стать инженером, и это превращение происходит не мгновенно. Оно протекает постепенно; вот почему карма по-разному воздействует на разные души. Закон кармы свой для каждого человека. То, что для одного является грехом, для другого – добродетель; то, что правильно для одного, неправильно для другого. В соответствии с этим законом каждый индивид встречает свою собственную карму.

Придерживаясь этого воззрения, суфий говорит: "Это правда, что если жизнь моя складывается неважно, то причиной тому являются последствия моих поступков. Но это не значит, что я должен покориться. Я могу смириться с этим, поскольку все происходящее проистекает из моих прошлых действий, но я должен сам создать свою судьбу, потому что я инженер". Вот в чем разница. Я слышал, как один человек говорил: "Я болен уже долгие годы, но я был обречен на это. Я легко несу этот груз, потому что такова моя карма. Это расплата". Этим он удлиняет время расплаты, которое может растянуться и на десять лет, и на всю жизнь. Суфий в таком случае действует не только как пациент, но и как доктор, лечащий сам себя. Он говорит: "Мое состояние плохо? Это результат прошлого? Я хочу исцелить это. Прошлое

принесло настоящее, но из настоящего я сам создам будущее". Это только значит, что он не позволяет влиянию прошлого подавить свою жизнь; он хочет сейчас создать такое влияние, которое сделает его жизнь лучше в будущем.

С этой проблемой связано нечто еще более существенное, чем все вышесказанное. Прежде чем человек берет на себя ответственность расплаты за прошлое, спрашивает ли он себя: "А кем я был в прошлом?" Если он этого не знает, почему он должен за что-либо отвечать? Мы можем быть ответственны лишь за то, что отслеживает наше сознание – и этой ноши уже достаточно в жизни. Зачем прибавлять к ней еще и груз неведомого прошлого?

Что мы видим, когда смотрим на себя с философской точки зрения? Чем острее становится наш взгляд, тем меньше своего "я" мы можем разглядеть. Чем больше становится наше осознание реальности, тем в меньшей степени мы осознаем наше маленькое "я". Так всю эту ношу прошлых поступков человек несет, даже не получив приглашения взвалить ее на себя. Он мог бы просто ее проигнорировать. Эта идея не приносит ему выгод; это просто дает ему лишь кратковременное удовлетворение от сознания того, что его беды справедливы, но идея такой справедливости лишь укрепляет его дискомфорт. Боль могла бы прекратиться, но она продолжается, потому что человек усиливает боль.

Главная задача эзотерической работы – устранить мысли о себе: кем я был, кем являюсь сейчас и кем стану. Гораздо лучше погрузиться в размышления о жизни в целом: какая она, какой она должна быть, какой станет. Эта идея обеспечивает, своего рода синтетическую точку зрения и объединяет, вместо того чтобы рассеивать. Она конструктивна, в ней можно найти тайну духовного освобождения. Брамины, ведантисты и буддисты, считающие карму главным учением, поднимаются над ней, как только прикасаются к идее цели, которая должна быть достигнута с помощью духовности и которую они называют мукти, или нирваной. Таково условие, что, пока человек не поднимется над идеей кармы, он не сможет коснуться нирваны.

II

Религиозный аргумент в пользу идеи перевоплощения таков: поскольку не всякий человек заслуживает того, чтобы прямо слиться с Богом, он перерождается неопределенное число раз, чтобы очиститься, пока не достигнет окончательного предназначения; таким образом, он должен расплатиться со всеми долгами, прежде чем достигнет присутствия Бога. В ответ на это можно сказать, что если даже человек с его ограниченным чувством справедливости никогда не наказывает кого-либо без объяснения этому человеку, в чем состоит его вина, то как возможно, чтобы Бог, справедливейший и милосерднейший, позволил душе переродиться на земле в наказание за проступок, о котором человек даже не подозревает?

Научный аргумент в пользу перевоплощения говорит нам, что семя падает в землю и порождает другие семена и это происходит тысячи и тысячи раз; всегда семя воспроизводится снова, и таким образом есть возможность для перевоплощения. Если у семечка достаточно силы, чтобы вернуться семенем, то почему бы человеческой душе не украсить себя новым телом? Но даже семя не способно опять прорасти семенем, пока не достигнет высшей точки своего развития. И даже после того, как это случилось, этот процесс нельзя назвать перевоплощением – скорее, регенерацией; одно семечко порождает много семян, по этой причине это не может быть названо воплощением, так как природа воплощения такова: когда одно переходит в другое, это не превращается во множество.

Так же обстоит дело и с душой, которая независимо познает жизнь посредством пяти элементов и отправляется в обратный путь, к своему истоку, забирая с собой впечатления внешнего мира и отбрасывая их с каждым шагом, направленным к своей сущности, вселенскому Духу. Земная субстанция возвращается в землю; вода возвращается к воде; огонь впитывает в себя огонь; воздух забирает свою собственность; эфир делает то же. Когда распадается структура пяти элементов, которая могла подобно увеличительному стеклу получать отражение духа, душа возвращается к своему подлинному истоку. После того как будут разрушены физическая и астральная структуры, для индивидуальности не будет

возможности, потому что не останется больше ничего кроме единого Сущего. Перевоплощение человека в кого-либо можно увидеть или в его мыслях, когда он бодрствует, или в снах, когда он спит, потому что любое существо создано не только вышеописанным способом, но и собственным умом, и такие перерождения можно назвать перевоплощениями. И все-таки это до конца не объяснимо, потому что каждая мысль и каждое сновидение рождаются, живут и умирают. Так что даже их можно принять как множество индивидуальностей, как мир, порожденный одним существом.

Иногда находят люди, которые претендуют на то, или по крайней мере представляют себе, что они могут помнить свои прошлые воплощения. Но в большинстве случаев они стремятся вызвать сенсацию и создать шумиху вокруг себя или дать выход своим причудам и заблуждениям. В Индии не часто услышишь о перевоплощении, люди там гораздо больше говорят о карме. Йоги, одни из главных представителей идеи перевоплощения, ни на секунду не допускают мысль о возможности собственного перевоплощения. Если спросить об этом йогина, он ответит: "Нет, я ищу мукти, спасения. Это ты мечтаешь родиться вновь; и поэтому ты опять будешь рожден, и ты будешь очень разочарован, если этого не случится". Отметим, что это высказывание не следует понимать буквально; йогин употребляет понятие "ты" в отношении того, что знает как "я" в человеке, к которому он обращается. Эта теория открывает широкое поле интереса, любопытства и воображения для того, кто может видеть объективный мир. А кроме этого, есть люди, всегда жаждущие чего-то нового. Это желание разрастается настолько, что, даже если бы появился новый Бог, они бы все еще искали другого.

При взгляде на эволюцию мира может создаться впечатление, что ею движет способность душ, сохраняющих память о предыдущем жизненном опыте, проявляться уже в лучших условиях по сравнению с прошлым. На самом деле это не так. Развитие мира не зависит от прошлого опыта души; причина, по которой мир развивается с каждым шагом своей эволюции, в том, что душа отдает улучшенные состояния на своем пути к проявлению, и это помогает проявлению двигаться к совершенству.

Притязание учения о перевоплощении на истину основывается, главным образом, на законе действия, а тот апеллирует к интеллекту. Это значит, что, если человек оказывается гениальным музыкантом, это связано с его опытом в прошлой жизни, рождается слепым или хромым в наказание за ранее совершенные проступки, становится мудрым и духовным, богатым и могущественным благодаря прошлым заслугам; и таким образом каждая душа, совершившая добро или зло, пожинает плоды их в последующих перевоплощениях, пока не достигнет своего предопределения.

Против этого можно возразить: ногам приходится выдерживать тяжесть тела не потому, что они чем-то провинились, а голова венчает тело не в награду за то, что в прошлом она поступала лучше ног. Мир – это воплощение Единого Существа, Единого Бога. Объяснением могут послужить слова одного персидского дервиша: "Человек живет, радуясь вере в Бога и не зная, друг ли Он ему или враг. Это то же самое, как если бы океан в радости вздымал свои волны, а качающаяся на них веточка решила бы, что океан поднимается и опускается только ради ее удовольствия".

Это относится ко всем обстоятельствам жизни. Человеку может казаться, что он что-то совершил в прошлой жизни и поэтому живет так-то и так-то сейчас. Но здесь он ошибается, так как это правление Божественной справедливости. Океанопо-добный Бог должен о многом подумать и многое рассудить, поэтому взлеты вызываются или "каза" – волнами океана существования, или добром или злом, встречаемым на пути к проявлению.

Мыслители, учившие доктрине перевоплощения, никогда не вкладывали в нее того смысла, который видят в ней большинство людей. Перевоплощение в их понимании представляло собой восприятие новой душой, летящей к проявлению, свойств тех душ, которые восходят к своему подлинному истоку и передали груз своих впечатлений душам, желающим этот груз принять. Душа, однажды воплотившаяся в теле, никогда больше не имеет достаточно сил, чтобы сделать это снова. Идея души, рождающейся в другой форме, имеет в себе мало правды. Если бы это было правдой, то почему бы душе не родиться вновь в своей привычной форме, которую она сможет с легкостью воссоздать?

Истинность теории перевоплощения можно понять таким образом, что определенная часть Сознания, некогда бывшая душой, может, в принципе, снова сформировать себя как душу; но, как правило, такой возможности не существует. Вероятность этого столь же ничтожна, сколь и вероятность того, чтобы лопнувший пузырь вновь образовал тот же самый пузырь; скорее всего, новый пузырь окажется половиной, четвертью или даже сотой частью первого пузыря или же станет в сто раз больше. В любом случае душа должна влиться в Сознание, прежде чем окажется достаточно живой, чтобы снова проявиться. Вот почему мы не можем назвать ее той же самой душой, поскольку она очистилась по сравнению со своим прежним состоянием. Представим себе каплю чернил: если она упадет в океан, то вода сольется с водой, а красящее вещество осядет на дно. Эта капля не сможет остаться той же самой каплей чернил, но станет чистой водой океана. Если бы удалось извлечь вещество этой капли из океана, оно бы уже не обнаружило своих прежних свойств. То же происходит и с душой, когда она поглощается океаном Сознания.

III

Есть три способа узнать о жизни после смерти: осознать ее интеллектуально, в теории; узнать ее в процессе медитации, или "умирания прежде смерти", то есть еще при жизни достичь такого состояния, которое испытываешь после смерти; и третий способ – умереть самому.

Этого знания ищут три типа людей. Во-первых, ученики, штудирующие достоверные источники с целью выстроить теорию, которую их разум сможет принять интеллектуально. Во-вторых, адепты – они следуют путем медитации, с помощью которой достигают такого состояния, словно они уже умерли, и в котором могут хоть на миг подняться над жизнью своего материального тела; так они получают опыт жизни после смерти, являющийся началом знания о бессмертии. А в-третьих, есть люди, желающие общаться с духами, чтобы узнать о своих жизненных обстоятельствах. Если они способны к общению с духами, они могут, в некоторой мере, получать знание от них.

Человек первого типа, который пытается интеллектуально раскрыть учение, удовлетворяющее его рассуждениям, охотно согласится с доктриной перевоплощения, потому что она объясняет жизнь интеллектуально и способом, который удовлетворяет рассудок. Когда меня спрашивали, что суфий может сказать о перевоплощении, я иногда молчал, иногда отвечал положительно, а иногда отрицательно, то есть не давал определенного ответа. Может быть, кто-то подумал, что я в эту доктрину не верю, а раз я не верю в нее, то все остальные суфии, само собой, тоже не верят в нее. Это не так. Каждый суфий волен верить во все, что считает правильным и что способен понять. Он не прикован к какому-то определенному верованию. Вместо того чтобы беспокоиться о верованиях, суфий стремится пройти прямо к центральной идее, а когда он находится там, то видит истинность во всем. Это тайна жизни: если у тебя в руке священный светильник, то все становится ясным для тебя. Поэтому суфизм предоставляет каждому свободу придерживаться своей веры и находить свои пути.

Когда я отвечал "да", то на это была причина, и когда я отвечал "нет", то на это тоже была причина, – не для меня самого, а для того, кто задавал вопрос. Люди в мире все стремятся сделать жестким, даже те вещи, что имеют наиболее тонкую природу и не могут быть выражены словами. Это подобно тому, как взвешивать душу или фотографировать дух, описывая жизнь после смерти. Люди не должны попадать под власть моих слов; целью является самоосуществление или самоосознание. Вера в доктрины – это пилюля, чтобы лечить больных. В действительности все вещи справедливы до определенной степени, но если сравнить их с конечной истиной, то ни одна не может доказать своего существования. Вещи кажутся различными с различных планов, с которых мы на них смотрим; и когда человек стоит в долине и спрашивает у того, кто стоит на вершине, что он там видит, тот мало что может сказать. Вопросающий должен подняться на вершину горы и посмотреть сам; до тех пор между ними не может быть общей платформы для разговора. Суфийский метод состоит в мирном и безмолвном развитии, помогая достичь этим путем стадии, когда можно видеть самому. Кто-то

скажет, что это потребует много терпения. Это так, но дорога духовности вообще предназначена для терпеливых; ничто не дается с таким трудом, как терпение.

Если кто-либо спросит меня, почему я прямо не скажу, что происходит после смерти, возвращаемся ли мы на землю или отправляемся еще куда-нибудь, я бы ответил: "То, что ты считаешь собой, я не считаю тобой; в своих глазах ты представляешь собой одно, а в моих – совсем другое. Если я стану говорить в соответствии со своими взглядами, тебя это тут же смутит. Сначала ты должен достичь того уровня, с которого я тебя вижу. Ты воспринимаешь себя самым элементарным способом; сейчас это для тебя реальность, но настанет время, когда ты осознаешь, что это было ничем иным, как воображением". Как я могу сообщить свое мнение тому, для кого оно непостижимо? Поэтому путь суфия – молчание.

Суфизм не против перевоплощения или любого другого учения. Зачем бы он стал это делать, если он является религией, явившейся, чтобы примирить религии? У суфия нет мысли противоречить какой-либо доктрине. Я никогда не высказывался против учения о перевоплощении, потому что не вижу в нем ничего ошибочного; но я не вижу и его правильности. Если целью является осознание единства жизни, единства Бога, то идея перевоплощения, которая базируется на ложном эго, не будет плодотворной. Суфизм хочет научить человека тому, что он есть. Когда человек ответит на этот вопрос, ему не придется больше спрашивать: "Что принесут мне мои поступки?" Кем человек является – это единственный вопрос, на который суфизм хочет ответить. В то же время то, что очевидно, отличается от того, что скрыто. Действительно ли человек, рожденный во дворце, получил это в награду, а тот, кто живет впроголодь – наказан за что-то?

Что принес Христос? Спасение. Что принес Мухаммад? Наджат, спасение. Что принесли аватары Индии? Мукти, спасение. Всегда одно и то же – спасение. Поэтому предпочтительней было бы отвернуться от доктрины перевоплощения и всегда удерживать перед нашим взором идеал единства – идеал, в котором заключается осуществление цели жизни.

Но можем ли мы, спросит кто-нибудь, достичь спасения в этой жизни? У каждой души разная эволюция, но в основном человек может достичь спасения, если он искренне и серьезно желает и добивается его. Не только Бог всемогущ, человек тоже имеет частицу Его могущества. Спасение в руках Бога, но также и в руках человека. В желании человека присутствует желание Бога, в смелости человека есть смелость Бога, а в уверенности человека – уверенность Бога. Когда мы повторяем слова из Библии: "Да будет воля твоя", одновременно осознавая, что наше желание и наша воля не отделены от божественной Воли, наша воля тоже исполнится. Но если мы не хотим спасения в этот самый миг, мы его не достигнем, потому что необходимо, как сказано в Библии, стучаться в дверь, – тогда придет ответ. В мире нет ничего недостижимого для человека, который сотворен Халифом, правителем царства Божия; для него нет ничего невозможного. Конечно, многое трудно, но нет такой трудности, которую нельзя преодолеть. Если только человеку хватит храбрости, он сумеет достичь того источника, из которого происходит.

Часть III

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Трудно объяснить, из чего состоит жизнь в мире духа, и трудно выразить это словами, но можно получить некоторое представление, наблюдая жизнь птиц, которые могут летать над морями и лесами, над холмами и долинами и которые чувствуют себя в гармонии с природой и выражают свою радость в песне. Такова же жизнь оленей, бродящих по лесам или горам, пьющих воду из родников, мчащихся по открытым просторам, смотрящих на горизонт от рассвета до заката, солнце ведет их время, и луна служит им светильником. А теперь представим себе нашу жизнь, жизнь людей в переполненных городах, дни на фабриках и ночи за закрытыми дверями, вдали от Бога, вдали от природы, вдали даже от самих себя – жизнь, полностью поглощенную борьбой за существование, неуклонно возрастающей борьбой, которой нет конца!

Что такое чистилище? В суфизме оно называется наза, что означает временное прекращение деятельности. Где смерть, там всегда безмолвие и бездействие. Это как часы, которые перестали идти; они нуждаются в заводе, и небольшое движение приводит их в действие. Таким же образом приходит импульс жизни, который, прорываясь сквозь облако смертности, побуждает душу увидеть свет дня после мрака ночи. И что же видит душа в этом сияющем дневном свете? Она видит саму себя, живую, как прежде, имеющую те же имя и форму, но теперь уже развивающуюся. Душа обнаруживает в этой сфере гораздо больше свободы и гораздо меньше ограничений, чем она испытывала раньше в своей жизни на земле. Перед душой теперь расстилается мир, уже не чуждый ей, а тот, который она сама создала во время жизни на земле. То, что душа знала как ум, этот самый ум становится сейчас миром для души; то, что душа на земле называла воображением, теперь становится реальностью для нее. Если этот мир – мир искусства, то это искусство, созданное душой. Если в нем отсутствует красота, это вызвано пренебрежением души красотой во время пребывания на земле.

Картина джанната – рая, представление о небесах и понятие об адских сферах становятся теперь для души подлинным опытом; душу не посылают в то или иное место, чтобы в числе многих других наслаждаться там или страдать за грехи. Все это – царства, которые душа создала, пока была на земле, в точности как некоторые создания строят гнезда, чтобы жить в них во время зимы. Непосредственно за гробом начинается зима души. Она проводит эту зиму в мире, который создала либо приятным, либо неприятным для себя. Кто-то может поинтересоваться, одиноко ли живет душа в том мире, который она создала. Нет; как может она быть одинокой? Ум, секрет которого известен так немногим в мире, этот ум может быть так огромен, как мир, и даже больше. Этот ум может вместить в себя все, что существует в мире, и даже все, что содержит в себе вселенная. Понимание ума расширяет кругозор человека в жизни. Когда доходишь до сути, сначала возникает замешательство, но затем природа Бога, которая есть феномен в себе самой, раскрывается.

Люди часто интересуются, какая связь существует между покинувшей землю душой и теми, кто еще находится на земле. Без сомнения, в данный момент существует стена, которая разделяет тех, кто на этой земле, от тех, кто на другом плане; однако связь сердец по-прежнему цела, и она остается неразрывной до тех пор, пока сохраняется взаимная симпатия. Но почему, могут спросить, любящие тех, кто покинул землю, ничего не знают о состоянии своих возлюбленных по другую сторону? Они знают это в своих душах, но вуали иллюзий физического мира окутывают их сердца, вот почему они не могут получить ясных образов. Кроме того, это не только связь любви и симпатии; это еще и вера в загробную жизнь, переходящая в твердое убеждение, именно она поднимает тех, кто еще на земле, до знания о своих любимых, перешедших на другую сторону. Те, кто отрицает потусторонний мир, лишают самих себя этого знания, которое является сущностью всех учений. Легче тем, кто перешел с

земли на другую сторону, войти в контакт с теми, кто на земле, ибо у них одной вуалью меньше.

Душа постоянно путешествует. На каком бы плане она ни находилась, она все время в пути; и в этом путешествии у нее есть цель, которую необходимо достичь: множество целей, содержащихся и скрытых в одной цели.

Если какие-то цели остаются неосуществленными во время жизни на земле, они достигаются во время дальнейшего путешествия в мире духа, ибо ничто из того, о чем когда-то мечтало человеческое сердце, не остается несбывшимся. Если это не осуществляется здесь, это достигается в потустороннем мире. Страстное желание души – это желание Бога; маленькое или большое, правильное или неправильное, в некоторый момент оно исполняется. Если этот момент не наступает, пока душа находится на земном плане, он настает для души в мире духа.

Душа подтверждает свое божественное происхождение на всех планах существования, создавая для себя все, о чем мечтает, приводя в исполнение желание сердца, притягивая и привлекая к себе все, что она хочет. Источник души совершенен, а также и ее цель; поэтому даже в своем ограниченном состоянии душа таит в себе искру совершенства. Природа совершенства такова, что не остается никаких желаний. Даже в ограниченности, которую душа испытывает на земле, где она ведет жизнь, полную ограничений, ее единственное желание все же – совершенство. Таким образом, каждое желание удовлетворяется, по причине того, что Единственный Совершенный даже в мире многообразия делает все возможное для познания совершенства.

Условия следующего мира более всего похожи на условия мира сна. Во сне человек не воспринимает себя таким уж отличным от того, каким он является в повседневной жизни, за исключением некоторых случаев и некоторых моментов; и тому есть свои причины. Однако сила души в следующем мире гораздо больше, чем та, какой она обладает в этом мире ограничений. Душа в другом мире становится, можно сказать, более зрелой и обнаруживает в себе силу, о которой даже не подозревала во время жизни на земле, – силу создавать и творить все, что она желает; и, поскольку ее движения уже не так сильно скованы пространством и временем, для нее становится возможным достигать и делать для себя то, что ей было трудно делать на земном плане.

Что касается идеи перевоплощения, то, когда в древние времена индусы говорили злому человеку: "В следующий раз, когда ты родишься, ты будешь собакой или обезьяной", – это было для того, чтобы объяснить этому человеку, ничего не знавшему о загробной жизни, что его животные качества проявятся снова как наследие животного мира, так что он больше не сможет явиться своим друзьям в облике человека, а явится только в облике животного. Когда они говорили доброму человеку: "Твои добрые дела позволят тебе родиться вновь еще более хорошим", – они объясняли этому человеку, ничего не знавшему о двух крайних полюсах своей души, что ни одно доброе дело не может пропасть даром; и для человека, не ведавшего, на что надеяться в загробном мире, и знавшего жизнь только в ее земной форме, это было утешением – узнать, что все добро, сделанное им, вернется вновь, и в этом смысле теория, объясненная таким образом, была истинной.

Это только различие в словах; душа, которая приходит свыше, не имеет ни имени, ни формы, ни какой-либо особой индивидуальности; поэтому для души нет разницы, как ее называть. Поскольку у нее нет имени, она может просто принять имя того костюма, который надели на нее, и такова природа жизни. Мантия судьи, надетая на человека, делает его судьей, а форма полицейского делает его констеблем; но судья не родился судьей, а констебль – полицейским; они родились на земле безымянными, хотя и не бесформенными. Разграничения и различия принадлежат низшему миру, а не высшему; поэтому суфии не выступают против идеи перевоплощения. Разница заключается только в словах; и следует предусмотрительно держать дверь открытой для душ, которые хотят войти в царство Бога, чтобы они могли не чувствовать себя связанными догмой, которая учит, что после ухода с земного плана они обречены быть притянутыми назад своей кармой. Душа человека – это искра Бога, и, хотя Бог беспомощен на земле, Он всемогущ на небесах; и уча молитве: "Да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя на земле, как на Небе", Христос дал ключ, чтобы открыть дверь, за которой –

секрет той всемогущей силы и совершенной мудрости, которые поднимают душу над всеми ограничениями.

Душа в конце концов поднимается до уровня, который был уровнем ее идеала, тогда она выполняет или завершает дело, которое было ее мечтой, когда она была на земле. В духовном мире тоже есть трудности в делании или достижении чего-либо, хотя и не так много, как здесь на земле. Законы того мира отличны от законов этого мира ограничений, и там души найдут в изобилии все то, чего не хватает здесь.

Прекрасное изображение духовного мира можно найти в истории о Кришне. Гопи Бриндабана все просили Кришну танцевать с ними. Кришна улыбался и говорил каждой, что в ночь полнолуния он сделает это. Все гопи собрались в долине Бриндабана, и тогда случилось чудо: сколько бы гопи там ни оказывалось, каждая из них танцевала с Кришной; мечта каждой была исполнена. Это символическое учение, которое объясняет, что божественную Сущность можно найти в каждой душе.

Мир духа непостижим для ума, который знаком только с законами физического мира. Индивидуальность, являющаяся ограниченным существом здесь, подобна миру там, душа – личность здесь и планета там. Когда кто-то рассматривает беспомощность этого плана, он не может даже на единый миг вообразить себе величие, легкость, удобства, благоприятные условия и возможности следующего мира; и здесь дело в человеческой природе – она такова, что то, что неизвестно человеку, ничего не значит для него. Однажды к Хазрату Али пришел пессимист и сказал: "Действительно ли существует загробная жизнь, к которой ты нас готовишь, предписывая нам воздерживаться от того, что нам хочется, и вести жизнь добродетельную и благочестивую? Что если никакой загробной жизни нет?" Али ответил: "Если загробной жизни нет, тогда я окажусь в таком же положении, что и ты; но если загробная жизнь существует, тогда я окажусь в выигрыше, а ты проиграешь!". Жизнь живет, а смерть умирает; тот, кто живет, будет жить, должен жить; альтернативы нет.

Проявленность – это интересный сон, иллюзия, вызванная наслоением покрыва на покров; душа окутана тысячью вуалей. Эти покрыва не дают счастья душе, а приносят только опьянение. Чем дальше душа отдалается от своего источника, тем сильнее опьянение. Это опьянение в известном смысле способствует путешествию души к исполнению ее цели, однако цель души достигается ее страстным стремлением. К чему она так страстно стремится? К трезвости. И как эта трезвость достигается? Сбрасыванием вуалей, окутывающих душу и отделяющих ее от ее подлинного источника и цели. Что освобождает душу от этих вуалей иллюзий? Изменение, называемое смертью. Это изменение может произойти с душой вопреки ее желанию, и тогда оно называется смертью; это весьма неприятное переживание, это все равно что вырвать у пьяного бутылку вина, что сначала чрезвычайно болезненно для него. Или же это изменение осуществляется волей, и душа, отбрасывая покрыва, окружающие ее, достигает того же самого ощущения трезвости еще при жизни на земле, пусть даже мимолетного; того же самого ощущения, которого душа, опьяненная иллюзиями, достигает через миллионы и миллионы лет, и все-таки не совсем того же самого.

Переживание первого – это фана, уничтожение, а осуществление второго – бака, воскрешение. Душа, притягиваемая магнетической силой божественного Духа, вливается в него с радостью, невыразимой в словах, подобно любящему сердцу, отдающему себя в руки своего возлюбленного. Глубина этой радости столь велика, что ничто из того, что душа когда-либо переживала в своей жизни, не давало ей такого забвения своего "я"; однако это забвение "я" становится в действительности подлинным самоосознаванием.

Именно тогда душа полностью осознает: "Я существую". Лишь душа, которая достигает этой стадии осознания сознательно, испытывает высочайшие переживания. Это подобно разнице между человеком, путешествующим с определенной целью, радующимся на каждом шагу каждому переживанию, которое он испытывает, и наслаждающимся каждым моментом этого путешествия, приближаясь все ближе и ближе к цели, и другим человеком, который о путешествии вообще ничего не знает.

МИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВОСКРЕСЕНИЯ

Каково точное значение воскресения, о котором говорится в Библии? Воскресение – это тот миг после смерти, когда душа становится сознающей все свои переживания. Поскольку душа связана со всем во вселенной, индивидуальное воскресение – это вселенское воскресение.

Когда Христос воскрес из мертвых, Он сказал: "Кто будет веровать... спасен будет". Мертвы те, кто не осознал своего бессмертия; тот воскресает, кто сознает свое бессмертие; и слова Христа означают, что тот, кто познал Бога, познал бессмертие, никогда не умрет, и что те, кто имеет веру в Бога, – что то же самое, что знание Бога, – никогда не умирают.

Что такое смерть, может понять только человек; птицы и звери чувствуют неподвижность, наступающую в результате смерти, чувствуют отсутствие жизни, но они не сознают, что такое смерть в действительности. Я видел птицу, которая, когда ее самца подстрелили и тот упал мертвым, села возле него, потрогала его клювом, и когда почувствовала, что тот неподвижен и безжизнен, уронила голову и умерла прежде, чем приблизился охотник. Я также видел, как собака умерла тотчас, когда увидела мертвой собаку-товарища, вместе с которой она прожила всю свою жизнь. Но все-таки животные чувствуют только неподвижность, отсутствие своего друга. Они не могут полностью осознать подлинную природу смерти.

На Востоке суфии часто строят свои дома или хижины возле кладбищ, а также в джунглях так, чтобы, наблюдая смерть они могли помнить, что сейчас время преодолеть смерть, для того, чтобы осознать свое бессмертие после смерти. И снова и снова человек в образе святого пробуждает человечество к познанию своего бессмертия.

Если бы весь смысл воскресения сводился только к тому, что Христос после своей смерти воскрес, это был бы рассказ, в который можно верить или не верить. Если бы в него верили только так, то как долго могла бы продлиться такая вера? Его урок гораздо более значителен; он означает воскресение из этой смертной жизни к бессмертию. Те, кто воскресли к тому бессмертному единому Бытию, где нет различия между мужем и женой, братом и сестрой, матерью и ребенком, все они – дети воскресения.

История повествует, что, когда Мария Магдалина с другой Марией пришли ко гробу, где положили Христа, они нашли, что камень, который был перед гробом, отвален; и заглянув, они увидели его пелены и плат, особо свитый, лежащие на другом месте; но тела Христа там не было. Этот камень – тот же самый камень, о котором говорится в индийских мифах. Бог Кришна зовется Гирвара: владеющий камнем, поднимающий камень. Этим камнем придавлена каждая индивидуальная душа в мире; это камень внешнего "я". Когда он убран, человек поднимается к бессмертию. И над чем он поднимается? Он поднимается над телом и над умом; пелены и плат, лежащие отдельно, символизируют тело и ум.

Великие поэты, великие музыканты, великие писатели часто поднимаются над своим телом. Они не различают, где они сидят или стоят, они глубоко погружаются в свое воображение, утрачивая ощущение своего физического существования; но они не могут подняться над умом. Когда сознание может подняться над умом, над мыслями, тогда оно свободно, тогда оно активно в своей собственной стихии, и высшее сознание может явить себя уму.

Подъем к такому сознанию, в котором отсутствуют разграничения, – это наивысшая ступень воскресения; но есть и другие уровни, подобно тому, как в лифте нельзя подняться на седьмой этаж, не проехав второго, третьего, четвертого и всех прочих этажей.

Это такое воскресение, при котором точный двойник физического тела ходит, садится и может делать все, что может делать физическое тело. Суфии называют это алам-э митхал. Есть мистики, овладевшие этим в таком совершенстве, что они стали полностью независимы от своего физического тела. Смерти нет, если овладеть этим.

Когда поэт пишет стихи, его жена, его слуга, сотня людей могут пройти прямо перед его глазами, но он их не увидит; он даже не будет знать, что кто-то еще есть рядом. Если всего лишь любовь к поэзии может сделать это, то сколь больше сделает любовь к внутренней жизни, погруженность во внутреннюю жизнь, обращение сознания внутрь!

В Евангелии говорится, что Христа после воскресения несколько раз видели его ученики. Это переживание каждого человека, практикующего сосредоточение и занимающегося медитацией, – он видит то, что держит в своем сознании, не только внутренним взором, но и внешне перед собой.

Это первый опыт, который получает каждый мистик. Ученики потеряли себя, погрузившись в мысли о Христе, как они могли не увидеть Его?

Христос сказал: "Осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня". Слово "дух" используется во многих различных смыслах. Оно используется для призрака, или для души, но в действительности оно означает сущность, которая является противоположностью вещества; в проявлении дух противоположен материи во всех отношениях.

Все, что глаз увидел, воскресает в нем. Если кто-то напоминает нам некоего человека, даже если мы совершенно забыли этого человека, он возникает перед нашими глазами и мы видим его в том самом доме, в том самом месте, где видели его прежде. Мы видим это не физическим глазом, а тем глазом, который внутри. Материалисты могут сказать, что все это возникает в нашем мозгу, но как может мозг вместить в себя так много тысяч и миллионов вещей и существ? Нет сомнения, что без специальной подготовки человек не видит дух, но ведь во сне он видит себя самого, ощущает себя самого в разном окружении, в обществе разных людей. И если кто-то скажет: "Это только сон", – я отвечу: Когда вы называете это сном? Вы называете это сном, когда бодрствуете и когда видите контраст с тем что вас окружает; тогда вы говорите: "Это был сон; иначе это осталось бы со мной, но там все было другим". Но если бы в то время, когда вы спите, кто-нибудь подошел к вам и сказал: "Это сон", – вы бы ни за что не поверили этому.

Воскресение – это восхождение к той подлинной жизни, к тому истинному другу, на которого единственного среди всех других вещей и существ мы можем положиться, кто единственный всегда неизменен, кто всегда был с нами и всегда будет.

СИМВОЛ КРЕСТА

Многие полагают, что этот символ существует лишь со времен Иисуса Христа, и, нет сомнения, он стал известен гораздо шире после прихода в мир Христа, но в действительности этот символ – очень древний, используемый мистиками в различные времена и во все века. У него много мистических значений.

Крест являет собой вертикальную и горизонтальную линии. Все, что существует, происходит из этих двух линий и распространяется вертикально и горизонтально, что можно увидеть в листике, развивающемся в длину и в ширину. В своем первом значении поэтому крест является символом проявленности, он также означает путешествие к духовному идеалу, и нельзя дать лучшего изображения этого путешествия, чем крест.

Кроме того, всякий раз, когда кто-то начинает говорить или действовать ради истины, он замечает, что его путь прегражден; это крест, стоящий на его пути. Выскажи истину перед народом, перед лицом всего мира, и крест, преграда, станет ответом народа или мира как противодействие говорящему. Таким образом, другая сторона этого таинства жизнь учителя: крест означает то, с чем ему придется встретиться, принеся в мир послание истины.

Есть еще одна великая тайна креста, очень мало понимаемая. Повсюду вне нас находится пространство – пространство такое, которое может вмещать, содержать в себе. Но и внутри нас тоже есть пространство, простирающееся в другом направлении.

Кроме этих символических значений, крест – это природный знак, который человек издавна создавал, исходя либо из своих художественных, либо из умственных способностей. Это природа света – распространять свои лучи, особенно если этот свет совершен. Если смотреть на солнце – в особенности на заходящее солнце, – можно увидеть линии, образующиеся на небе и на земле: сначала это одна прямая линия, но если взглянуть внимательнее, то видно, как из этой первой вертикальной линии рождается горизонтальная. Внимательно наблюдая свет,

осознаешь, что это природа света – образовывать вертикальную и горизонтальную линии; и если это природа внешнего света – образовывать крест, то это также и природа внутреннего света. Внешний свет есть отражение внутреннего света, и это именно природа внутреннего света выражена во внешнем свете; из этого можно понять, что внутренний свет не просто проявлен во внешнем свете, но что внешний свет является олицетворением света внутреннего.

Мы можем также заметить, наблюдая природные формы – форму дерева, растения, цветка, формы животных и птиц и, наконец, наиболее развитую и законченную форму человека, что все они представляют собой крест. Один крест можно увидеть, рассматривая строение человеческой головы. Другой крест представлен всей человеческой фигурой. Всегда именно горизонтальная линия и вертикальная линия предполагают символ креста, и нет такой формы, которая не содержала бы в себе горизонтальной и вертикальной линий; именно эти два различных аспекта, или направления, образуют крест. Это позволяет понять, что в тайне формы скрыт крест.

Теперь перейдем к одному из первых упомянутых выше таинств, а именно к тому, что путешествие человека по пути духовного совершенствования может быть обозначено как крест: во-первых, человеческое эго, человеческое "я" является его врагом и стоит как препятствие к его продвижению. Такие чувства, как гордыня, тщеславие, эгоизм, ревность, зависть и презрение, – это все чувства, которые ранят других и разрушают жизнь самого человека и наполняют ее тем страданием, которое порождается этим эгоистическим личным чувством: эго человека. Чем более эгоистичен, чем более самодоволен человек, тем несчастнее его жизнь в мире и тем более несчастной он делает жизнь других. Это эго, или нафс, является естественным развитием человеческой жизни или сердца: чем больше человек узнает мир, тем эгоистичнее он становится; чем больше он понимает и приобретает опыт в мире, тем сильнее становится его алчность.

Неправда, что человек приносит с собой свои проступки, когда он рождается. Он приходит в мир невинным, с улыбкой младенца, другом всякому, кто оказывается рядом, готовым бросить свой любящий взгляд на каждого, независимо от того, богат он или беден, друг или враг, пленяемый красотой во всех ее проявлениях; именно эти качества в ребенке привлекают к нему каждую душу. Это показывает, что та же самая душа, которая приходит с такой чистотой сердца, чистотой выражения, красотой каждого движения, развивается в своей природе, по мере того как человек взрослеет в мире, все, что является пагубным и вредным для нее самой и для окружающих. Именно в мире, в процессе взросления, человек создает свой нафс. Однако в глубине сердца сохраняется та добродетель, которая является божественной добродетелью, та праведность, которую человек наследует от Отца небесного.

Стремление к радости, к покою и миру остается в нем, и это показывает, что в человеке есть две стороны: одна природа, скрытая в глубине его сердца, и другая природа, развившаяся после его прихода на землю. А потом возникает конфликт, борьба между этими двумя природами, когда глубинная природа начинает чувствовать тоску по чему-то. Она должна встречать доброту от других людей, должна иметь мир и покой в жизни, и, когда она не может обрести все это, возникает внутренний разлад.

Человек создает свою собственную дисгармонию в своей душе и потом так же обращается с другими; поэтому он не бывает удовлетворен ни своей собственной жизнью, ни окружающими, поскольку он чувствует в себе недовольство ими, хотя причиной этого обычно является он сам. Что человек дает, то он получает обратно, хотя он и не сознает этого. Он всегда думает, что каждый должен давать ему то, чего он жаждет в глубине своего существа: любовь, добро, справедливость, гармонию и мир; но, когда дело доходит до даяния, он не дает, потому что живет другой жизнью, которую сам создал. Это выявляет то, что в каждом человеке создается сущность, и эта сущность есть нафс; фактически это то же самое, что понятие о Сатане, встречающееся во всех священных писаниях и традициях.

Люди часто делили мир между двумя духовными началами: малая часть человечества – Богу, а большая часть человечества – Сатане, предполагая владычество духа Сатаны даже более обширным, чем владычество Бога. Но если постичь значение слова "Сатана", станет видно, что это дух заблуждения, который собирался и накапливался в человеке с момента его прихода на

землю, это нафс, который действует как Сатана, сбивая его постоянно с пути и закрывая глаза его сердца для света истины. Как только в жизни человека происходит переворот, как только он начинает глубже вглядываться в жизнь, как только он начинает приобщаться к добру, не только получая, но и отдавая его, как только он начинает радоваться не только симпатии со стороны окружающих, но и собственной симпатии к ним, тогда наступает время, когда он начинает видеть этот дух Сатаны отделенным от своего подлинного изначального существа, стоящим пред ним, постоянно в конфликте с его врожденной силой, свободой и наклонностями; и тогда он видит, что иногда он может делать то, что желает, а иногда этот дух овладевает им и не позволяет ему делать то, что он хочет. Иногда он обнаруживает себя слабым в этой борьбе, а иногда обнаруживает себя сильным. В итоге получается, что, когда он находит себя сильным в этой битве, он благодарен и удовлетворен, а когда он находит себя слабым в ней, он раскаивается и стыдится и желает изменить себя.

Именно в это время наступает новая эпоха в жизни человека, с этого момента существует постоянный конфликт между ним самим и тем духом, который есть его эго. Это именно конфликт, это своего рода препятствие для его врожденного характера, его врожденной склонности творить добро и справедливость; и он постоянно сталкивается с этим духом, потому что тот был сотворен в его собственном сердце и стал частью его существа.

Это очень цельная и материальная сущность, настолько же реальная, насколько человек ощущает реальным себя самого, зачастую даже более реальная, и нечто внутри него, в глубинах его существа, тщательно прикрыто этой сущностью. И этот постоянный конфликт между его подлинным, изначальным "Я" и этим "я", которое препятствует духовной эволюции человека, изображается в форме креста.

Этот крест человек несет по пути своего совершенствования. Грубые страсти, любовь к комфорту и удовлетворение от гнева и раздражения – это то, что он должен побороть в первую очередь, и, когда он побеждает это, следующее, с чем ему приходится столкнуться, оказывается еще более неуловимым врагом его самого в его уме: чувствительность к тому, что говорят другие, к мнению других о себе. Он стремится знать мнение каждого о себе, или – что кто-либо говорит против него, или – не потерпели ли его достоинство или положение какого-либо ущерба. Здесь снова тот же враг, нафс, занимает другую позицию, и происходит распятие на кресте, пока идет борьба с этим нафсом, до тех пор, пока не приходит понимание, что в созерцании Бога не существует никакого "я".

Это и есть подлинное распятие; но вместе с ним приходит еще одно, которое всегда сопутствует ему и которое каждая душа должна испытать, ибо совершенство и освобождение каждой души зависит от этого. Это распятие той части человеческого существа, которую человек создал в себе и которая не является его подлинным "Я", хотя в процессе продвижения всегда кажется, что человек распинает себя.

Таинство распятия заключается в исчезновении – в уничтожении не настоящего, а ложного "я", ложного представления о себе, которое человек всегда лелеял в своем сердце и которому позволял мучить себя на протяжении всей своей жизни. Разве мы не видим этого среди наших друзей и знакомых? Те, кто привлекает нас, и те, кого мы любим и кем глубоко восхищаемся, всегда обладают одним-единственным качеством, которое действительно может нас привлечь: индивидуальностью. Дело не только в том, что их самоотверженность притягивает нас, а в том, что то, что отталкивает нас в жизни окружающих, – это не что иное, как чрезмерная раздутость нафса или, иначе говоря, плотность и тяжесть того самосозданного духа, или эго.

Учение Христа, когда он сказал: "Блаженные нищие духом", – мало кем понято. Он имеет в виду не нищих божественным духом, а нищих тем самосозданным духом; и те, кто нищ этим самосозданным духом, богат духом божественным. Поэтому можно назвать нафс духом плотности; но более подходящее слово – эго.

Всегда существуют две тенденции: одна – к искренности, другая – к лицемерию и лжи. Они постоянно действуют вместе. Ложь и правда всегда существуют бок о бок в жизни и природе. Там, где есть настоящее золото, есть и фальшивое, где есть подлинный бриллиант, есть и поддельный бриллиант; где есть искренние люди, есть и лицемерные; и в каждом аспекте жизни – в духовной сфере, в овладении знанием, в искусстве или науке – мы можем увидеть как

искренность, так и лицемерие. И единственный способ узнать подлинное духовное развитие – понять степень самоотверженности, потому что, как бы человек ни притязал на духовность и ни желал быть благочестивым или набожным или добродетельным, ничто не может скрыть его истинную природу. Поскольку эго постоянно стремится выскочить наружу, оно будет выпрыгивать из-под его контроля, и если он лицемерен, он не сможет скрыть это. Так же, как фальшивый бриллиант, как бы он ни сверкал, оказывается тусклым в сравнении с настоящим и, будучи испытан и проверен, будет удостоверен как подделка, так и подлинное духовное продвижение должно подтверждаться личностью души. Именно личность удостоверяет, коснулся ли человек той более обширной сферы, где "я" не существует.

Следующую и еще более великую мистерию креста можно проследить в жизни посланников, пророков, святых. Прежде всего, никто не войдет в царство Божие, кто не был распят. В своей поэме великий персидский поэт Ираки рассказывает нам, как он пришел к воротам Возлюбленного и постучал в дверь и голос ответил: "В этом жилище нет места для кого-либо еще. Возвращайся туда, откуда ты пришел", – и он вернулся обратно. Затем, после долгого времени и после прохождения через процесс несения креста и, будучи распят, он пришел снова, на этот раз исполненный духа самозабвения, и постучал в дверь, и пришло слово: "Кто ты?", – и он сказал: "Ты единственный, ибо никого больше не существует, кроме Тебя". И Бог сказал: "Войди в это жилище, ибо теперь оно принадлежит тебе".

Именно это самозабвение, когда даже мысли о своем "я" больше не возникает, когда оно мертво, и есть осознание Бога. Этот дух в некоторой степени можно найти в простом любящем и возлюбленной, когда один человек любит другого всем сердцем. У того, кто говорит: "Я люблю тебя, но лишь до определенного предела; я люблю тебя, но я даю тебе шесть пенсов и оставляю шесть пенсов себе; я люблю тебя, но сохраняю определенную дистанцию, я никогда не подойду ближе; мы – два отдельных существа", – его любовь смешана с его "я". До тех пор, пока это существует, любовь не выполняет в полной мере свою работу. Любовь завершает свое дело, когда она расправляет крылья и скрывает "я" человека от его собственных глаз. Это момент, когда любовь свершается. И то же происходит в жизни святых, которые любят Бога, не только заявляя или демонстрируя это, но до такой степени, что забывают себя. Это такое состояние осознания существа, которое может быть названо крестом.

Но затем такие души именуют крест везде; каждый шаг, который они делают, есть крест, распятие. Хотя они живут по преимуществу в мире, в мире, полном лжи, полном обмана, вероломства и эгоизма, каждый шаг, который они делают, все их поступки, все, что они говорят или думают, доказывает, что их глаза и сердца открыты чему-то такому, что отличается от того, на что смотрит мир. Это постоянный конфликт. Жить в мире, жить среди людей мира и все же смотреть на жилище, которое иное. Даже если они пытаются говорить об этом, они не могут. Слова не в силах выразить истину; язык слишком неадекватен, чтобы дать реальное представление об отдаленной истине. Как сказано в Ведах, мир есть майя. Майя означает нечто нереальное; для этих душ мир становится в высшей степени нереальным, как только они начинают видеть реальность, и, когда они сравнивают мир с этой реальностью, он кажется даже еще более нереальным. Ни одно обычное существо не в состоянии представить себе, до какой степени этот мир обнажает свою суть в их глазах.

Те люди в мире, которые являются хорошими, но еще не достигли духовного совершенства, которые чувствительны, нежны, добры, видят, как обходится с ними мир, как их не понимают, как все лучшее забирают эгоисты, как тот, кто великодушен, должен давать все больше и больше; как тот, кто служит, должен служить все больше и больше, как тот, кто любит, должен любить все больше и больше; и все же мир не удовлетворен. Какой раздражающей является жизнь для таких людей! И подумайте о тех, кто достиг такой степени осознания, когда возникает огромная пропасть между реальностью и нереальностью, чей язык, когда они достигают этого осознания, становится непонятен, так что они вынуждены говорить на языке, который не является их собственным, и говорить нечто отличающееся от того, что они осознают. Это больше чем крест. Не только Иисусу Христу пришлось нести крест; каждый учитель, чей удел – передать послание, имеет свой крест.

Но тогда могут спросить, почему учителя человечества, приходившие на протяжении всех веков и обреченные нести такой крест, не уходили в леса, в пещеры, в горы, почему они оставались в мире? Руми создал прекрасный образ этого. Он рассказывает, почему мелодия тростниковой флейты так глубоко проникает в наши сердца. Это, он говорит, потому, что сначала флейта срезается с ее родного стебля, а затем делаются дырочки в ее сердце, так что сердце разбивается, и она начинает плакать. И то же самое происходит с духом посланника, с духом учителя: благодаря несению и претерпеванию креста, его "я" становится, как тростник, пустым. Это дает возможность музыканту играть свою мелодию; когда "я" становится ничем, музыкант использует его, чтобы сыграть свою мелодию. Если бы внутри еще что-нибудь оставалось, музыкант не смог бы использовать его.

Бог говорит с каждым, не только с посланниками и учителями. Он говорит ушам каждого сердца, но не каждое сердце слышит Его. Его голос громче грома, и Его свет ярче солнца – если только можешь слышать его, если только можешь видеть. Чтобы услышать и увидеть, человек должен убрать эту стену, эту преграду, которую он сделал из своего "я". Тогда он становится флейтой, на которой божественный Музыкант может играть музыку Орфея, способную очаровать даже сердце камня; тогда человек восходит с креста в жизнь вечную.

ОРФЕЙ

В легендах древних греков, а равно индусов, персов и египтян, всегда заключен глубокий смысл. Весьма интересно увидеть, что искусство греков, которое и само по себе прекрасно, имеет гораздо более глубокое значение, чем может показаться на первый взгляд; изучая его, мы обретаем ключ к этой древней культуре.

Примером этого может служить символический смысл предания об Орфее. Первая часть этого предания учит нас, что нет ничего такого, что человек однажды пожелал всем сердцем и это было бы потеряно для него навсегда. Даже если объект любви, некогда желанный для человека, заключен в глубочайшие глубины земли, где только разум может видеть, а не глаз, то и тогда его можно достичь, если стремиться к этому с достаточной целеустремленностью. Следующая вещь, которую мы узнаем, состоит в том, что для достижения желаемого одного только элемента любви недостаточно, кроме любви нужна мудрость, та мудрость, которая пробуждается в гармонии и настраивается в лад с космическими силами, помогая человеку обрести желаемое.

Мудрецы всех эпох и стран принимали за истину, что тот, кто обладает знанием звука, знает науку целостности жизни; и таким образом зывание Орфея к богам означает, что он вступил в соприкосновение со всеми гармонирующими силами, которые, объединившись вместе, доставили ему объект, который он стремился достичь. Но наиболее пленительная часть легенды и с художественной, и со смысловой точки зрения – это завершение. Орфей отправился в путь, ведя за собой Эвридику, и дав обещание, что не будет оглядываться назад. В тот миг, как он обернется, Эвридику отнимут у него навсегда. Смысл этого в том, что секрет каждого достижения заключен в вере. Если веры в человеке хватает на девяносто девять миль и лишь одна миля остается до желанной цели, то даже и тогда, если приходит сомнение, оно делает достижение цели невозможным. Из этого можно получить урок – урок, который можно использовать во всем, что мы делаем в жизни, в каждом жизненном шаге: чтобы достичь чего-либо, надо верить. Даже малейший недостаток веры в виде сомнения уничтожит все, что мы уже сделали.

"Воистину вера есть свет, а сомнение – тьма".

ТАЙНА СНА

Мы видим в нашей повседневной жизни, что лучший друг ребенка – тот, кто помогает ему уснуть. Сколько бы мы ни дарили ребенку игрушек, сколько бы ни давали кукол и сладостей,

самой большой благодарностью малыш одарит человека, который помог ему заснуть. Когда благословенная рука матери укачивает его, для ребенка это величайшая польза; именно в эти моменты он наиболее счастлив.

Если больные или страдающие от боли люди могут спать, они счастливы. Тогда вся их боль уходит. Если только они могут спать, то чувствуют, что вынесут все. Поэтому они станут просить врача дать им что угодно, лишь бы уснуть. Если предложить человеку царский дворец и все удовольствия, всю роскошь, самое лучшее окружение и лучшие кушанья при условии, что он не будет спать, он скажет: "Мне этого не надо, я выбираю свой сон!".

Разница между счастливыми и несчастными состоит в том, что несчастные не могут спать. Сожаления, заботы, беспокойство и тревоги унесли их сон. Что заставляет людей принимать алкоголь или всевозможные наркотики? Только это. Когда человек употребит алкоголь, его посещает поверхностный сон, вызванный сильным стимулятором.

Его руки и ноги спят, его язык спит; он не может разборчиво говорить; он не может ходить прямо и падает. Радость этого сна так велика, что, если человек однажды напился, ему хочется напиться опять. Тысячи раз он клянется, что больше не будет пить, но все повторяется снова.

В одной из поэм Руми говорится: "О сон, каждую ночь ты освобождаешь пленника от оков!". Пленник, пока он спит, не знает о своем плене; он свободен. Несчастный не несчастен; он доволен. Страдалец больше не чувствует боли или горя. Это показывает нам, что душе не присущи ни боль, ни несчастье. Если это было так, это всегда будет так, пока тело спит. Душа не чувствует страданий тела и ума; только когда человек пробуждается, душа начинает думать, что охвачена болью и несчастьем. Все это помогает нам понять великое благословение сна. И это великое благословение дается нам даром, как и все лучшее в жизни. Нам не приходится платить за сон. Мы платим тысячи фунтов за драгоценности, за камни, в которых нет для нас никакой пользы, тогда как хлеб можем купить за гроши.

Человек не знает, как велика ценность сна, потому что приносимую им пользу нельзя увидеть или пощупать. Если человек занят, если у него есть дело, приносящее деньги, он может заниматься им даже за счет сна, потому что видит, что получает так много фунтов и так много шиллингов; но он не замечает того, что дает ему сон.

Когда мы спим, мы обычно испытываем два состояния: сновидение и глубокий сон. Сновидение – это бесконтрольная деятельность ума. Когда мы пробуждены, когда наш ум работает бесконтрольно, он показывает нам картины, приходящие из хранилища впечатлений, – мы зовем это воображением. Когда мы контролируем деятельность ума, мы называем это мыслью. Картины воображения, приходящие во время сна, мы называем сновидениями. Мы не называем их реальностью, потому что пробужденное состояние показывает нам нечто другое; но, пока мы не пробудились, сон для нас реален.

Во время глубокого сна человек обычно не сознает ничего, а когда просыпается, чувствует себя свежим и обновленным. Что мы делаем, когда быстро засыпаем? Душа в это время освобождается из оков тела и ума. Она становится свободной; она отправляется к собственному элементу, к высшим сферам, радуется пребыванию там и чувствует себя счастливой. Она испытывает все счастье, все благословение и мир, которые там есть.

Кроме сновидений и глубокого сна к нам могут приходить видения. Мы их видим, когда душа во сне активно действует в высших сферах. То, что она там видит, ум интерпретирует в аллегорических картинах. Душа ясно видит подлинные вещи, а то, что получает из этих впечатлений ум, только более или менее соответствует тому, что видит душа. Поэтому вещь воспринимается в форме картины, аллегии, иносказания, которые мудрец может истолковать, потому что он знает язык этих сфер. Если он видит себя поднимающимся в гору или спускающимся с горы, если он видит себя в лохмотьях или в роскошном платье, в самолете или в пустыне, он знает, что все это означает. Невежественный человек не знает; он просто думает, что это был сон и ничего более.

Человек лицезрит в видении либо то, что касается его самого, либо то, что касается других людей, которые ему интересны. Если он интересуется своей нацией или человечеством в целом, он увидит то, что должен сделать ради блага родного народа или человечества.

Во сне можно услышать голос или получить послание в буквах. Это более высокая форма видения. Святые и мудрецы лицезрят в видении именно то, что должно случиться, или обстоятельства настоящего времени, потому что их ум находится под контролем воли. Даже во сне их ум ни секунды не считает, будто может действовать независимо от их воли. Поэтому, что бы ни увидела их душа, оно оказывается точно таким, каким привиделось. Они имеют видения, даже когда бодрствуют, потому что их сознание не привязано к земному плану. Оно пробуждено и свободно действует на высших планах.

Кроме сновидения, видения и глубокого сна мистики испытывают два других состояния: самостоятельно вызванное сновидение и самостоятельно вызванный глубокий сон. Совершить это – цель мистицизма. Это так просто, что может быть объяснено в нескольких словах, и в то же время так сложно, что я склоняю голову перед тем, кто этого достиг. Достичь этого можно посредством концентрации и медитации.

Очень трудно удерживать в уме одну мысль, освободив ум от всех других мыслей и картин. Тысячи мыслей, тысячи картин приходят и уходят. Повелевая этим, мистик повелевает всем; затем он пробуждается на этом плане так же, как и на высшем плане, и для него первый становится сном, а второй – бодрствованием. Люди могут сказать, что мистики совершившие это – великие оккультисты, люди, имеющими большие психические способности; но цель их состоит не в этом. Их цель – это подлинное сознание, настоящая жизнь, простирающаяся по ту сторону: Бог. Когда эта жизнь раскрывается для них, вся мудрость открыта для души и все книги, все учения мира становятся понятны им.

СОЗНАНИЕ

Способно ли сознание видеть без глаз или ему нужны для этого глаза – вопрос, приходящий на ум всем метафизикам. Если сознание само по себе способно видеть, без помощи глаз, зачем тогда были созданы глаза? Некоторые люди способны видеть то, что происходит на расстоянии многих сотен миль или случится через много лет. В Хайдерабаде жил дервиш, имевший привычку курить очень крепкий гашиш. Выпуская дым изо рта, он вглядывался в него и отвечал на любой вопрос, который ему задавали. Если кто-либо спрашивал: "Где сейчас мой дядя?" – он мог ответить: "Твой дядя? В Калькутте, возле рынка, во втором доме слева. Твой дядя сидит в своей комнате, рядом его слуга, а перед ним стоит его ребенок". Какой бы вопрос ему ни задали, он всегда давал ответ. Перед его сознанием не было внешнего "я", и поэтому оно могло видеть посредством глаз другого человека – дяди или еще кого-либо. Но он видел все это не без помощи глаз.

Когда я был в России, то встретил там одного африканца, совсем простого человека без всякого образования. Ночью, во время сна, он узнавал, что сказал или сделал любой человек, заходивший в дом. Это происходило потому, что его душа могла бродить по дому и видела при помощи глаз тех, кто заходил в дом.

Способность видеть изначально присутствует в сознании. Поэтому среди имен Бога есть имена "Басир" – Видящий и "Сами" – Слышащий. Басарат, способность видеть, становится более ясной с приближением ее к проявленному миру. Таким образом, вселенское сознание видит глазами каждого живого существа на земле. В одно и то же время оно смотрит глазами миллионов существ на земле. Вор может украсть что-либо, спрятать, скрыть от всех и думать, что никто его не видел; но он не способен укрыться от взгляда того сознания, которое находится в нем самом и смотрит его глазами. Это не так, что Бог смотрит вниз с расстояния и видит все творения на земле; он видит посредством глаз этих самых существ. Может возникнуть вопрос о том, не ограничивает ли это Бога, не делает ли беспомощным и зависимым; но, если даже нам это и представляется таким, виной тому то, что мы сжимаем Бога до части Его существа. Мы отнимаем у него одну часть и называем ее своей, нашим "я", тогда как в действительности все это есть Бог, Единосущий. Индийский поэт сказал: "Что я назову своим "я"? Все, что я вижу – Твое; тело, ум, душа – все это Твое. Ты есмь, меня нет".

Мистики во сне видят не только то, что может происходить на расстоянии, но и во всех временах. Когда-то в Дели жил мистик, или муршид, по имени Шах Алам. Однажды во время стрижки у цирюльника он смотрел в маленькое зеркало, какие используются в Индии. Внезапно он швырнул зеркало на землю и оно разбилось на кусочки. Бывшие с ним мюриды растерялись; цирюльник тоже удивился, не понимая, что заставило его бросить зеркало с такой жестокостью. Но потом муршид объяснил, что случилось: один из его мюридов в это время плыл морем из Аравии в Индию; шторм разбил корабль, и этот человек находился в большой опасности. Он стал просить своего муршида о помощи, и тот увидел все происходящее в зеркале и спас его.

До определенной степени просветленная душа может получить представление обо всех прошедших событиях в эволюции человека. Но неужели эти глаза настолько вместительны, что сохраняют внутри себя все, что видят? И неужели ум, благодаря которому человек обретает память, самое удивительное из всех средств хранения информации, всегда помнит все, что видел и испытывал в жизни? Нет, сохраняются только определенные вещи, произведшие наиболее глубокое впечатление. Если бы мы могли помнить все – все сказанные другими плохие и хорошие слова, все прочитанные нами книги и все глупые и сумасшедшие вещи, которые нам приходилось слышать, чем бы мы стали в конце концов? Люди имеют разум; у них есть тело; их здоровье тесно связано с тем, что в них входит, а затем выходит. Если бы это было не так, человек не смог бы жить, поэтому он принимает только суть, а остальное отбрасывает. К тому же, то, что он берет из мира ангелов и мира джиннов, это только сущность – сущность опыта. Тому, кто помнит все плохое и все хорошее, случившееся в прошлом, не стоит завидовать, потому что ему наверняка придется испытывать многочисленные угрызания совести, а это не может не наполнять его горечью. Забыть – это величайшее облегчение, подобное омовению в Ганге. Настоящее может предложить нам так много прекрасных вещей, и если мы просто откроем глаза и взглянем на них, то нам уже не придется искать прекрасное в прошлом. Прекрасное всегда здесь.

СОВЕСТЬ

Совесть является продуктом ума, причем лучшим его продуктом. Это сливки его деятельности. Но совесть человека, живущего в одной стране, может совершенно отличаться от совести жителя какой-нибудь другой местности, потому что будет сделана из другого элемента. Например, в древности существовали сообщества разбойников, которые считали себя призванными грабить караваны, следовавшие через их территорию. Их мораль и принципы были таковы, что, если бы одна из жертв взмолилась: "Я отдам вам все, чем владею, только отпустите", – они бы ответили: "Нет, мы хотим увидеть твою кровь". Они не отпускали никого, не нанеся раны; они как бы говорили: "Мы не принимаем от тебя никаких даров; мы не нищие – мы разбойники. Наше ремесло заставляет нас рисковать жизнью; мы отважны и поэтому вправе делать все, что захотим". Такая же мораль была и у некоторых пиратов. Они верили в то, что их занятие добродетельно, и благодаря этому становились королями. Одни и те же люди, когда малы, – они грабители, но когда они становятся великими, – они короли.

Таким образом, совесть – это то, что мы сами создали. В то же время это самое прекрасное из того, что мы можем создать, точно так же, как мед есть лучшее, что в силах создать пчелы. Красивые впечатления жизни, нежные мысли и чувства копятя в нас и творят представление о хорошем и плохом. Если мы идем против совести, то это приносит дискомфорт. Счастье, утешение в жизни, мир и покой зависят от состояния нашей совести. Вся жизнь в этом мире основана на договоренностях и принятых идеях, и совесть воздвигается на этом основании. Для того чтобы обычаи могли развиваться, они требуют особой окружающей среды. Они являются причиной человеческих различий, и ни одна из цивилизаций, даже самая развитая, не может их избегать. Прогресс цивилизации создает необходимость такого рода. Люди принимают их без удовольствия, но все-таки живут в соответствии с этими соглашениями. Человек искусства свободен от условностей, потому что живет в своем собственном мире, и чем более велик

художник, тем более это проявляется; но обычный человек не может жить в гуще мира, пренебрегая обычаями.

Самый лучший способ понять цивилизацию – это духовный путь. Однажды, когда человек поймет духовную мораль, то нет нужды изучать мораль, созданную человеком, – она появится сама собой. Как только человек начинает уважать удовольствие и неудовольствие Бога в чувствах каждого человека, с которым общается, он не может не стать более утонченным, какими бы ни были обстоятельства его жизни. Он может жить в хижине, но его манеры и обращение превзойдут все, на что способны обитатели дворцов. Более того, едва лишь человек начнет судить свои поступки, в его природе разовьется справедливость и все, что он сделает, будет справедливым и порядочным; для этого ему не нужно слишком много изучать внешние условия. А еще есть суфийская концепция Бога как Возлюбленного. Если придерживаться ее, а именно представления о том, что в каждом человеке в большей или меньшей степени присутствует божественный дух, и эта концепция практикуется в обыденной жизни и учитывается во взаимоотношениях с каждым человеком, тогда мы начнем рассматривать всех людей с тем же поклонением и уважением, с тем же вниманием и предупредительностью, которые испытываем к Возлюбленному, к Богу.

Таким образом, духовная жизнь учит человека замечать то лучшее, что присутствует в обычаях. Когда цивилизация подойдет к тому, чтобы выстроиться на духовном основании, а это непременно случится однажды, условности мира обретут подлинность и значимость.

Совесть рождается из сути фактов, но не из истины. Ведь истина стоит над всем; она не имеет отношения к совести. Но понимание истины подобно ручейку, который расширяется и становится океаном, и тогда человек восходит к такому уровню понимания, что осознает: все истинно и все есть истина. Больше ничего нельзя сказать об абсолютной истине, а все остальное – майя; если придерживаться этой точки зрения, ничто в мире не будет неправильным и ничто не будет правильным. Если мы принимаем правду, то мы обязаны принять и неправду. Теория относительности Эйнштейна есть теория того, что индусы назвали Майей, иллюзией, иллюзией причиняемой относительностью. Все существует лишь постольку, поскольку принимается нами; мы признаем то или иное правильным, хорошим, прекрасным, и то, что однажды было принято, становится частью нашей природы, нашего индивидуального "я"; если же мы не принимаем что-либо таковым, то этого не происходит. Ошибка, пока мы не признаем ее таковой, не является ошибкой; но, будучи принята за ошибку, она ею становится. Можно сказать, что мы не всегда знаем, что это была ошибка; но разве мы не узнаем об этом по болезненным последствиям? А это тоже принятие ошибки.

Есть дервиши, которые работают против общепринятых фактов например против того факта, что огонь вызывает ожоги. Они прыгают в огонь и выходят из него целыми и невредимыми. Они говорят, что адское пламя – не для них. Если они могут доказать, что огонь не причиняет им вреда здесь, определенно, для них не будет огня и в грядущей жизни.

Лучший способ проверить жизнь – это всегда использовать свою совесть как инструмент для тестирования всего, показывающий присутствие гармонии или дисгармонии. Но и в каждом человеке тоже происходит постоянное действие и реакция совести. Причина этого – наличие различных фаз существования человека. В одной фазе он менее мудр; если же он глубже заглянет в себя, то его мудрость прибавится. Совершенное им в одной сфере он отрицает в другой. Человеку надо так много всего отвергнуть и победить в самом себе, что действия и реакции совести происходят в нем даже без контакта с другими людьми.

Иногда человек в одном настроении может быть демоном, а в другом – святым. Есть время и настроения, когда человек совершенно безрассуден; есть порывы к хорошему и порывы к плохому – такова человеческая натура. Поэтому нельзя утверждать, что в злом человеке вовсе нет ничего доброго, а в добром – ничего злого. Но в наибольшей степени на совесть человека влияет его собственное представление о добре и зле; второе по значению влияние – представления об этом других. Вот почему человек несвободен.

С совестью дело обстоит так же, как и со всем прочим. Приученная царить в мыслях, речи и поступках человека, она становится сильнее; если же этого не происходит, она слабеет и из контролера превращается в пытку.

Совесть – это свойства всего сердца в целом, а сердце состоит из рассудка, мыслей, памяти и сердца как такового. Сердце в своих глубинах связано с божественным Разумом, так что в глубине сердца присутствует более великая справедливость, чем на поверхности; именно поэтому оттуда исходит вид интуиции, вдохновения, знания, потому что внутренний свет проливается на нашу личную концепцию вещей. Тогда обе части сливаются. В совести Сам Бог сидит на троне справедливости.

Человек, осужденный собственной совестью, более несчастен, чем тот, кого осудил суд. Человек, чья совесть чиста, может быть осужден на изгнание или тюрьму и все же останется львом, хотя и львом в клетке, – ведь даже в клетке возможно внутреннее ощущение счастья. Но если совесть человека внушает ему презрение к самому себе, то это худшее наказание, горше которого не может назначить ни один суд. Саади прекрасно выразил это; он увидел трон Бога в совести и сказал: "Позволь мне признаться в своих ошибках тебе лишь одному, чтобы не пришлось мне идти ни к кому в мире унижать себя".

Если мы допускаем унижение, значит мы унижены, считаем мы так или нет. Это не зависит от другого человека, который унижает нас; это зависит лишь от нас самих. Даже если весь мир уверен в обратном, его уверенность ничего не значит, если наш ум чувствует унижение; а если ум не принимает нечто за унижение, то оно и не является для нас таковым, что бы там ни думал мир. Если придут тысяча людей и назовут нас злыми или безнравственными, мы не поверим им, пока наше сердце не подскажет нам, что это так. Но едва только сердце скажет: "Я – злой", – а тысяча людей могут твердить: "Ты – добрый", – то голос сердца будет звучать для нас громче. Если мы сами сдались, никто другой не сможет нас поддержать.

Конечно, лучше всего избегать унижения, но, если человек не в состоянии сделать это, он становится своего рода пациентом, нуждающимся в помощи врача. Ему нужен кто-то достаточно сильный, чтобы помочь; ему нужен руководящий ум, который бы заботился о нем и вывел из этого состояния. Если человек становится пациентом, он не может сам себя полностью вылечить; он в состоянии сделать многое, но все равно нуждается в докторе. Конечно, когда чувство унижения проникло в ум, то его следует принять как урок, как необходимый яд. Но яд всегда остается ядом. То, что попало в ум, начинает расти в нем. Его надо удалить оттуда; оставленное, оно разрастется. Такие впечатления, как унижение, страх и сомнения будут расти в подсознании, принося плоды, и в определенный момент времени человек осознает их.

ДАР КРАСНОРЕЧИЯ

Сравнивая царства минералов, растений и животных с человечеством, мы замечаем, что не только человек, но и все остальные существа наделены даром выражения. Камень обладает наименьшей способностью к выражению, и к нему мы чувствуем наименьшую привязанность. Мы бьем и колем его, мы добываем его в каменоломнях, и находим для него всевозможное применение, и совсем не симпатизируем ему, потому что он не разговаривает с нами. Он говорит нам слишком мало. Гораздо больше симпатии мы испытываем к растению; мы любим его, оберегаем, даем ему воду, и, поскольку оно обладает большей выразительностью, мы заботимся о нем больше. Но и среди камней есть некоторые, говорящие с нами более других; в особенности мы ценим алмазы, рубины и изумруды. Мы платим за них тысячи фунтов; мы носим их на себе.

Животные наделены гораздо большим даром выражения, чем растение или камень, и кажутся нам несравнимо более близкими существами. Собака вилянием хвоста, прыжками, каждым моментом своей жизни говорит: "Я тебя люблю", – и мы дарим ей значительно больше заботы. Мы не нуждаемся в том, чтобы рядом с нами в кресле лежало растение, но если собака сидит в кресле, то нам это нравится. Кошка тоже не владеет речью, но все равно умеет общаться с нами своим голосом. Во всех частях света люди ценят соловья за его голос, его выразительность. В лесах множество птиц, о которых мы никогда не думаем, потому что они не имеют голоса. Но певчих птиц мы все знаем и любим держать попугаев, которые могут говорить.

В Коране говорится, что Аллах сделал человека Халифом, правителем над всеми творениями, благодаря этому его дару – речи. Только человек наделен даром красноречия. Но тогда как одни люди подобны камню, некоторые – растению или животному, другие обладают человеческими качествами. Человек, похожий на камень, не способен к выражению; в нем нет магнетизма, притягательной силы. Он имеет лишь то, что присутствует в его внешнем облике – совсем как камни, пусть даже рубины и изумруды; если отбросить внешнее, больше ничего не останется. Человек, подобный растению, лишен интеллекта; у него есть лишь некоторые чувства, некоторая индивидуальность. Он может быть красив, а может походить на колючку или ядовитое растение. Человек-животное наделен чувствами и страстями, но не способен их выразить. Лишь тот является подлинно человеческим существом, кто наделен даром выражения, кто может говорить о том, что он чувствует.

Дар красноречия у индусов олицетворяет Вак, богиня речи. Почему не бог? Потому что тот, кто говорит, отзывчив Создателю, Богу внутри нас⁵. Индусы также различали три типа людей: ракшаса, или монстр, мануша, или человек, и дэвата, богоподобный человек. Монстром является тот, кто лишен речи и чувств. Человек-мануша наделен чувствами, но лишен выражения. Богоподобный человек красноречив; и именно это делает его тем, кто он есть.

Красноречие существует от начала времен, потому что вначале было Слово, предшествующее созданию человека. Но ни камень, ни растение, ни животное не могли выразить Слово; это оказалось по силам только человеку, и когда он это сделал, то стал инструментом письма для Божественного Сущего. Вот почему творение обрело в человеке совершенство, вот почему он стал высшим из всех живых существ. Но говоря и раня своей речью сердце и чувства другого человека, он злоупотребляет красноречием. Русская пословица гласит: "Красноречивый язык – это меч, побеждающий мир". Меч может побеждать, а может и убивать. И язык тоже способен или побеждать, или разить. Эта же мысль выражена в евангельской проповеди: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю".

Мир подобен куполу, где все сказанное возвращается к нам. Если мы скажем: "Как красиво!" – эти слова вернутся к нам. Если скажем: "Ты глупец!" – эхо отзовется: ты глупец. Иной может считать себя очень важной персоной, которой позволено говорить все что вздумается, но однажды эхо его дурных слов настигнет его.

Иногда человек и не хотел бы говорить другу ранящих слов, но, сам не желая того, говорит грубо, потому что его ум переполнен плохими впечатлениями, хранящимися в нем. Поэтому мы должны сохранять только хорошие впечатления, не удерживая при этом другие, для того чтобы от нас исходило только добро.

О предмете можно говорить двумя способами. Прежде чем начать говорить, можно вспомнить все известное о предмете, а затем перечислить все доводы, всплывшие в уме. Это речь попугая. Человек повторяет то, что он выучил, совсем как попугай, говорящий определенные слова, потому что его научили так делать. Другой способ высказываться состоит в том, чтобы опереться на хранилище, на знание, всегда присутствующее в самом человеке. Чтобы обнаружить это знание, нужна стрела; такой стрелой служит глубинное чувство, что пронзает все преграды. Знание всегда с нами, но без красноречия мы отрезаны от него.

Когда мы видим ковыляющего по улице кривобокого калеку, то очень легко посмеяться над ним, но маленькое чувство вызовет в нас сожаление, а глубинное чувство принесет с собой способность выразить сожаление и сострадание.

СИЛА МОЛЧАНИЯ

В веданте дыхание называется праной, жизнью. Дыхание – это цепочка, связующая воедино тело, сердце и душу. Дыхание так важно, что когда оно уходит, то покинутое им тело – тело, которое так любили и о котором так заботились, что даже из-за маленького насморка или кашля

⁵ Отзывчивость и восприимчивость Инайят Хан относит к женским качествам, тогда как мужским является деятельность.

бежали к докторам и хватались за лекарства, становится больше не нужно. Оно уже не может оставаться живым.

Речь являет собой разрыв в дыхании. Иначе говоря, когда человек говорит, ему приходится делать больше вдохов и выдохов, чем в случае молчания. Дыхание подобно обручу, с которым играют дети: чем сильнее удар палочки, тем больше оборотов сделает обруч, катясь по земле; когда импульс толчка будет исчерпан, обруч упадет. Можно также привести в пример ход часов. Часы идут в течение такого периода времени, на который хватает их завода; его может хватить на двадцать четыре часа или на неделю, но дольше этого срока они идти не смогут, как бы сильно их ни заводили. Или вспомним детский волчок: он делает столько оборотов, на сколько хватит силы, с которой его раскрутили, а когда сила исчерпана, волчок падает.

От первого вздоха зависит, насколько длинной будет наша жизнь: сколько вдохов и выдохов нам отпущено. Разговаривая, мы тратим очень много жизненных сил; молчание в течение одного дня означает удлинение жизни на неделю или больше, а день, проведенный в разговорах, отнимает неделю жизни. Молчание – это лекарство от многих бед, хотя человек, живущий в миру, разумеется, не может практиковать его постоянно. Но он в состоянии следить за своими словами; человек мог бы помнить, что за каждое сказанное им слово он будет награжден небесами или наказан адом.

В Индии с древних времен живут мистики, которых называют муни. Они никогда не говорят, хотя в остальном живут как все люди. Эти мистики часто живут намного дольше, чем мы в настоящее время: триста лет, пятьсот лет и даже более.

При воздержании от речи дыхание остается непотревоженным; оно равномерно и спокойно. Мистики всегда уделяли большое внимание дыханию и сделали его изучение принципиальным моментом своих занятий. Тот, кто овладел дыханием, овладел и собственной жизнью; тот, кто не может управлять дыханием, подвержен всем возможным болезням. Есть люди, управляющие дыханием бессознательно, например боксеры и борцы, а также некоторые люди, ведущие праведную жизнь.

В наше время мы настолько любим поговорить, что оставшийся в одиночестве человек испытывает желание выйти из дома и попытаться найти какого-нибудь собеседника. Часто люди наедине с собой начинают разговаривать с окружающими предметами, а многие говорят сами с собой, если больше не с кем. Если бы кто-нибудь объяснил им, они бы, возможно, поняли, как много энергии теряют с каждым сказанным словом. Молчание – это расслабление ума и тела; оно дарит отдых и лечит. Сила молчания очень велика, и не только с точки зрения получения и накопления энергии и жизненной силы, но и с моральной: много пользы можно приобрести молчанием.

Многие глупости, совершаемые нами, это глупости речи. За каждую неделю на одно ошибочное действие мы совершаем тысячи ошибок речи. Часто мы оскорбляем или раним другого только лишь потому, что слишком много говорим; воздержись мы от речи, этого бы не случилось.

Кроме того, существует тенденция к преувеличению. Все идеалисты, любящие чем-либо восхищаться, имеют склонность к преувеличениям. Если человек вышел из дома и увидел на плакате, что прилетает "цеппелин"⁶, он стремится напугать своих друзей и рассказывает, что летят двадцать "цеппелинов". Когда его друзья впадают в панику, он испытывает определенное удовлетворение. Если идеалисты питают нежные чувства к другому, они говорят, что он – солнце и луна в небесах. Нет никакой нужды говорить все это.

В разговорах человек развивает в себе еще и склонность к противоречию. Что бы ни говорилось, он желает сказать нечто противоположное. Он становится похож на боксера или борца: если ему не с кем мериться силами, он чувствует себя обманутым, настолько велика его склонность к речи.

Однажды я присутствовал на приеме в доме друга, где среди людей был некто, споривший с каждым гостем, так что все они от него устали. Я старался избежать общения с ним, но кто-то представил нас друг другу, и, когда он услышал, что я преподаю философию, он решил: "Вот

⁶ "Цеппелин" – тип дирижабля, названный по имени конструктора; использовался в первой мировой войне.

кто мне нужен". Первым делом он сказал: "Я не верю в Бога". Я спросил его: "В самом деле? Но верите ли вы в этот проявленный мир, в красоту этого мира многообразия и в то, что за ним стоит сила, породившая все это?". Он ответил: "Я верю во все это, но почему я должен поклоняться определенной личности и называть ее Богом? Я верю во все это, но не называю это Богом". Я сказал ему: "Вы верите, что каждое следствие имеет свою причину и что у всех этих причин должна быть одна изначальная причина. Вы называете это причиной, я – Богом; это одно и то же. Всегда есть кто-то главный, которому вы отдаете честь, кто-то над вами, перед которым вы склоняетесь, например, отец и мать, есть нечто светлое, что вы любите и чему поклоняетесь, есть кто-то, к кому вы относитесь с уважением, некая сила, перед которой вы чувствуете себя беспомощным. Каким же могуществом должна обладать Личность, которая создала и теперь держит под контролем все это, и насколько более она достойна веры и почитания!". Он ответил: "Но я не называю ее божественной силой, я зову ее универсальной силой, свойством, действующим механически, согласовывая все". Когда я пытался удерживать разговор на одном предмете, он перескакивал на другой; когда я следовал за ним, он опять перескакивал на следующий, пока наконец я не бросил это занятие, припомнив слова Шанкарачарья: "Все невозможное можно сделать возможным кроме одного: нельзя подвести к истине ум глупца".

Стремление противоречить может разрастись настолько, что, даже если человек слышит собственную мысль из уст кого-то другого, он занимает противоположную позицию, чтобы обеспечить возможность спора. Есть персидская поговорка: "О Молчание, ты есмь бесценное блаженство, ты скрываешь промашки глупцов и даришь вдохновение мудрым!".

Как много неразумного мы говорим из одной только привычки говорить! Как много бесполезных слов произносим! Если нас представили кому-то, то мы обязаны говорить, иначе нас сочтут невежливыми. И начинается беседа вроде этой: "Какой ясный день; сегодня холодно", – или еще что-нибудь о погоде и так далее; привычка к таким бесцельным беседам со временем превращается в болезнь, так что человек не может успокоиться, пока не опустошит головы окружающих обсуждением бесполезных вещей. Он больше не может ни минуты прожить без того, чтобы следовать этому самоинтересу; он становится так увлечен речью, что может в один прекрасный день рассказать историю своей жизни незнакомцу, не давая ему вставить слово, хотя человек может быть весьма этим раздражен и готов сказать: "Мне-то что за дело?" Люди также часто выбалтывают тайны, о чем потом им приходится жалеть.

Под властью этих же чар человек выказывает в своих речах равнодушие, гордость, предубеждение, в чем после раскаивается. Все это порождается отсутствием контроля за речью. Иногда слово оказывается более ценным, чем все сокровища мира, а в других случаях слово может обратиться в меч.

Есть разные пути к вдохновению, но лучший среди них – молчание. Все мистики хранят молчание. Во время странствий по Индии я встречал многих великих людей, и все они воздерживались от речи хотя бы несколько часов в день, а некоторые – все двадцать четыре часа в сутки.

В Хайдарабаде жил мистик по имени Шах Кхамуш. Его звали так по причине его молчания. В юности это был очень умный и энергичный человек, который однажды пришел к своему муршиду с очередным вопросом наготове, что так естественно для ученика. Муршид сидел, погруженный в экстаз, и так как он не желал говорить, то приказал ему: "Молчи". Мальчик был глубоко поражен. Он никогда прежде не слышал таких слов от своего муршида, всегда такого доброго, терпеливого и готового ответить на любой вопрос. Но этого урока хватило ему на всю жизнь, поскольку он был разумным человеком. Он вернулся домой и не говорил ни с кем из семьи, даже с родителями. Тогда его муршид, видя это, тоже перестал разговаривать с ним. В течение многих лет Шах Кхамуш не проронил ни слова, и его психическая сила возросла настолько, что достаточно было взглянуть на него, чтобы испытать вдохновение. Одним своим взглядом он вдохновлял любого. Одним взглядом лечил. Это случилось не так давно, лет двадцать пять назад.

Активность несет опьянение, а в наши дни активность так увеличилась, что с утра до вечера у нас нет ни минуты передышки из-за каждодневной вечной занятости, заставляющей

нас без конца двигаться. К вечеру мы так устаем, что хотим только спать, а с утра все начинается снова. Этот образ жизни многое губит; человек так жаждет удовольствий, что забывает о жизни, которая сама по себе является удовольствием. У каждого должен быть хотя бы один час в день, посвященный тишине и неподвижности.

Следом за молчанием речи приходит молчание мыслей. Иногда человек сидит неподвижно, ничего не говоря, но мысли его непрерывно скачут. Ум может не хотеть этих мыслей, но они все равно приходят. Ум оказывается для них танцевальным залом, в котором они беспрепятственно кружатся и кружатся. Надо, чтобы одна мысль стала такой интересной, такой важной, что смогла бы вытеснить все прочие.

Когда мысли утихомириваются, наступает тишина в чувствах. Мы можем ничего не говорить против какого-либо человека, можем даже не иметь мыслей против него, но если хотя бы легкая неприязнь к нему присутствует в нашем сердце, то он это почувствует. Он ощутит в этом сердце ожесточение. Так же обстоит дело с любовью и привязанностью.

Абстрактное означает существование за пределами этого мира, где все формы существования сливаются, где все они встречаются друг с другом, и это отвлеченное состояние имеет собственное звучание. Когда этот звук также затихает и человек поднимается над ним, он достигает высшего состояния, наджат, Вечности; но, определенно, чтобы достичь этого состояния требуется очень много усилий.

СВЯТОСТЬ

Человек часто задается вопросом о том, что означает слово "святой". Иногда его понимают как духовный, благочестивый, чистый, религиозный; но ни одно из этих слов не объясняет полностью его значения. Святость – это следующая ступень над благочестием. Богоосуществление или богоосознание есть благочестие; самоосуществление есть святость. Первый шаг к самоосуществлению – это именно осуществление Бога в себе; не через самоосознание человек осуществляет Бога.

Святость есть искра божественности в человеке, и нет такой души, которую можно было бы признать лишенной этого. Искра божественного – это сам свет, и, хотя он существует и на низших уровнях творения, у животных и птиц, деревьев и растений и у любой другой формы жизни, именно в человеке он получает возможность развиваться в пламя. Сначала этот свет сокрыт в сердце человека, но по мере того, как сияние божественности начинает излучаться из сердца, в человеке появляются признаки святости. Это происходит потому, что святость не является человеческим наследием; она унаследована каждой душой от Бога. Но проявляется она лишь тогда, когда сердце открыто и из божественной искры взвивается вверх язык пламени, освещающего путь человека в жизненном странствии к духовной цели. Именно из-за непонимания этого человек может признавать определенного учителя, в котором он сам, или его друзья, или предки видят божественность, и в то же время отвергать всякого другого учителя, несмотря на его очевидную святость. Святость не принадлежит какой-либо конкретной расе, сообществу или семье. Она естественно проявляется в жизни некоторых; в жизни остальных ее приходится отыскивать. Огонь присутствует в них, но он похоронен; его надо извлечь на поверхность. Иногда требуется раздуть огонь, чтобы помочь ему разгореться.

Святость имеет различные смыслы в зависимости от того, с чем она связана. Религиозная святость – это нравственность, философская святость – это истина, духовная святость – экстаз, святость в магии – это могущество, святость в героизме – это храбрость, святость аскета – это безразличие или беспристрастность, святость поэта – красота, а святость лирика – любовь.

Существует много рассказов о святых, живших в пещерах в Гималаях. О них можно прочитать в книгах. Нет сомнения, что души, достигшие высших степеней осуществления души, действительно испытывают стремление удалиться от мира и его раздоров и отыскать себе уголок, где никто их не найдет; однако немало в высшей степени медитативных людей можно встретить и в людской толпе. Я видел просветленных в разных обликах: среди нищих и богачей, бродяг и правителей, среди религиозных и нерелигиозных людей. От всех них

постоянно исходили духовные вибрации, и всеобщее братство, которое естественным образом вдохновляет душу, сознающую свое Я, проявлялось в их каждодневной жизни.

Девять лет своей жизни в Индии я провел в путешествиях с юга на север и с запада на восток, странствуя в поисках святых душ, и никогда в мой ум не закрадывалась мысль, что святые принадлежат к какой-то конкретной религии или вероисповеданию. Индуист склоняется перед своими божествами, мусульманин взывает к своему Господу, парс поклоняется огню, но верующий, ищущий Бога, ищет тайные жилища святых. Бог говорит с верующим устами святого, тогда как Бог ортодокса скрыт в теориях, Бог идолопоклонника заключен в святыне, а Бог исследователя-интеллектуала теряется в неясностях. Стремление к духовному осуществлению, родившееся в моем сердце, всю жизнь заставляло меня искать эти святых. Кто ищет, тот находит; и мне тоже удалось найти такие души. Я встречал их не только в глубинах лесов или в горных пещерах, но даже среди толпы.

Возникает вопрос: можно ли распознать в человеке святость по его поступкам? Конечно, ее можно увидеть в поступках, но кто возьмется судить поступок, если даже для мудреца трудно высказать суждение о поступке наихудшего из грешников? Кто кроме глупца примется судить святого? Несомненно, святость можно узнать в доброте, однако никто не может установить стандарт доброты, поскольку то, что для одного хорошо, для другого плохо; иногда для одного является ядом то, что для другого – лекарство. Доброта каждого человека особенна. Самый плохой человек на свете может упрекнуть самого лучшего в недостатке доброты, если пожелает, потому что никогда еще доброта одного человека не оказывалась таковой для всех и никогда не окажется. Но святость сама по себе есть доброта, даже если она не согласуется со стандартами добра других людей. Святость – это постоянно изливающийся фонтан света, это феномен сам по себе; он – просветление, и он просветляет. Свет не имеет никакого другого доказательства кроме себя самого. Святость не нуждается ни в утверждении, ни в защите и ни в гласности. Она сама себя утверждает, сама себя защищает, сам свет служит ей оповещением.

Многие в этом мире, похоже, запутались в том, что есть правда, а что ложь. Но приходит момент, когда человек начинает без помех отличать правду от лжи. Ведь ложное не может сколько-нибудь долгое время выносить все испытания и пробы. Только подлинное золото выдерживает все пробы, и с подлинной святостью дело обстоит так же. Святость постоянна, всеведуща, она прощает, понимает и в то же время стоит за всеми вещами и над всем. Ее нельзя разрушить, нельзя поколебать. Она – красота и сила, и она становится божественностью, когда достигает совершенства.

ЭГО

Суфийское понятие Нафсаниат означает слепоту личного эго, которое начало затемнять душу с того момента, когда человек вкусил запретный плод, как это описано в предании об Адаме и Еве. Человек начал свою жизнь на земле, получая пищу у растительного царства. Он даже ни на минуту не задумывался о том, что растения, цветы и фрукты хранят в себе жизнь и требуют от него той же любви, которую и он желал бы получать от каждого существа.

Его слепота увеличилась, когда он отнял у теленка молоко, которое природа предназначила тому в пищу, чтобы самому насладиться им. По мере того как росла его слепота, эго становилось все более деспотичным и человек начал жертвовать жизнью птиц и животных, чтобы утолить свои прихоти и аппетит. Так он поддерживал свое физическое "я", которое было воздвигнуто при помощи несправедливо нажитой собственности, в результате чего густая вуаль тьмы закрыла его глаза, сделала его эгоистичным и чувственным, считающим утоление своих страстей и аппетитов, обеспечение комфорта и удобства единственной целью жизни. Так он из человека превратился в животное, а с уровня животного скатился на дьявольский. Когда он достиг этой стадии, для него не осталось ни Бога, ни добродетели. Призыв Христа возлюбить своих врагов не выполнялся, потому что человек не способен был полюбить даже своего соседа, своего ближнего, если дело касалось его собственных интересов.

Именно этот аспект инволюции привел к наводнениям, извержениям вулканов и таким катастрофам, как гибель "Титаника", и теперешним общественным переворотам.

Человек решил, что цивилизация есть то, чему древние индусы дали название Кали-юги, или Железного Века. То, что они называли Крита-югой, или Золотым Веком, человек сегодня считает варварством, из чего видно, насколько очерствело человеческое сердце. В наши дни честное слово ничего уже не значит; требуется письменный контракт. Внешняя вежливость встала на место любви, искусственность вытеснила правду. Вместо личной храбрости пришла техника. Религия и мораль замещены профсоюзными объединениями, исследования материи заменили осознание жизни.

Человек уже не видит разницы между преходящим удовольствием и вечным миром. Объективный мир предстает перед его глазами таким конкретным, что он не может заглянуть за него. Он желает видеть материальные результаты своих усилий даже ценой своей жизни, и зов небес уже не может привлечь его к Бесконечности.

Есть такая пословица: "Груз накопленных грехов рано или поздно раздавит того, кто его несет". Каждого преступника преследует ужасная картина его преступления. Не приходится удивляться, что не осталось ни одной расы, которая не была бы вовлечена, в большей или меньшей мере, в нынешний всемирный переворот. Ни один уголок земли не избежал полностью этого ужасного испытания; погребальный звон раздается над каждой расой и религией. Итак, мы знаем, что катастрофа современной истории была предназначена и всего человечества; это явилось очищением, призванным помочь вступлению в идеальный период мира, который наступит лишь в том случае, если вместо воли человека будет выполнено намерение Бога.

ГЛУБИННАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ

В современную эпоху люди считают интеллектуальную жизнь или жизнь, заполненную физическим трудом, нормальной. Практичным человеком считается тот, кто наделен здравым смыслом, а здравый смысл не выходит за свои ограниченные рамки. Практичный человек – это тот, кто знает, как лучше всего удовлетворить свои материальные интересы в непрерывной жизненной борьбе. Некоторые считают здравым смыслом позитивизм, или веру только в то, что доказывает свою реальность для наших чувств и что может постичь, прочувствовать и познать наш ум. По этой причине ради большого и продолжающего расти прогресса в материальном мире мы захлопнули двери в другой мир развития, куда можно попасть, лишь открыв дверь к глубинной стороне жизни. По своей структуре и чертам характера, по своему физическому строению человек смотрит только на одну сторону и заслоняет другую своим собственным "я". Человек видит то, что перед ним, и не замечает того, что позади него. Из-за того, что он создан с такой натурой, он не может посмотреть на глубинную сторону, так как поглощен жизнью на поверхности.

Сегодня потребность во внутренней жизни велика как никогда. В наши дни развитыми оказались только качества головы, тогда как необходимо развивать качества сердца ради достижения равновесия жизни. Жизнь, таким образом уравновешенная, затем может быть подготовлена для восприятия внутренней культуры, или духовной жизни. Многие считают, что чувства совершенно не важны, что их можно с легкостью отделить от главной темы жизни, которой сейчас является интеллектуальность. Ни один из тех, кто размышлял о глубинной стороне жизни, ни на миг не усомнится в силе и вдохновении, которые поднимаются от пламенеющего сердца. Человек, наделенный качествами сердца, не должен быть простаком; ему незачем искоренять интеллект, просто сердечность придает интеллекту то, что аромат придает цветку. Мораль, усвоенная логически, суха – это фрукт без сока, цветок без аромата. Сердечность рождает подлинную добродетель, которой никто не может научить; любящий человек, человек с симпатией в сердце, изучает мораль через себя. Только равновесие мысли и чувства готовит почву к посадке в нее семени внутренней жизни.

Чтобы прийти к духовной жизни, надо сделать три шага. Первый шаг – познание природы и характера человека. Искатель делает первый шаг по тропе истины, когда оказывается способным совершенно понять своих ближних и найти решение для любой проблемы, связанной с ними.

Второй шаг – проникнуть в природу вещей и существ, понять причину и следствие и приобрести способность найти причину причин и следствие следствий; научиться видеть мотив всех мотивов и логику всех логик. Когда человек начинает видеть хорошую сторону в плохом и плохую в хорошем, замечать ложную сторону правды и правдивую сторону лжи, то это означает, что он сделал еще один шаг на духовном пути.

Третий шаг – подняться над всей болью и всеми наслаждениями жизни, так что он оказывается и в мире и вне его, живет и не живет одновременно. Так человек становится живым мертвецом, мертвым человеком, живущим вечно. Бессмертие не надо искать в будущей жизни; если его можно когда-нибудь обрести, так только во время жизни. На этой третьей ступени развития человек получает способность обретать счастье, силу, знание, жизнь и мир в себе самом, не завися от внешних вещей. Духовное знание, которое всегда искали пробудившиеся души, никогда не перестанет манить их. В прошлые эпохи искатели стремились найти себе проводника, наставника, который посвятил бы их в тайны глубинной стороны жизни, и когда секрет открывался, то для них в этом уже не оставалось тайны. Человек, еще не проснувшийся к внутренней жизни, не испытал жизни во всей ее полноте; он видел лишь одну ее сторону, может быть, и более интересную, но менее реальную. Тот, кто познал обе стороны жизни, внешнюю и внутреннюю, без сомнения, исполнил свое предназначение на земле.

ЖИЗНЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Под жизненным механизмом я понимаю окружение человека. Многие сознают, что этот механизм жизни в огромной степени влияет на их успехи и неудачи, но, несмотря ни на что, далеко не каждый человек размышляет о нем достаточно глубоко, чтобы понять, в каких пределах он влияет на его жизнь. Мистики всегда учили, что человек должен лечить самого себя как пациента и исцелять себя от слабостей, но с практической стороны окружающие условия тоже принимаются во внимание. Эта точка зрения подкрепляется словами Христа. Не следует удивляться, что человек не может достаточно быстро добиться чего-то в жизни, если даже для Творца это бывает трудно. Именно этой философии учил Христос, говоря: "Да будет воля Твоя и на земле, как и на небесах". Что Христос имел в виду? Он как бы говорил этим: "Твоя воля легко исполняется на небесах, и я хочу, чтобы люди помогли ей исполниться с такой же легкостью на земле".

Если человеку придется переплывать море, ему потребуется огромное мужество, огромная настойчивость и огромная вера, чтобы совершить такое путешествие, и все равно этот человек не будет знать, когда он достигнет цели; но на борту корабля путешествие становится легче. Тогда человеку уже не потребуется в такой степени истощать свою настойчивость и веру, потому что в его распоряжении будет механизм, помогающий достичь цели. Поэтому для достижения любой цели очень нужен механизм. Если человек желает обеспечить в своем доме комфорт, ему для этого нужны механизмы; если человек занят бизнесом или производством, то определенный уровень организации упрощает дело. В государстве правительство служит целям обеспечения порядка и мира. Когда становится холодно, человеку нужна теплая одежда, тогда как летом он нуждается в других вещах.

Сейчас эту идею легко понять, но создать правильный механизм очень трудно. Во-первых, слишком многие не имеют в уме ясного представления о своей цели. Они будут работать день за днем, не зная, чего на самом деле хотят, меняя свое мнение каждый раз, и это лишает их механизма, который можно создать лишь в том случае, если знаешь определенную цель в жизни. Очень часто чрезмерный энтузиазм и излишнее вмешательство в работу механизма нарушают его схему и разбивают цель. В другом случае, когда механизм не отвечает нужной цели, человек отказывается от той цели, которую сам перед собой поставил.

Никто никогда не может сказать, что достаточно осведомлен об этом предмете, потому что при лечении самого себя человеку нужно лишь знание о себе самом, тогда как в создании механизма ему приходится сталкиваться с множеством различных натур, и тут требуется гораздо более глубокое знание человеческой природы и жизни. Люди часто приходили ко мне и говорили: "Я смог вести себя так, как мне было сказано, и смог придерживаться концентрации и медитации, которые были мне предписаны, но моя цель еще далеко не достигнута". Но не хватает обычно вовсе не практики или работы над собой; может быть, не хватает именно нужного механизма. Например, если человек говорит: "Я сумел дисциплинировать себя и теперь могу очень хорошо медитировать. Сейчас я пойду сяду в порту и сосредоточусь на мысли, что нахожусь в городе по ту сторону моря", – сможет ли он действительно перенестись туда? Или же, если человек с самодисциплиной станет медитировать на мысли: "Все деньги, что находятся в банке, пусть придут в мой дом", – случится ли это? Даже если он будет медитировать возле банка тысячу лет, он не сможет добыть оттуда деньги!

В этом объективном мире человеку требуется объективный механизм, чтобы достичь определенного результата, и если люди, находящиеся на духовном пути, не видят эту сторону, они лишь доказывают этим, что, несмотря на все их достоинства и духовность, им не хватает равновесия и что они дают практическому человеку хорошую возможность посмеяться над тем, кто настроен мистически. Поэтому работа Суфийского Движения состоит не только в том, чтобы вести души к более высоким идеалам, но и в том, чтобы держать их глаза открытыми на пути и чтобы они могли видеть, куда идут. Суфии дают тем, кто не верит в духовные идеалы, пример обретения равновесия на протяжении всей жизни. Человек может заботиться о себе и концентрироваться на хорошем здоровье, и все-таки окружающая обстановка может стать причиной болезни. Это нельзя исправить; дело тут не в недостаточной духовности человека, а в недостатке материальности. Не показывает ли это, что нам следует добиваться равновесия этих двух начал? Человек не получит большого восторга, если станет таким духовным, что начнет летать по воздуху, но при этом он будет не лучше воздушного шарика. Только тот, кто может твердо стоять на земле, действительно чего-то достиг. Не о каждом человеке можно сказать, что он стоит на своих ногах. В мире нет ничего хуже зависимости, и если духовность делает человека более зависимым – например, от милостей других людей в том, что касается практической стороны жизни, – то такая духовность нежелательна. Духовность – это владычество и над материальным, и над духовным, это способность управлять самим собой и содержать в порядке жизненный механизм.

БЛАЖЕННОЕ ЧЕЛО

Под словом "чело" я подразумеваю выражение лица человека, которое непосредственно зависит от его отношения к жизни. Жизнь одинакова и для святого и для Сатаны; различия между их жизнями происходят единственно из несходства их взглядов на жизнь. Одна и та же жизнь для одного оборачивается небесами, а для другого превращается в ад.

Есть два воззрения на жизнь: в первом случае кажется, что все плохо; во втором случае – что все хорошо. Наша жизнь в мире с утра до вечера наполнена опытами, хорошими и плохими в различной степени; и чем глубже мы изучаем тайну хорошего и плохого, тем больше видим, что на самом деле нет таких вещей, как "хорошее" и "плохое". Все происходящее лишь кажется нам хорошим или плохим в зависимости от нашего отношения и обстоятельств.

Ординарному человеку легко судить, что хорошо, а что плохо, что справедливо, а что несправедливо; для мудреца это очень трудно. Каждый человек сам превращает вещи из хороших в плохие или из плохих в хорошие, потому что находится на своем индивидуальном уровне развития, с позиций которого и судит. Иногда некий предмет оказывается тоньше и сложнее другого, и тогда человеку бывает трудно вынести суждение о нем. Было время, когда музыку Вагнера не понимали, а было и такое, когда его признавали величайшим из композиторов. Порой вещи хороши сами по себе, но на нашем индивидуальном уровне развития они кажутся не такими уж хорошими для нас. Что считалось хорошим лишь несколько

лет назад, может уже не показаться нам таковым на новом этапе развития. Ребенок больше всего ценит своих кукол, но позднее начнет отдавать предпочтение творениям великих скульпторов.

Все это доказывает, что на каждой ступени эволюции представления человека о хорошем и плохом менялись – поэтому, если только поразмыслить над этим, придешь к пониманию, что нет ничего плохого или хорошего. Если бы существовала такая вещь, как "хорошее", то все было бы хорошим. Без сомнения, есть фаза, когда человек оказывается рабом своих собственных представлений о плохом и хорошем; но есть и другое состояние, в котором человек является господином. Это мастерство приходит к нему после осознания того факта, что хорошее и плохое рождаются из его же отношения к жизни; и тогда "правильное" и "неправильное", "хорошее" и "плохое" становятся его рабами, поскольку он знает, что в его власти превратить одно в другое.

Так открывается дверь к еще одной тайне жизни, и это показывает нам, что, поскольку в каждой вещи заключена двойственность, так же есть двойственность и в каждом действии и явлении. Во всем справедливом скрывается нечто несправедливое, а во всем плохом присутствует нечто хорошее. И затем человек начинает видеть, как мир реагирует на все его действия: один человек замечает только хорошее, а другой – лишь плохое.

В понятиях суфизма это определенное отношение называется хайрат, изумление; и как обычному человеку кажутся интересными кинофильмы, театры и ярмарки, так суфию интересна вся жизнь, постоянное созерцание изумления. Он не может объяснить этого миру, потому что нет таких слов, которые могли бы сделать это.

Есть ли такая радость, которую можно сравнить с радостью принимать вещи спокойно, терпеливо и легко? Все прочие радости происходят из внешних источников, но это счастье – собственность человека. Когда он дорастает до этого чувства, оно выражает себя не в словах, а в "блаженном челе".

У этого вопроса есть и другая сторона. Каждый из нас рад видеть того, кого он любит, уважает и боготворит; если же мы хмуримся при виде кого-то, так это потому, что этот человек не вызывает в нас восхищения или уважения. Любовь – это божественная сущность в человеке, и принадлежит она одному лишь Богу; любовь для человека – это урок, первый шаг к любви Бога. В человеческой любви мы начинаем видеть путь к божественной любви, подобно тому, как девочка получает первые уроки семейной жизни, играя в куклы. Человек усваивает этот урок, любя другого человека, друга, любимого, отца, мать, брата, сестру или учителя. Но любовь используется неправильно, если она не получает постоянного развития и распространения. Вода в пруду может застояться, но вода реки всегда чиста, потому что она движется. И таким образом, искренне любя, человек должен выращивать росток любви, помогая ему расти и развиваться в то же самое время.

Любовь выполнила свою работу, когда человек весь становится любовью – в его атмосфере, выражении, в каждом совершаемом им движении. А разве такой человек может любить одного и отталкивать другого? Одно выражение его лица и его присутствие становятся благословением. На Востоке люди беседуют со святыми и мудрецами не из-за их чудес, а потому, что их присутствие, их лица и взгляды излучают вибрации любви; эта любовь выражается в терпимости, во всепрощении, в уважении, в способности не обращать внимания на ошибки других. Их симпатия скрывает недостатки окружающих, как если бы это были их собственные недостатки; они забывают о собственном интересе ради интересов других. Для них неважно, в каких обстоятельствах они сами находятся, вознесены ли судьбой или смиренны; их чело блаженно. В их глазах каждый представляется отражением Возлюбленного, имя которого они повторяют. Они видят святое в любой форме и в каждом существе.

Как верующий испытывает религиозное чувство в храме, так суфий имеет то же отношение к каждому существу, для него каждое существо является храмом божественности. Поэтому он всегда перед своим Господом. Будь то слуга, господин, друг или враг перед ним, он всегда в присутствии Бога. Для того, чей Бог высоко в небесах, всегда существует глубокая пропасть между ним и Богом; но тот, чей Бог всегда перед ним, всегда находится в присутствии Бога, и нет конца его счастью.

Суфии полагают, что, каким бы религиозным ни был человек, без любви он ничто. Он подобен тому, кто прочитал тысячи книг, но ничего не узнал, потому что не имел любви. Любовь не заключается в декларациях; когда она рождается, ее голос начинает звучать громче, чем человеческий голос. Любви не нужны слова; они не способны выразить ее. Лишь одним скромным способом любовь может выразить себя: тем, что в Персии называют "блаженным челом".

ЧАРЫ ЖИЗНИ

Мы нередко удивляемся, почему Бог сделал человека таким слабым, что последний зачастую как бы обречен быть плохим, – мы даже усматриваем в этом проявление несправедливости Бога. Но это не так, и этот вопрос прекрасно истолкован в арабской сказке из "Тысячи и одной ночи".

У одного царя был слуга – великий пьяница. Однажды, чтобы повеселиться, царь велел остальным слугам напоить этого человека до беспамятства и положить его в царскую постель. Когда настал день, то заиграли музыканты, как это было принято, и дюжина прекрасных девушек запела в опочивальне, чтобы пробудить его.

Проснувшись, слуга подумал: "Что со мной случилось? Прошлым вечером я был слугой; теперь же лежу в царской постели и все вокруг тоже выглядит по-царски! Так слуга я или царь?" Он взглянул на девушек, и все они поклонились. Каждый называл его "Ваше Величество".

Он встал, вышел из опочивальни и пошел в Дурбар. Там он сел на трон, потом вошли визири, поклонились ему и обратились с приветственными речами. Тогда слуга решил: "Я наверняка царь. Если бы я был царем только в постели, это бы еще ничего не значило, но и здесь все как один кланяются и называют меня "Ваше Величество!"

Весь день он наслаждался царской жизнью. Но вечером пришла его жена. Минувшей ночью, когда он не вернулся домой, она решила, что он валяется где-нибудь пьяный. Она искала его повсюду и, не найдя, пошла во дворец. Никто не остановил ее, потому что таков был приказ царя. Когда она вошла в зал, ее муж посмотрел на нее так, будто увидел смерть; он подумал: "Я не могу быть царем, потому что, если бы я был им, здесь бы не было моей жены. Мне придется пойти с ней!" Она сказала ему: "Что ты здесь делаешь? Ты не вернулся домой; у меня не было и куска хлеба, пока ты наслаждался тут. Идем". Он ответил жене: "Я тебя не знаю; поди прочь". Но она возразила: "Ты мой муж, идем со мной". И жена утащила его с собой, хотя он все продолжал твердить: "Я царь, я царь".

Любая ситуация, в которой мы находимся, заставляет нас верить, что мы есть то или это. То, что душа испытывает, тем она себя и считает. Если душа воспринимает свое внешнее "я" как младенца, она верит: "Я дитя". Если она видит свое внешнее "я" как старика, она думает: "Я старик". Если она воспринимает свое внешнее "я" во дворце, она считает: "Я богач". Если она видит это "я" в хижине, она думает: "Я бедняк". Но действительно лишь одно: "Я есть".

Есть чары жизни, которыми околдован человек. Хафиз сказал: "Перед нашим рождением Ты даешь нам глотнуть вина". А у Джами сказано: "О Саки, виночерпий, прости меня, это моя юность. Иногда я хватаюсь за бутылку вина и целую ее. Иногда я отбрасываю ее". Таковы все мы. Ребенок то ласкает и целует куклу, то швыряет ее оземь и ломает, а взамен берет другую. Иногда мы называем кого-то своим другом, а иногда объявляем его же врагом. Порой мы говорим, что нам нравится какая-нибудь национальность или раса, а в следующий раз враждуем с ней. Мы как дети и потому переменчивы.

Человек в своем сне жизни постоянно гонится за убегающими облаками. А когда он пробуждается? Когда приходит его жена. Кто она, эта жена? Жена – это разрушительная стихия природы; когда она приходит как смерть, человек видит, что все то, чем он владел и что считал своим, останется позади: его имя, его слава, его достояние. Все это существует лишь для тех, кто жив, а для него есть лишь могила. С собой он не может взять ничего. Тогда он осознает, что

ничто вокруг не может дать ему вечного мира и удовлетворения, и начинает искать нечто такое, что дает ему это.

Это вопрос эго, сознания. Есть индийская поговорка: "Унижение мудрого не пропадает даром. Семя падает в пыль, чтобы прорасти". После того как мудрый человек унижит себя до пыли, эта пыль обеспечит его расцвет. Это еще не будет господством, но подготовит его к более высоким ступеням развития.

В Коране говорится: "Муту кубла анта Муту" – "Умри до смерти". Суфий умирает прежде своей смерти и познает при жизни то, что будет после смерти. Иными словами, он приглашает свою жену посетить его и приветствует ее в своей царственности, так что вместо того чтобы позволить ей утащить себя из дворца, он может даже наслаждаться жизнью с ней, со своей женой, на земле. Другими словами – он становится живым мертвецом.

Когда человек понимает умом, что все проявления в этом мире исходят от единого Сущего, он не может сдержать слов: "Чему же мы должны поклоняться, что почитать, если сами мы и есть все? И кого нам бояться?" Но он забывает про собственную личность; если он состоит из такого множества разных органов и разных атомов и планов и в то же время остается личностью, почему тогда единое Сущее не может быть Личностью? Умом мы признаем, что все мы есть одно. Но когда кто-то причиняет нам боль, мы не можем вынести этого и уже не думаем, что он есть то же, что и мы. Когда некто причиняет нам вред, мы проклинаяем его. Но если мы по-прежнему считаем, что он есть то же самое, что и мы, то почему мы должны проклинаять его?

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ

Самоотверженность, называемая в суфизме эн-кесар, не только украшает натуру человека, придавая доброжелательность его словам и манерам, но также дарит достоинство и силу, которые приходят вместе с духом независимости, этим верным признаком мудрости. Самоотверженность часто наполняет дух человека смирением, освобождая его от опьянения, затемняющего душу. Независимость и беспристрастность – эти два крыла, которые позволяют душе летать, – рождаются из духа самоотверженности. С того момента, как дух самоотверженности начал разгораться в сердце человека, его слова и поступки исполняются благородства, коего не могут дать никакие земные власть и богатство.

Есть множество идей, опьяняющих человека, много чувств, воздействующих на душу как вино, но нет более крепкого вина, чем вино самоотверженности. В нем заключены могущество и чувство собственного достоинства, подобных которым не дает ни одно общественное положение. Стать кем-то – это ограниченность, кем бы вы ни были; даже тот, кого провозгласили царем мира, все же не был бы повелителем вселенной. Господин земли по-прежнему остается рабом небес. Самоотверженный человек – тот, кто не является никем, в то же время будучи всем.

Поэтому путь суфия – стать никем, вместо того чтобы быть кем-то. Именно это чувство ничтожности – "я – ничто" – превращает сердце человека в пустую чашу, в которую вливается вино бессмертия. Это состояние благословения, к которому рвется каждая душа, ищущая истины. Легко стать ученым и не очень трудно стать мудрецом; вполне в силах человеческих стать хорошим; но есть достижение более великое и высокое, чем все вышеперечисленные, и состоит оно в том, чтобы стать ничем. Многих эта идея – стать ничем – может испугать, потому что по своей природе человек стремится ухватиться за что-либо, а его "я" хватается за его собственную личность, его индивидуальность. Если же человек поднялся над всем этим, он словно взобрался на Эверест; он достиг точки, в которой кончается земля и начинаются небеса.

Главная цель суфия состоит в том, чтобы с помощью мыслей о Боге сделать свое несовершенное "я" незримым даже для собственных глаз; момент, когда перед ним предстает Бог, а не его "я", становится для него мигмом совершенного благословения. Мой муршид, Абу Хашим Мадани, как-то сказал, что есть лишь одна добродетель и один грех для души на этом пути: добродетель – это когда она осознает Бога, грех – когда не осознает. Никакое объяснение

не способно полностью описать истинность этого утверждения, кроме опыта созерцателя, перед которым открывается окно в небеса, если он сознает Бога; тогда как если он сознает свое "я", то его опыт оказывается противоположным. Ведь все трагедии жизни вызваны сознанием своего "я". Это является причиной боли и угнетенности, и все то, что может освободить человека от мыслей о себе самом, в определенной степени помогает ему избавиться от боли; но совершенное облегчение ему приносит только осознание Бога.

ДУХ КОНСЕРВАТИЗМА

Существует две точки зрения на все происходящее в мире: либеральная и консервативная, и каждая из них дает человеку чувство удовлетворения, потому что в обеих имеются определенные достоинства. Когда кто-либо смотрит на свою семью с консервативной точки зрения, он осознает гордость за свою семью и всегда поступает так, чтобы поддержать честь и достоинство своих предков. Он следует рыцарским традициям пращуров, в связи с чем принимает на себя обязательство защищать и оберегать всех, кто принадлежит к его фамилии – и достойных и недостойных. Таким образом он поддерживает жизнь пламени, которое горело, быть может, много лет, неся его в ладонях через всю жизнь, подобно светильнику, освещающему путь. Если человек смотрит на свою нацию с консервативных позиций, он исполняется патриотизмом, заменяющим религию в современном мире. Это, без сомнения, добродетель, в том смысле, что человек начинает воспринимать всю нацию как свою семью. Он заботится уже не только о своих детях, но также и о детях всей нации. Человек отдает свою жизнь, когда возникает необходимость защитить нацию или честь, достоинство и свободу своего народа.

Дух консерватизма – это индивидуализирующий дух, являющийся центральной темой всего творения. Это дух, который действовал подобно солнцу; и это был всепроникающий свет, и именно его сила, работая в природе, собирает множество ветвей воедино на одном стебле и множество листьев на одной ветви. Именно этот дух, действуя в теле человека, удерживает в одном организме руки и ноги и обеспечивает его индивидуальную целостность. Но всегда существует опасность, что этот дух, чрезмерно разросшись, может вызвать застои. Если человек чересчур гордится своей семьей, он живет только сознанием этой гордости, забыв свой долг перед человечеством и не замечая ничего, что соединяет его с другими людьми, выходящими за узкий круг его семьи. Если такой застой начинается в масштабах нации, он приводит к всевозможным бедствиям – войнам, революциям, полным насилия и жестокости. Кошмар, недавно пережитый человечеством, был следствием всемирного застоя, вызванного крайним перенакоплением того самого консервативного духа.

Это показывает нам, что неправильно считать одну вещь добродетельной, а другую греховной. То, что было добродетелью, может стать грехом. Добродетель или грех не есть какой-либо поступок; это состояние, это отношение, которое побуждает человека к определенному поступку, а уже последствия этого поступка делают его добродетельным или греховным. Жизнь – это движение, смерть – остановка движения; застой прерывает его, циркуляция обеспечивает движение. Консервативный дух полезен до тех пор, пока он движется – иначе говоря, пока он расширяет себя. Если человек, гордый своей семьей, после того как исполнит долг по отношению к своим близким, сделает следующий шаг и поможет жителям своего города, а потом предпримет еще один шаг, чтобы защитить свою нацию, он будет развиваться. И его фамильная гордость и патриотизм, конечно, будут добродетельны, потому что они ведут его от одной ступени к другой, более высокой. Застой рождается тогда, когда человек поглощен личными интересами. Если он настолько поглощен своей семьей и фамильной гордостью, что никто больше в мире для него не существует, ничего кроме его народа, тогда патриотизм становится завесой для его глаз, ослепляет его и делает для него невозможным служить не только кому-то другому, но даже и самому себе. В эгоизме присутствует иллюзия пользы, но в результате приносимая эгоизмом польза оказывается ничемной. Прежде всего, надо считаться с жизнью, а подлинная жизнь есть жизнь внутренняя,

осознание Бога и осознание собственного духа. Когда человеческое сердце приходит к осознанию Бога, оно словно капля, превратившаяся в море; оно расширяется и распространяет волны своей любви и на друзей и на врагов; распространяясь дальше и дальше, оно достигает совершенства.

СОЗДАНИЕ ХАРАКТЕРА

Характер – это, так сказать, картина в линиях и красках, которую мы творим в самих себе. Бывает чудесно наблюдать пробуждение стремления к созданию характера уже в детстве – подобно тому, как видишь в птице инстинкт вить гнезда. Ребенок начинает с того, что подмечает всевозможные черты у взрослых, а потом перенимает то, что ему больше всего нравится и привлекает. Из этого мы можем понять, что если человек поглощен только собой, то у него не остается возможности на создание характера, поскольку нет времени подумать о других. Если даже величайшие актеры, к примеру, не смогут забыть на сцене о себе, то они не смогут играть. Музыкант, не сумевший забыть о себе во время исполнения, сыграет плохо. Как и в отношении всего прочего, создание себя непосредственно зависит от того, насколько мы способны забыть о себе; и это ключ ко всей жизни. Мне приходилось встречать людей, разбиравшихся в искусстве, науке, философии, религии, во всех областях, и обнаруживать, что все они достигли этих замечательных результатов с помощью способности забывать себя; встречал я и таких людей, что обладали великими достоинствами, но не смогли достичь вершин в жизни, потому что не имели именно этого качества.

Я вспоминаю музыканта, игравшего на вине, совершенно удивительного музыканта, который привык репетировать помногу часов в день, но, как только ему надо было выступить перед слушателями, он исполнялся сознанием своего "я". Первая мысль, что к нему приходила, была о его "я", и, едва это случалось, все впечатления слушателей наталкивались на эту мысль. Обычно он тогда убирал свою вину и убежал. Но я также слышал, как Сара Бернар просто декламировала "Марсельезу" – и только, но, едва она появлялась на сцене и начинала читать, она покоряла каждое сердце в зале, потому что в эти моменты (а дело было во время войны) она была сама Франция. Она могла становиться Францией благодаря сосредоточению, ее способу забыть себя.

Построение характера – куда более величественная и важная задача, чем строительство дома, города, страны или империи. Можно спросить, почему это так важно, ведь это всего лишь создание нашего ничтожного "я", но сколь многие возводили здания, даже создавали государства и исчезли, так и не оставив по себе памяти. Тадж-Махал – одно из самых прекрасных зданий на земле. В художниках и архитекторах, которые его видят, оно вызывает глубочайшее восхищение, но этим все и исчерпывается; никто не интересуется, кто построил его, ни одно сердце не забьется при воспоминании о его создателях.

До сих пор индуисты, проснувшись рано утром, повторяют: "Рам, Рам"; буддисты почитают Господа Будду, а христиане поклоняются Христу. Почему? Только из-за личностей этих великих святых, из-за их магнетизма. Слова, сказанные Христом много сотен лет назад, помнят в наши дни лишь благодаря его личности. Дело здесь не в одной только духовности: на свете жило много мадзубов, которые были очень духовны. Они были едины с Богом, но ушли, и никто не помнит о них. Дело не только в благочестии: множество благочестивых людей сидят в храмах и церквях, повторяя молитвы. Их благочестие существует лишь для них самих; они не могут сдвинуть мир. Но если дело не в духовности и не в благочестии, тогда в чем же? Оно – в развитии человечности в нас.

Это развитие затрагивает наш интеллект, наше сердце и наш ум. Оно касается интеллекта, потому что если у нас есть любовь, но нет интеллекта, чтобы узнавать желание любимого человека, то мы можем стать великими любовниками, но наша любовь не будет иметь никакой ценности. Оно касается сердца, потому что, если у нас есть интеллект, но нет чувств, нет симпатии, мы можем говорить очень вежливо, у нас могут быть очень вежливые манеры, но если при этом внутри есть злость, если мы не чувствуем, что мы говорим, то лучше бы нам не

говорить ничего. Оно касается ума, потому что, если у нас есть интеллект и чувства, но нет глубины размышления, нет понятия о подобающем, мы невежественны. Человек может отлично разбираться в европейских манерах и обычаях, но, если отправить его во дворец восточного правителя, он растеряется. И наоборот, человек может в совершенстве знать индийский придворный этикет, но, попав в Европу, обнаружит, что ничего не знает о здешних порядках.

Быть человеком – великая привилегия, поскольку мы можем развивать в себе человечность и быть человеком не только внешне, но и в уме и поступках. Привилегия заключается в том, чтобы быть человеком, который является идеалом Бога.

Не скала, которая не знает, кто стоит на ней: царь или нищий, святой или грешник; и не ангелы, у которых нет сердца, чтобы испытывать чувства вместе с другими и сопереживать им, – они чувствуют только величие Бога, они восхваляют Бога, – но именно человек был наделен сердцем.

Индийский поэт сказал: "Стать наби, святым или пророком, гати, кутбом, очень трудно. Что я могу рассказать тебе о битвах их жизни, когда даже стать человеческим человеку так трудно?". Конечно, достичь высоких уровней духовности очень нелегко. Сначала мы должны попытаться стать людьми. Стать ангелом не так сложно; быть материальным совсем просто; но жить в мире, среди всех его проблем и битв, и в то же время быть человеком очень трудно. Если нам это удастся, мы станем миниатюрой Бога на земле.

УВАЖЕНИЕ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОСТЬ

Есть добродетель, которую суфий называет муруат, добродетель, которая слишком тонка, чтобы выразить ее словами. Она означает воздержание от тех действий, в которых содержится неуважение к кому-то другому, либо принимая во внимание его возраст, положение, знания и достоинства, либо из почтения. Те, кому свойственна эта добродетель, проявляют ее не только по отношению к важным или достойным людям, ибо, когда это качество развивается, оно проявляется по отношению ко всем.

Грубость и муруат несовместимы. Это качество не сводится только к уважению; это нечто более тонкое, являющееся одновременно и внимательностью и уважением. В полном своем развитии эта добродетель может стать настолько сильной, что человек из уважения и предупредительности старается примириться с отсутствием тех же достоинств в другом; и как только кто-либо достигает этого уровня, человеческий способ поведения приходит к концу и человек начинает действовать как святой.

Человек рожден в этом мире не только для того, чтобы есть, пить и жениться; он рожден, чтобы сделать совершенным человеческий характер. В этом ему помогает наличие глубинных мыслей и внимания к другим; даже при всем могуществе, положении, богатстве, знаниях и прочих благах мира он остается бедным, если ему не хватает этого богатства души – верного обращения с другими.

Все красивое, что нас окружает, остается чем-то вне нас; только та красота заслуживает доверия, которую можно найти и развить в своем собственном характере. Человек может выказать отсутствие муруат если не в словах, то во взгляде. Иному не обязательно говорить, чтобы быть грубым. Во взгляде, в интонации, в манере сидеть или ходить, в способе закрывать дверь за собой человек может проявить свои чувства. Даже если сам он молчит, он может заставить заговорить дверь. Не так-то просто контролировать себя, если не управляешь своим умом.

Таким тонким вещам, как эта, особенно трудно научиться и следовать в жизни. В наши дни многие усматривают в них проявление слабости; но то, что может практиковаться лишь при условии полного владения собой, не может быть слабостью. Нет никакого урона в том, чтобы уделить внимание и проявить предупредительность даже в отношении того, кто этого не заслуживает; если такие поступки и не приносят выгоды, они все же остаются практикой, а именно такая практика делает человека совершенным.

МИЛОСЕРДИЕ

Как только душа прикасается к внутреннему царству, которое является божественным царством, ее подлинное благородство проявляется в милосердии, которое суфии называют кульк. Царей и тех, кто принадлежит к аристократическому роду, учат быть милосердными, хотя это качество рождается в сердце человека. Это означает, что каждая душа исполняется аристократизма с того момента, как соприкасается с внутренним царством. Подлинный аристократизм – это благородство души, когда она начинает в каждом чувстве, мысли, слове и действии проявлять милосердие, являющееся качеством самого Бога. Милосердие не имеет ничего общего с покровительственным отношением, которое является дурной манерой. Милосердный человек, прежде чем выказать это качество благородных, стремится укрыться даже от собственных глаз.

По-настоящему благородные великие люди милосердны потому, что они наиболее чувствительны ко всему ранящему и причиняющему боль, что выпадает на их долю по вине незрелых душ, и поэтому сами из доброты стараются воздерживаться от совершения тех же ошибок в отношении кого-либо другого, какое бы низкое положение тот ни занимал.

Великая истина заключена в словах Христа из Нагорной проповеди: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю". Это всегда будет истиной, независимо от эпохи и развития мира. Во времена аристократии, а равно и во времена демократии, ценность настоящего благородства природы, которое проявляется в милосердии, никогда не умалится. Легко произнести это слово, но чрезвычайно трудно проявлять милосердие всю жизнь, ведь нет конца мыслям о каждом своем шаге, необходимом для достижения этого результата. Здесь требуются рассудительность и чувство справедливости, способность взвешивать каждый свой поступок; к тому же нужно утонченное восприятие искусства и красоты, поскольку по мере совершенствования своей личности человек достигает высочайших вершин мастерства. В сущности, создание своей личности есть высшая форма искусства. Суфий считает культивирование человеческих качеств, в котором и состоит исполнение жизненного предназначения, своей религией.

Как-то раз один юноша проявил нетерпение по отношению к старому отцу, который плохо слышал и потому переспрашивал его два или три раза. Видя раздражение на лице сына, отец сказал: "Сын мой, помнишь ли ты тот день, когда ты, совсем еще маленький, спросил меня: "Что это за птица?" – и я ответил: "Воробей". Ты спрашивал меня, пожалуй, раз пятьдесят, и мне хватило терпения повторять тебе это слово вновь и вновь, не испытывая ни раздражения, ни беспокойства; я был только рад поделиться с тобой тем, что знаю. Теперь, когда я уже не так хорошо слышу, ты тоже можешь проявить ко мне немного терпения и повторить что-либо раз-другой, если сразу я не расслышу". Для того чтобы научиться этому благородному способу вести себя, прежде всего требуется терпение – иногда в форме выносливости, иногда предупредительности, а иногда в способности простить.

При общении с малообразованными людьми следует помнить, что настоящая цивилизация означает развитие. Те, кому не хватает образования, должны получить его, чтобы лучше понимать жизнь. Есть лишь две возможности: либо идти вперед, либо назад. Либо человек начнет думать так же, как и те, кому не хватает образования, либо он поможет им повысить свой уровень. Надо мягко взять необразованного человека за руку и повести его к более возвышенным идеям.

Когда-то в Индии я жил возле индуистского храма, и при нем состояли два привратника. Они были афганцами, людьми гордыми и грубоватыми, державшимися очень строго; однако в выражениях их лиц видны были честность и доброта. Я часто проходил мимо них, но они никогда не обращали внимания на мои появления и исчезновения, нисколько не заботясь о соблюдении общепринятых правил вежливости. Однажды один из них пришел ко мне с письмом от своего господина. Я встал и принял его со всем радушием; с того самого дня всякий раз, когда я проходил мимо них, они встречали меня очень тепло, с улыбками и искренней

приветливостью и никогда больше не игнорировали меня. Это произошло потому, что этим людям был дан урок, не ранивший их чувств, и, поскольку он доставил им удовольствие, они решили, что на вежливость следует ответить вежливостью.

Навязывать кому бы то ни было добродетель – это гордыня; дать же ему увидеть красоту хороших манер – образование. Мы должны считать своим священным долгом обращаться с людьми, нуждающимися в совершенствовании, с такой мягкостью и вежливостью, чтобы в них развились культура и красота, которые тогда смогут быть разделены и нами и ими.

СПОСОБНОСТЬ НЕ ЗАМЕЧАТЬ

Есть одна склонность, постепенно проявляющаяся в человеке, развивающемся духовно, и склонность эта – способность не замечать, или даргудза, как называют ее суфии. Временами эта склонность может казаться небрежностью, но небрежность проявляет не тот, кто не замечает; небрежен тот, кто не смотрит. Иначе говоря, способность не замечать можно назвать умением подняться над вещами. Чтобы не замечать, необходимо подняться; стоящий ниже жизни не способен не заметить что-либо, даже если очень захочет. Способность не замечать – это проявление великодушия, она означает умение смотреть и в то же время не смотреть, видеть и не замечать видимого, умение не быть задетым, раненным или потревоженным чем-либо, способность даже не думать об этом. Это признак благородства натуры, знак тех душ, которые настроены на более высокий лад.

Кто-то может спросить: насколько это полезно? Может быть, не всегда, но в конечном итоге все равно целесообразно; умеющий не замечать осознает также и полезную сторону своей способности. Возможно, он осознает это лишь под конец, успев прежде столкнуться с бесчисленными неудобствами; однако все хорошо, что хорошо кончается.

Очень часто на то, чтобы не заметить, требуется меньше усилий, чем на то, чтобы заметить нечто такое, что легко можно было бы и проглядеть. Есть вещи значимые и есть вещи незначимые; идя по жизни, человек видит, что многие вещи не имеют значения, что их с легкостью можно не замечать. Тот, кто обращает внимание на все, что попадает ему на пути, потеряет много времени в своем путешествии, которое и так требует целой жизни на то, чтобы достичь цели. Если, карабкаясь по горе жизни, целью которой является восхождение на вершину, человек будет беспокоиться по всякому поводу, он никогда не достигнет вершины; он навеки так и останется тревожиться у подножия. Когда человек понимает, что жить на этой земле остается лишь несколько дней, он перестает беспокоиться о мелочах; он начинает думать лишь о том, что действительно важно. Цепляясь за мелочи, человек теряет возможность исполнить великие цели жизни. Тот, кто тревожится о мелочах, мал; душа, думающая о великом, величественна.

Способность не замечать – первый урок прощения. Эта склонность рождается из любви и симпатии; ведь тот, кто ненавидит, замечает и самую незначительную оплошность, тогда как тот, кто любит, естественно не замечает ошибки другого и часто даже стремится превратить недостатки возлюбленного в достоинства. В жизни есть бесчисленное множество вещей, предлагающих красоту, и бесконечное число вещей, предлагающих уродство; нет конца достоинствам и нет конца недостаткам; и взгляд человека на жизнь зависит от уровня его развития.

Чем выше поднимается человек, тем шире становится его горизонт. Склонность симпатизировать, которая является аналитической склонностью, взвешивающей, оценивающей и замечающей все, приводит человека к желанию не замечать. Не судите, как сказал Христос, да не судимы будете. Чем больше размышляешь над этим уроком, тем глубже он проникает в сердце. Он учит тому, что надо стараться не замечать все идущее вразрез с нашим представлением о том, как оно должно быть устроено в жизни, пока не поднимешься на такой уровень сознания, когда вся жизнь представляется грандиозным видением имманентности Бога.

ПРИМИРЕНИЕ

Все усилия, предпринимаемые для развития личности или для построения характера, должны совершаться не для того, чтобы доказать свое превосходство над остальными, а для того, чтобы достичь большего согласия с окружающими и с теми, с кем жизнь нас сталкивает. Примирение, или, как называют его суфии, эттефаг – это не только мораль суфия, но и его отличительная особенность. Эту добродетель непросто приобрести и проявлять, потому что для нее нужна не только добрая воля, но и мудрость. Величайший талант дипломата состоит в умении достичь желаемых результатов посредством соглашения. Несогласие достигается с легкостью; мы так часто видим его среди низших форм творения! Согласие – вот что труднодостижимо, ведь оно требует широты в восприятии жизни, и это является настоящим признаком духовности. Узость восприятия сужает горизонты, доступные взгляду человека; такой человек не способен легко согласиться с другим. Как бы сильно ни различались взгляды двух людей, основа для соглашения найдется всегда; но эта общая почва может находиться очень далеко, а человек не всегда желает идти в такую даль, чтобы прийти к согласию. Нередко ему не хватает терпения продвинуться достаточно далеко, чтобы встретиться с другим. Обычно все происходит иначе: каждый хочет, чтобы другой пришел к нему туда, где он стоит, а сам не испытывает никакого желания сдвинуться с этой точки.

Это не значит, что человек, желающий стать настоящим суфием, должен отбросить все свои убеждения, чтобы получить возможность прийти к соглашению с каждым человеком; нет прока вечно быть снисходительным к любой мысли кого-либо, как нет прока и в том, чтобы всегда вырывать собственные убеждения из своего сердца. Примирение состоит не в этом. Человек, способный выслушать другого, может и другого побудить выслушать себя. Тот, кто легко соглашается с другим, обладает достаточной силой, чтобы убедить и его в необходимости согласия. Поэтому, поступая так, человек всегда выигрывает, хотя иногда может показаться, что он будто бы проиграл. Если человек способен одновременно смотреть со своей точки зрения и с точки зрения другого человека, он приобретает полный обзор и ясное понимание; он, скажем так, смотрит обоими глазами.

Без сомнения, трение порождает огонь, но сам этот огонь есть согласие атомов. Если двое имеют собственные убеждения и спорят о них, это служит стимулом для мышления и не вызывает особых проблем; но если человек спорит ради того, чтобы спорить, то спор становится его целью и он перестает получать удовольствие от примирения. Слова становятся средством вызывать несогласие, доказательства превращаются в топливо для его пламени. Но мудрость проживает там, где интеллект гибок; такой человек понимает и видит все: как правильное в неправильном, так и неправильное в правильном. Человек, достигший совершенного знания, возвысился над категориями истинного и ложного. Он знает их, и в то же время не знает, он может сказать многое – и в то же время что может он сказать? Тогда ему становится легко примирить всех и вся.

В одном предании рассказывается о двух суфиях, встретившихся после долгих лет, в течение которых каждый из них шел своим собственным путем. Они были рады встрече после такой долгой разлуки, потому что оба являлись мюридами одного муршида. Один спросил другого: "Расскажи мне, пожалуйста, каков был твой опыт? После всех этих долгих лет изучения и практики суфизма я усвоил одно: как примирять других; теперь я хорошо умею это делать. Не скажешь ли мне, чему научился ты?" Другой ответил: "После всех этих долгих лет изучения и практики суфизма я усвоил, как управлять жизнью: все, что ни есть в мире, существует для меня, и я – повелитель всего. Все, что происходит в мире, случается по моей воле". Тут пришел их муршид, и оба рассказали ему о том, чему научились во время странствий. Муршид сказал: "Вы оба правы. В первом из вас правильно понятое самоотречение развило способность примирять других; во втором ничего не осталось от его собственной воли, и если какая-нибудь воля еще может быть в нем обнаружена, то это воля Бога".

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ

Оптимизм представляет собой стихийный поток любви; оптимизм является также выражением веры в любовь. Таким образом, любовь, верящая в любовь, есть оптимизм. Пессимизм рождается из недовольства, из плохого впечатления, которое все длится и длится, становясь помехой на жизненном пути. Оптимизм дарит исполненное надежд отношение к жизни, тогда как пессимист видит только темноту впереди. Без сомнения, иногда пессимизм свидетельствует о добросовестности и об уме, может он свидетельствовать и об опытности. Но сама по себе добросовестность не может преодолеть трудности, с которыми мы сталкиваемся в жизни; только вера разрешает проблемы. Мудрец понимает, что умный не заглядывает далеко; ум проникает лишь на определенное расстояние и дальше не идет, потому что ум – это знание, принадлежащее земле. А что касается опытности, то в чем состоит опыт человека? Человек лишь до тех пор гордится своей опытностью, пока не увидит, как громаден мир. В любой работе или при всяком раздумье нет такого момента, когда не требовался бы опыт, но чем больший опыт приобретает человек, тем глубже он осознает, как мало знает.

Психологический эффект оптимизма таков: он помогает достичь успеха, потому что благодаря именно оптимистическому духу Бог создал мир. Оптимизм исходит от Бога, а пессимизм рождается в сердце человека. На основании своего ничтожного жизненного опыта человек заключает: "Это окажется безуспешным, то не сработает, все произойдет не так". Для оптимиста не важно, чем все закончится; главное, что он попытался. Ведь что такое жизнь? Жизнь – это возможность, и для оптимистически настроенного человека возможность – обещание, тогда как для пессимиста – потеря. Вовсе не Творец виновен в этой потере, но сам человек, упустивший возможность.

Многие из нас удлиняют свои болезни, давая волю пессимистическим мыслям. Часто мы замечаем, что для человека, много лет страдавшего от какой-либо болезни, этот недуг становится такой сильной реальностью, что его отсутствие кажется неестественным. Такой человек верит, что болезнь – его природа, и даже не знает, как это возможно не чувствовать болезни. Таким образом люди удерживают болезнь в себе. Есть и такие пессимисты, которые убеждены, что им самой жизнью суждено бедствовать, что они были рождены для лохмотьев и не могут не быть несчастными, что небо и земля против них; но они сами являются своей нищетой, и их отличает пессимизм. Жизнь человека зависит от того, на каком предмете он сосредоточен, так что если он сосредоточивается на своем несчастье, то должен быть несчастным. Человек, имеющий привычку, которую сам не одобряет, нередко считает себя неспособным бороться с ней, поскольку это часть его природы; но натурой человека является только то, что он сам считает таковым. Как все в природе сотворено Богом, так и каждый индивид сам создает свою природу; и так же, как Всемогущий способен изменить Свою природу, индивид в состоянии изменить свою. Среди всех творений этого мира человек имеет больше всего прав на оптимизм, потому что он представляет Бога на земле – Бога-судию, Бога-творца и Повелителя всего Им сотворенного. Человек есть повелитель своей жизни, своих поступков и обстоятельств – если только знает об этом.

Человек, наделенный оптимизмом, способен помочь тонущему в пучине страхов и разочарований; напротив, если больной или упавший духом человек придет к пессимисту, последний увлечет его следом за собой вниз, на самое дно горечи. На стороне одного – жизнь, на стороне другого – смерть. Первый взбирается на вершину горы, второй погружается в бездну земли. Разве есть лучший помощник в пору раскаяния или неудач, когда все в жизни кажется черным, чем оптимистический дух, который знает, что все будет хорошо? Не будет преувеличением сказать, что сам дух Бога приходит к ищущему в форме духа оптимизма.

Какой бы трудной ни была жизненная ситуация, как бы ни были велики препятствия, все можно преодолеть; но собственный пессимистический дух тянет человека вниз, тогда как он и так находится на самом дне. Пессимистичному духу смерть представляется более желанной,

чем пригибающие к земле страдания, поэтому величайшей наградой, которой можно удостоиться в этом мире, является дух оптимизма, тогда как величайшим наказанием за земные грехи человека – пессимизм. Воистину, исполненный надежд преуспеет.

СЧАСТЬЕ

Зависит ли счастье от обстоятельств или от нашего отношения к жизни? Вот вопрос, который часто задается и на который особенно трудно ответить. Многие из нас, имеющие некоторое представление о философии, скажут, что материальный мир – лишь иллюзия, а жизненные обстоятельства – сон, но лишь очень немногие способны действительно поверить в это сами. Знать нечто в теории – это одно, а применять на практике – совсем другое. Очень трудно возвыситься над тем воздействием, что оказывают на нас обстоятельства. Без сомнения, лишь одно средство поможет нам подняться над ними, и состоит оно в изменении восприятия жизни; а эта перемена, в свою очередь, происходит через изменение нашего отношения к жизни.

Счастье есть процветание души. Ребенок, который начал с невоспитанности, неосторожности в обращении с другими и разрушительности, со временем притянет к себе ту же силу и с ним случится то же самое. Что мы даем ребенку, то и получим обратно. Многие ли считаются с этим фактом? Люди никогда не думают, что их могут ранить собственные слова, собственные поступки, мысли или чувства; они продолжают в том же духе, но в свое время все это вернется к ним, изгоняя из страны счастья.

На санскрите жизнь обозначается словом санса-ра. Она изображается как пребывание в тумане. Человек думает и говорит, делает и чувствует, но никогда полностью не понимает почему. Если человеку известна одна причина, всегда есть скрывающаяся за этим знанием другая причина, о которой он даже не знает. Очень часто обстоятельства жизни представляются пленом; порой кажется, что идешь между рекой и пропастью; чтобы подняться над этим, нужны крылья, которые есть не у каждого. Душа имеет два крыла: одно – независимость, второе – беспристрастность. Требуется огромная мера самопожертвования, прежде чем обретишь независимость в жизни, а беспристрастность вступает в противоречие с природой любви и симпатии; надо словно разрезать свое сердце пополам, прежде чем сможешь практиковать беспристрастность в жизни. Конечно, когда душа получает возможность расправить крылья, человек начинает видеть обстоятельства жизни отделенными от себя; тогда он поднимается над всеми обстоятельствами, делающими человека пленником.

Нет трудности, которую раньше или позже нельзя было бы преодолеть, но, даже если человек и получил то, чего страстно желал от жизни, всегда остается нечто такое, что еще не получено; поэтому если человек идет от одной вещи к другой, осуществляя все свои мечты, то предмет его желания все более разрастается и множится, и этому не будет конца. Чем больше ему надо сделать в жизни, тем больше трудностей придется преодолеть, а если человек держится вдали от жизни мира, то его присутствие здесь бессмысленно. Чем важнее задача, тем труднее ее выполнение.

Так вечер следует за днем, и все продолжается вечно. Поэтому суфию нужно обладать не только терпением, чтобы вынести все, что потребуется, и моментально освободиться от трудностей и боли, но и умением видеть вещи с определенной точки зрения. Очень часто такая точка зрения изменяет всю жизнь человека. Она может обратить ад в небеса; может сделать горе радостью. Человек может так смотреть на жизнь, что даже самый легкий укол кажется ударом меча в самое сердце, но при другом угле зрения сердце оказывается защищено от уколов; ничто не может повредить его; все то, что камнем тянуло вниз, теперь не оказывает на него воздействия.

В чем смысл хождения по воде? Вода символизирует собой жизнь: один тонет в ней, другой плывет, но есть и тот, кто может ходить по воде. Человек, который чувствителен настолько, что даже после легкого укола ощущает себя несчастным целые сутки напролет, относится к первой группе. Тот, кто берет и отдает, превращая жизнь в игру, является пловцом.

Он не огорчается, получив один удар, потому что черпает удовлетворение в способности ответить на один двумя ударами. Но тот, кого ничто не может задеть, пребывает и в мире, и над ним. Он идет по воде; жизнь оказывается у него под ногами вместе со всеми радостями и страданиями. Воистину, независимость и беспристрастность есть два крыла, дающие душе способность летать.

ВАКЦИНАЦИЯ И ПРИВИВКИ

Теория, стоящая за понятиями вакцинации и прививки, та же самая, которой обучал как хатха-йоге Шива, или Махадэва, как его часто называют. О Махадэве говорится, что он принимал внутрь яд и благодаря этому сумел преодолеть его воздействие. Махадэва был самым отважным из аскетов. Его изображают со змеей, обвившейся вокруг шеи. Если кто-либо может быть таким другом змеи, что без опаски способен носить ее на шее, он, конечно, сможет свободно находиться и в обществе того, кто ему не нравится. Ненависть, предубеждение и раздражение, которые обычно возникают у нас в присутствии того, кто нам не нравится, в этом случае не появятся. Душа, забывшая свои битвы со всем, что страшило ее, заставляло трепетать и обращало в бегство, одерживает победу над жизнью и становится господином жизни; она достигает небесного царства. Конечно, методы, которые применял Махадэва, были крайними; тот, кто в наше время порекомендует их своим ученикам, прослышет безумцем!

С вакцинацией дело обстоит так же. Едва появившись, эти новые методы столкнулись с огромным предубеждением и сопротивлением, хотя следует раскрыть суть принципа, стоящего за ними. Этот принцип подводит нас к более высокому осознанию жизни и дает возможность понять, что даже то, что вызывает смерть, может вернуть нас к жизни, если поместить это в чашу и дать нам выпить. Растворяя в себе разрушительный элемент, тело обретает защиту от уничтожения, так что это частичное разрушение уже перестает быть таковым и становится частью природы. Вот в чем состоит метод разрушения с духовной точки зрения.

Смерть будет смертью до тех пор, пока человек не познакомится с ней. Когда человек растворяет ее в себе, он становится господином над смертью. В этом состояло послание Иисуса Христа, от начала и до конца говорившего о внутренней жизни; тайна этого послания заключается в том, что, едва только человек растворяет смерть, он обретает внутреннюю жизнь.

От людей нередко слышишь: "Я не люблю уксус, он вредит моему здоровью"; "Я не могу пить сливки, они не усваиваются мною"; "Не выношу сахар в чае, он мне не нравится". Для них все эти продукты являются ядами. Говоря подобное, человек делает определенные вещества чужеродными для своей природы и потому становится подвластным им. Настает время, когда они начинают править этим человеком и он оказывается в их власти. Путь Шивы состоял в том, чтобы всегда идти против своих слабостей. Хотя он и считал их слабостями, а не неотъемлемой частью своей природы, он действовал так, словно все принадлежало его природе, и впитывал то, что было внешним по отношению к ней, чтобы исключить возможность такой ситуации, в которой он оказался бы объектом для какого-либо воздействия. Заклинатели змей, позволяя змеям слегка кусать себя, постепенно становятся невосприимчивыми к яду, и с Шивой дело обстоит так же: он сделал из смерти ожерелье. Кто-то может дойти в этом пути до крайностей, но принцип надо изучить, его полезно знать. Он учит тому, что все это может быть найдено в нас самих – вся та разрушительная сила, которая является источником страха, боли и разочарования.

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК

Вступление в брак – это самое сакральное из всех священных таинств. В первую очередь, это, конечно же, не контракт, не деловое соглашение; если мы взглянем на брак с более высокой точки зрения, то мы увидим, что брак есть исполнение предназначения жизни.

С физической точки зрения, эта жизнь, наполненная борьбой и страданиями, может быть встречена с величайшей крепостью и величайшим мужеством, с гораздо большей способностью противостоять ей, если две гармоничные силы соединились друг с другом. В стихотворении персидского поэта сказано: "Когда два сердца едины, они становятся достаточно сильны, чтобы сдвинуть горы". Жизнь – это непрерывная борьба. Для того чтобы обрести способность быть лицом к лицу с этой борьбой, надо быть сильным и могущественным. Когда два сердца соединяются, они становятся более способными выстоять, более сильными и в высшей степени благословенными.

Взглянем на этот вопрос с точки зрения ума. Сколь бы ни был человек мудр, силен, отважен и могуществен, ему все равно чего-то не хватает. В конце концов, у каждого есть недостатки. Неважно, сколько достоинств у человека, ему нужно что-то еще более хорошее: убеждение в минуту сомнения, поддержка извне в минуту беспокойства, немного света в момент замешательства, слово ободрения и счастья в горе и печали. Человек может иметь что угодно – здоровье, власть, высокое положение – все это не уравновесит его жизнь. Если что и способно внести равновесие в его жизнь, так это другая душа, дающая ему то, чего он лишен, в тот момент, когда он в этом нуждается. Поэтому с физической точки зрения брак есть сила, а с ментальной – то, что дает равновесие.

Наконец обратимся к духовной точке зрения. Древним людям мудрецы давали такой ответ на вечный вопрос, зачем был создан мир: Бог почувствовал себя одиноким. Независимо от того, сколькими лучами света мудрости мы озарим жизнь, мы всегда получим единственный ответ на вопрос о причинах творения: если что и существует на свете, так только одно Сущее, и это Бог. Поэтому вся манифестация, созданная Им, находится в Нем. Если Бог создал это, так только потому, что почувствовал одиночество. Символическое отражение этой идеи можно увидеть в древней вере, что Ева была создана из ребра Адама. Это означает только то, что мир был создан из самого Бога, что он является манифестацией Бога. Он хотел видеть, чтобы преодолеть однообразие одинокого существования; и если это была потребность Бога – создать что-либо и поместить перед своими глазами, чтобы преодолеть монотонность одинокого существования, то естественно, что и каждое человеческое существо испытывает то же стремление. Но к чему ведет это устремление? К величайшему совершенству; поскольку сам по себе человек ограничен, каким бы он ни был могущественным, великим, мудрым и образованным, то для того, чтобы стать больше, он должен стать другим человеком.

Брак есть первый шаг к тому, чтобы стать другим человеком. Тот, кто прежде думал о том, как ему достичь удовольствия, удобства и счастья в жизни и наслаждаться всем этим самому, после женитьбы думает в первую очередь о своей жене и о том, как обеспечить ее благополучие, потому что без нее он больше не может радоваться жизни.

Когда человек обретает этот взгляд на жизнь, его сознание меняется. Оно возвышается, распространяется и становится источником всякого откровения и благословения. Почему? Потому, что благодаря этому расширению сознания в человеке пробуждается дух Бога. Он удаляет то, что стоит между его ограниченным "я" и его неограниченным Я, и постепенно поднимает его на уровень, где человек полностью осознает Того, Кто есть его источник и цель, сущность его бытия. Руми сказал: "Любил ли ты человека или Бога, но если ты любил достаточно, ты в конце концов окажешься перед лицом самой высшей Любви".

Итак, с духовной точки зрения брак есть шаг вперед на пути к совершенству – на пути, что ведет к исполнению высшего назначения жизни.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ

Совершенно очевидно, что новая эра не может оказаться хуже, потому что, когда самое худшее уже случилось, ничего еще более худшего не остается. Наихудшее состояние завершает цикл, и начало нового цикла неизбежно оказывается лучше. Окинув прошлое внимательным взглядом и руководствуясь подлинным чувством справедливости, мы ясно видим, что личности, сообщества, нации и расы в мире шли от плохого к худшему по пути эгоизма. Нет в

мире такой религии, последователи которой не бунтовали бы против своих былых лидеров. Религия постепенно теряет истину, от нее остается только название. Поэтому больше мы не можем оставаться в неведении относительно своих прошлых грехов.

Рассматривая расовые противоречия, мы замечаем, что с ходом цивилизации ненависть одной расы к другой все время возрастала. Предубеждения в отношении цвета кожи, классовые различия, противостояние между Западом и Востоком, доминирование одного пола над другим все еще существуют и даже продолжают расти.

Куда бы мы ни обратили взгляд – на процветание торговли, большой прогресс в образовании, искусстве и науке – во всем мы можем видеть деморализацию мира, отбросившего идеалы дружбы и родственных отношений. В развитии образования было упущено знание о назначении души – единственно важной вещи в жизни. Образование приучает человека быть эгоистом по мере сил и способностей и отбирать лучшее у другого. Искусство утратило свободу изящества и красоты, поскольку вознаграждение за него зависит от одобрения бессердечием и слепотой. Наука выродилась по той причине, что ученый ограничил свой взгляд объективным миром и стал отрицать существование жизни за пределами ощущений. При отсутствии высшего идеала постоянная борьба за материальные изобретения привела человека к созданию таких устройств, которые могут сжечь весь мир. Те, кто находятся под чарами разрушения, не ведают обо всем этом; они не смогут узнать об этом, пока не рассеются клубы тьмы, пока их сердца не очистятся, а умы не освободятся от самоопьянения, которое мешает им думать и понимать.

В грядущую эпоху расы с каждым днем будут все более и более смешиваться и наконец превратятся в одну всемирную расу. В нациях разовьется демократический дух, который уничтожит все элементы, настраивающие одну нацию против другой. Сначала возникнут содружества наций, а потом – всемирное содружество всех наций, так что ни одна из них не будет настроена против другой, но все будут действовать в гармонии и свободе ради общего мира.

Наука раскроет тайны невидимой жизни, искусство станет тесно следовать природе. Везде можно будет увидеть людей всех классов. От кастовой системы откажутся, сообщества утратят свою замкнутость, смешаются, и их последователи будут терпимы друг к другу. Сторонники одной религии станут способны молиться вместе с последователями другой, пока наконец сущность истины не станет религией всего мира и не исчезнет разнородность отдельных религий.

Образование достигнет кульминации в изучении человеческой жизни, и приобретение знаний разовьется уже на этой основе. Торговля станет более универсальной и будет основана на общей выгоде. Труд и капитал встанут бок о бок на едином фундаменте.

В титулах будет мало надобности. Почести будут бросаться в глаза. Предубеждение в верованиях совершенно выйдет из употребления. Ритуалы и церемонии превратятся в игру. Женщины с каждым днем будут свободнее во всех аспектах жизни, замужние женщины будут носить собственные фамилии. Сыновья и дочери будут получать имена своих городов, поселений или наций вместо родовой фамилии. Никакая работа не будет считаться черной. Никакое общественное положение не будет унизительным. Каждый станет заниматься своим делом, и все смогут общаться друг с другом, не дожидаясь, чтобы их представили друг другу. Жена и муж станут своего рода партнерами, независимыми и самостоятельными. Дети получают возможность следовать своим склонностям. Слуга и господин будут таковыми лишь во время рабочего дня, а чувство превосходства или подчинения среди людей исчезнет. Медицина перестанет нуждаться в хирургии, целительство займет место лекарств. Проявятся новые жизненные пути, жизнь в отелях начнет преобладать над жизнью в частных домах. Недоброжелательность по отношению к родственникам, недовольство слугами, придирки к соседям прекратятся, и мир во всех аспектах жизни будет улучшаться день ото дня, пока не придет день Гайямат, когда смолкнут все суетные разговоры и повсюду будет слышен клич: "Мир, мир, мир!".

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Авраам (Абрам) – библейский патриарх, отец Исаака. По велению Бога Яхве должен был принести сына в жертву, но в последний момент перед жертвоприношением был остановлен ангелом.

Аджмир – город в 375 км к юго-западу от Дели; место паломничества, где находится гробница суфийского святого Моин-уд-дина Чишти.

Акбар (араб. – великий, величайший; 1542-1605) – наиболее выдающийся император из династии великих моголов, покоривший большую часть Индии и Пакистана. Противостоял воинственным мусульманским ортодоксам, предпочитая веротерпимость, разрешая браки между представителями различных вер и свободное обсуждение вопросов религиозных верований между мусульманами, индуистами, христианами и зороастрийцами. Пытался основать новую религию: "din-e-ilahi", или "tauhid-e-ilahi" – монотеистическую веру, объединявшую все религии в его империи.

Ариман – причина или источник зла в религии парсов (зороастрийцев), противостоящий доброму началу в лице Ахура Мазды.

Атман, или **Атма** – одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма, индивидуальное (субъективное) духовное начало Вселенной. Начиная с Упанишад и особенно в веданте утверждается тождество Атмана с Брахманом – космическим (объективным) духовным началом.

Аттар Фарид-ад-дин (XII в.) – персидский и таджикский поэт-суфий. Основные сочинения: поэма "Беседа птиц" (ок.1175), лирические стихи и антология "Жизнеописание шейхов".

Ахура Мазда – имя Бога, данное Зороастром: Ахура – Господь, Мазда – мудрец, верховный Бог в зороастризме, олицетворение благого начала.

Бедиль Мирза Абдулкадир (1644-ок. 1721) – персоязычный поэт Индии. Основные произведения: "Талисман изумления" (1669) и философско-дидактическое сочинение "Познание" (1711-12), включающее романтическую поэму "Комде и Модан". Создатель сознательно усложненного, так называемого индийского стиля.

Бемоль (муз.) – знак, показывающий, что нота, перед которой он стоит, должна играть на полтона ниже.

Бенэ Израэль (ивр.) – "сыны Израиля"; собирательное название приверженцев религий семитского корня: иудаизма, христианства и ислама.

Брахман (санскр.) – высший, безличный и непознаваемый Принцип Вселенной, из чьей сущности исходит и куда возвращается все сущее в мире; сам же он вечен, безначален и бесконечен.

Брахма (санскр.) – в древнем индуизме один из трех высших богов, создатель вселенной. Обычно изображается четырехликим, четырехруким, сидящим на лебедях. В современной Индии культ Брахмы практически отсутствует.

Бриндабая – местность в Индии рядом с городом Матура на реке Джамуне, немного южнее Дели. Место паломничества поклонников Кришны.

Буддизм – одна из трех (наряду с христианством и исламом) мировых религий. Возник в Древней Индии в VI-V вв. до н.э. Основателем считается Сиддхартха Гаутама, или Будда. В основе буддизма – учение о "четырёх благородных истинах": в мире существует страдание, его причина, состояние освобождения от страдания и путь к этому освобождению.

Вазифа (араб.) – ежедневное служение или поклонение; в суфизме название особого упражнения.

Веданта (санскр. – конец вед) – мистическая философская система в Индии, сложившаяся как школа истолкования сокровенного смысла Упанишад (древних трактатов о происхождении Вселенной, природе и сущности Божества, связи духа и материи, природе человеческой Души и Эго). Наиболее распространенное индийское религиозно-философское течение. Целью бытия веданта считает "освобождение", достижение изначального тождества Атмана и Брахмана.

"Гайян" – одна из книг Инайят Хана, куда он записывал мысли, приходившие к нему во время медитации. Дословно "гайян" – "песня", "песнопение" (хинди). Гопи – девушки-пастушки, которым Кришна обещал поиграть на флейте, потанцевать с ними. Однажды ночью он явился каждой из них в виде отдельного образа.

Давид (XI-X вв. до н.э.) – царь израильско-иудейского государства. Провозглашенный царем после гибели Саула, Давид присоединил к Иудее территории израильских племен и создал единое государство. По Библии, юноша-пастух Давид победил в единоборстве великана-филистимлянина Голиафа.

Джами Абдуррахман (1414-92) – персидский и таджикский поэт и философ-суфий. Его произведения – прозаические суфийские трактаты, цикл поэм "Семь корон" (1480-87), три лирических дивана (1479-91) – утверждают достоинство человека, идеалы добра, справедливости и любовь как движущую силу мира. Книга притч "Бахаристан" (1487) содержит образцы народной мудрости и морали.

Джелал (араб. – достоинство, величие, слава) – у суфиев означает активный принцип мужской силы. В теле человека относится к правой стороне. То же, что в даосизме принцип ян.

Джемал (араб. – красота, изящество) – в суфизме пассивный женский принцип, передающий мягкость, пластичность, понимание. Левая сторона тела. По аналогии с даосской философией – принцип инь.

Диез (муз.) – нотный знак, показывающий повышение ноты на полтона.

Дурбар – дворцовый зал для официальных приемов и празднеств.

Дхарма (санскр.) – 1) одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма, имеющее несколько значений: вечный моральный закон (аналог абсолюта); нравственно-социальное установление для "правильной жизни" (долг); в последнем смысле каждый человек имеет свою дхарму; 2) в буддизме – первичные элементы бытия и психофизические элементы жизнедеятельности личности; дхармы вечны, постоянно появляются и исчезают; волнение их – источник страдания – прекращается в состоянии нирваны.

Дэвата (санскр. – бог или его образ) – по Инайят Хану тип богоподобного человека.

Заратустра, или **Зороастр** – великий законодатель и основоположник религии, называемой маздеизмом, магизмом, парсизмом, огнепоклонничеством или зороастризмом. Повторяющееся имя нескольких великих реформаторов и законодателей.

Зенд-Авеста (пехл.) – общее название священных книг зороастрийцев. "Зенд" означает "комментарий, или толкование", а "Авеста" (от древнеперсидского "абашта") – "закон".

Зикр (араб., урду – поминание) – мантра, произнесение вслух молитв и божественных имен; в суфизме также название определенного упражнения.

Иона – один из 12-ти малых пророков Библии.

Махачандра – йог, аскет и отшельник, про которого в Индии ходит множество легенд.

Кабир (ок.1440-ок.1518), индийский поэт; по профессии ткач; писал на хинди; один из проповедников учения бхакти. Равно почитаем и мусульманами и индусами.

Кадр (араб., букв, ценность, качество, часть, судьба) – в суфизме человеческая воля, конструктивная сила.

Каза (араб., урду – судьба, разрушительная сила) – в суфизме божественная Воля.

Карма (санскр. – действие, работа, деяние) – одно из основных понятий индийских религий (индуизма, буддизма, джайнизма). Это результирующая сила следствий прошлых действий и поступков, она определяет характер нового рождения (воплощения) человека. Иногда рассматривается как влияние совершённых действий на характер настоящего и последующего существования.

Кафиры (араб. – неверные, неверующие) – принятое у мусульманских народов название немусульманского населения. Инайят Хан же часто имеет в виду неверующих вообще.

Кришна (санскр.) – Аватара (воплощение) бога Вишну, племянник индийского царя Кансы, который, ища Кришну среди пастухов овец и коров, укрывших его, убил тысячи новорожденных младенцев. Повесть о зачатии, рождении и детстве Кришны – точный прототип соответствующей истории Нового Завета.

Махараджа, или **магараджа** (санскр. – великий правитель) – титул наследных князей в Индии.

Майя – фундаментальная категория индийской философии; имеет несколько значений; наиболее известное – иллюзорность всего воспринимаемого мира, скрывающего под видимым многообразием свою истинную сущность – Брахмана – как единственную реальность.

Мануша (санскр.) – в индуизме название человека.

Махадэва (санскр. – великий бог) – в индуизме определительный эпитет бога Шивы.

Махатма (санскр. – великая душа) – возвышенные сверхчеловеческие существа, которые, обретя полную власть над своей натурой, обладают необычайными знанием и силой, полностью отождествившись с Высшим "Я", единым со Вселенской Душой.

Махила – индийская царица.

Моисей – библейский пророк; предводитель израильских племен, призванный Богом Яхве вывести израильтян из египетского рабства; на горе Синай Бог дал Моисею скрижали с десятью заповедями. Почитаются иудеями, христианами и мусульманами.

Мукти (санскр.) – освобождение.

Муки (санскр.) – святой, отшельник; чаще всего тот, кто принял обет молчания.

Муршид (араб.) – в суфизме духовный учитель, то же, что у индусов гуру, а в православной традиции – старец.

Мухаммед (Мохаммед, Мухаммад; в европейской литературе часто Магомет, Магомед; ок.570-632) – основатель ислама, через которого Аллах дал людям Коран. Выходец из рода бану-хашим арабского племени курейшитов. Получив, по преданию, (ок.609-610 гг.) откровение Аллаха, выступил в Мекке с проповедью новой веры.

Мюрид (араб.) – послушник, ученик, последователь; то же, что у индусов чела.

Нанак, или **Гуру Нанак** (1469–1539) – индийский философ, мистик и поэт, основатель сикхизма. Создал и возглавил общину сикхов. Стихи Нанака включены в священную книгу сикхов Адигрантх.

Низами Гянджеви, Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141-ок. 1209) – азербайджанский поэт и мыслитель. Основное сочинение – "Хамсе" ("Пятирица"), состоит из пяти поэм: "Сокровищница тайн" (1173-80), "Хосров и Ширин" (1181), "Лейли и Меджнун" (1188), "Семь красавиц" (1197) и "Искандер-наме" (ок.1203). Сохранилась также часть лирического дивана. Его поэзия оказала заметное влияние на литературу Ближнего и Среднего Востока.

Намаз (перс.) или **саят** (араб.) – мусульманская каноническая молитва. Мусульманам предписано совершать молитву пять раз в день: между рассветом и восходом, в полдень, незадолго до заката, после заката и поздно вечером. Особо благочестивые люди совершают еще и дополнительную молитву ночью или днем. Молитву можно совершать в любом месте, но ей обязательно должно предшествовать ритуальное омовение.

Нирвана (санскр. – угасание) – в буддизме окончательное развоплощение, вечное блаженство, угасание страстей и сознания отдельности личного существования – конечная цель духовного пути; в суфизме осуществление свободы души.

Омар Хайям (ок. 1048-ок. 1123) – персидский поэт-суфий, математик, астроном и философ. Его всемирно известные философские четверостишия – рубай – проникнуты жизнелюбием и глубоким мистическим смыслом.

Параматма (санскр. – высшая душа, Дух) – в индуизме совершенный дух, душа вселенной; в суфизме богоосознающая душа, божественный человек, самоосуществленная личность.

Перевоплощение – одна из основных доктрин многих религий и эзотерических учений; особо подробно разработана в индийских религиях и философских системах (на санскрите – самсара, сансара); последовательное превращение духа или души (в ортодоксальных индуистских системах) или личности (в буддизме) в цепи новых рождений (в образе растения, животного, человека); осуществляется по закону кармы.

Прана (санскр.) – в традиционной индийской философии жизненная энергия, жизнь, дыхание жизни; в суфизме основное, или центральное, дыхание, жизнь и ее физическая форма как ощущаемое в физических сферах дыхание, проявленное внешне.

Раджас (санскр.) – в индийской философии свойство (гуна) загрязненности, страсти и активности, одна из трех гун, или делений, во взаимоотношениях материи и природы, представляющая форму и изменчивость.

Ракшасы (санскр. – едоки сырого) – в ведийской и индуистской мифологии злые демоны, имеющие вид огромных чудовищ со многими рогатыми головами.

Руми Джелал-уд-дин (1207-73) – выдающийся персоязычный поэт-суфий. Родился в Балхе, большую часть жизни прожил в Конье (Турция). По образованию он был правоведом и не интересовался мистицизмом до тех пор, пока не встретил в 1240 году своего будущего учителя Шамса Табризского, после чего и встал на путь суфизма. Написал сборник притч в стихах "Маснави", затем "Диван" ("Диван Шамса Табризского"). Считается основателем ордена Мевлеви – "Танцующе дервиши". В Турции известен как Мевляна (Наш Мастер).

Саади Мусли-уд-дин (1184-1291) – персидский поэт и философ. Всю жизнь странствовал по мусульманскому миру, был в плену у франков и возвратился к себе на родину в Шираз уже пожилым человеком. В 1257 году опубликовал сборник стихов "Бустан" ("Место сладких запахов"), а в 1258-м написал "Гулистан" ("Розовый сад"), где проза перемежается с поэзией. Его стихи полны доброты, юмора и скрытого символизма тех состояний, которые испытывает мистик на своем пути.

Саки (виночерпий) – в суфийской поэзии символизирует Бога.

Сатва (санскр. – чистота, доброта) – в индийской философии одна из трех гун (сатва, раджас и тамас), или трех подразделений природы. Высшее и наиболее совершенное проявление духа в материи.

Тамас (санскр.) – в индийской философии качество (гуна) тьмы, загрязненности и инертности, а также невежества. Это низшая из трех гун.

Фана-фи-шейх (арабск.) – первая ступень Фана, растворение, или исчезновение в учителе.

Фарид – см. Аттар Фарид-ад-дин.

Хафиз (Гафиз, Хафез, настоящее имя – Шамседдин Мохаммед) – выдающийся персидский поэт XIV века, получил полное богословское образование и прославился как "ха-физ" (человек, знающий Коран наизусть); в своем творчестве использовал образную структуру и символику традиционной суфийской поэзии.

Чишти Моин-уд-дин Хваджа (предп. 1142-1236 или 1135-1229) – великий суфийский мастер линии Чишти. Известен под именем "Некоронованный император Индии". В настоящее время его гробница в Аджмире (Раджастхан) – одно из самых посещаемых мест паломничества, причем как для мусульман, так и представителей других вероисповеданий.

Шабаз – охотничий сокол.

Шамс Табризский – таинственный дервиш, поэт и мистик, которого в 1244 году встретил Джелал-уд-дин Руми и стал его учеником.

Шанкарачарья, или **Шанкара** (предп. 780-820) – индийский религиозный философ, реформатор индуизма. Главные сочинения: комментарии на Упанишады, Веданта-сутру и Бхагавадгиту. Синтезировал все предшествующие ортодоксальные (признающие авторитет Вед) системы и развил учение адвайта-веданты (адвайта – не-двойственность). Эта концепция довольно близка индийским суфиям.